

Т.Р. Мальтус

ОПЫТ О ЗАКОНЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

О препятствиях к размножению населения в наименее цивилизованных странах и в древние времена

- I. Изложение предмета. Отношение между размножением населения и возрастанием количества пропитания**
- II. Общие препятствия, задерживающие размножение населения, и способ их воздействия**
- III. Системы равенства**
- IV. О надежде, которую можно возлагать на будущее, относительно излечения или смягчения бедствий, порождаемых законом народонаселения**
- V. О влиянии на общество нравственного обуздания**
- VI. О единственном, находящемся в нашем распоряжении средстве для улучшения участи бедных**
- VII. Какое влияние на гражданскую свободу оказывает знакомство с главной причиной бедности**
- VIII. Продолжение о том же**
- IX. О постепенной отмене законодательства о бедных**
- X. Какими способами можно содействовать разъяснению заблуждений относительно народонаселения**
- XI. О направлении нашей благотворительности**
- XII. Исследование проектов, предложенных для улучшения участи бедных**
- XIII. О необходимости установить общие принципы в вопросе об улучшении участи бедных**
- XIV. О надеждах, которые мы можем питать относительно улучшения общественного устройства**
- XV. Учение, изложенное в этом сочинении, не противоречит законам природы; оно имеет в виду вызвать здоровое и крепкое население и размножение, не влекущее за собой порока и нищеты**
- XVI. О праве бедных на прокормление**
- XVII. Опровержение возражений**
- XVIII. Заключение**

I

Изложение предмета.

Отношение между размножением населения и возрастанием количества пропитания

Тому, кто захочет предусмотреть, каков будет дальнейший прогресс общества, естественно предстоит исследовать два вопроса:

1) Какие причины задерживали до сих пор развитие человечества или возрастание его благосостояния?

2) Какова вероятность устранить, вполне или отчасти, эти причины, препятствующие развитию человечества?

Такое исследование слишком обширно, чтобы одно лицо могло его с

успехом выполнить. Задача настоящей книги заключается преимущественно в исследовании последствий великого и тесно связанного с человеческой природой закона, действовавшего неизменно со времени происхождения обществ, но, несмотря на это, мало обращавшего на себя внимание тех людей, которые занимались вопросами, имевшими ближайшее отношение к этому закону. В сущности, многие признавали и подтверждали факты, в которых проявляется действие этого закона, но никто не замечал естественной и необходимой связи между самим законом и некоторыми важнейшими его последствиями, несмотря на то, что в числе этих последствий должны были бы обратить на себя внимание такие явления, как пороки, несчастия и то весьма неравномерное распределение благ природы, исправление которого всегда составляло задачу людей доброжелательных и просвещенных. Закон этот состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи.

По наблюдениям доктора Франклина, единственной границей воспроизводительной способности растений и животных является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишают себя средств к существованию. Если бы, говорит он, поверхность земли лишилась всех своих растений, то одной породы, например, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; если бы земля не была населена, то одной нации, английской например, достаточно было бы, чтобы заселить ее в течение нескольких веков. Это утверждение неоспоримо. Природа щедрой рукой рассыпала зародыши жизни в обоих царствах, но она бережлива относительно места и пищи для них.

Без этой предосторожности одного населения земли было бы достаточно, чтобы в несколько тысячелетий покрыть миллионы миров; но настоятельная необходимость сдерживает эту чрезмерную плодовитость, и человек, наравне с прочими живыми существами, подчинен закону этой необходимости.

Растения и животные следуют своему инстинкту, не останавливаемые предусмотрительностью относительно лишений, которые может испытать их потомство. Недостаток места и пищи уничтожает в обоих царствах то, что переходит границы, указанные для каждой породы.

Последствия того же препятствия оказываются для человека гораздо более сложными. Побуждаемый тем же инстинктом размножения, он удерживается голосом разума, внушающим ему опасение, что он не в состоянии будет удовлетворить потребности своих детей. Если он уступит этому справедливому опасению, то нередко это будет в ущерб добродетели. Если же, наоборот, одержит верх инстинкт – население возрастет быстрее, чем средства существования, а следовательно, по необходимости, оно должно вновь уменьшиться. Таким образом, недостаток пропитания является постоянным препятствием к размножению человеческой породы; это препятствие обнаруживается всюду, где скопляются люди, и беспрерывно проявляется в разнообразных формах нищеты и вызываемого ею справедливого ужаса.

Рассматривая различные периоды существования общества,

нетрудно убедиться, с одной стороны, в том, что человечеству присуще постоянное стремление к размножению, превышающему средства существования, с другой стороны – что эти средства существования являются препятствием к чрезмерному размножению. Но прежде чем мы приступим к исследованиям в этом направлении, попытаемся определить, как велико было бы естественное и ничем не сдерживаемое размножение населения и до каких пределов может возрасти производительность земли при самых благоприятных условиях для производительного труда. Нетрудно согласиться, что нет ни одной известной страны, которая представляла бы такие обильные средства существования и такие простые и чистые нравы, чтобы заботы об удовлетворении потребностей семьи никогда не препятствовали или не задерживали заключение браков и чтобы пороки многолюдных городов, вредные для здоровья ремесла или чрезмерный труд не сокращали бы продолжительность жизни. Следовательно, мы не знаем ни одной страны, в которой население возрастало бы беспрепятственно. Независимо от законов, устанавливающих брак, природа и нравственность одинаково предписывают человеку с раннего возраста привязанность исключительно к одной женщине, и если бы ничто не препятствовало неразрывному союзу, являющемуся следствием такой привязанности, или если бы не наступали за ним условия, уменьшающие возрастание населения, то мы вправе были бы предположить, что последнее перешло бы за пределы, которых оно когда-либо достигало.

В Штатах Северной Америки, в которых не обнаруживается недостатка в средствах существования, где господствует чистота нравов и где ранние браки возможно, чем в Европе, найдено было, что население в продолжении более полутора года удваивалось менее, чем в двадцать пять лет. [ссылка 1](#) Это удвоение имело место, несмотря на то, что в тот же промежуток времени в некоторых городах замечалось превышение числа умерших над числом родившихся, вследствие чего остальная страна должна была постоянно пополнять население этих городов. Это показывает, что размножение может в действительности совершаться быстрее, чем это выражается общей средней цифрой.

В поселениях внутри страны, где земледелие составляло единственное занятие колонистов, где неизвестны были ни пороки, ни вредные для здоровья городские работы, найдено было, что население удваивалось каждые пятнадцать лет. Это приращение, как оно ни было велико само по себе, могло бы несомненно еще возрасти, если бы к тому не встречалось никаких препятствий. Разработка новых земель нередко требовала чрезмерных усилий, которые не всегда оказывались безвредными для здоровья рабочих; сверх того туземные дикари иногда мешали этому предприятию своими набегами, уменьшали количество произведений трудолюбивого земледельца и даже лишали жизни некоторых членов его семьи.

ссылка 1

Некоторые соображения и новейшие вычисления доказывают, что со времени первого заселения Америки до 1800 г. период удвоения населения был несколько более 20 лет. Прим. автора.

По таблице Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36, – в том случае, когда рождения относятся к смертям, как 3:1, период удвоения населения составляет всего $12 \frac{4}{5}$ года. И это не предположение только, а действительное явление, несколько раз повторявшееся в короткие промежутки времени.

Сэр В. Петти полагает, что под влиянием особо благоприятных условий население может удваиваться каждые 10 лет.

Но, во избежание всяких преувеличений, примем за основание наших рассуждений размножение наименее быстрое, доказанное сопоставлением многих свидетельств и притом производимое одними только рождениями.

Итак, мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии.

Несравненно труднее определить размер возрастания произведений земли. Тем не менее мы уверены, что размер этот не соответствует тому, который проявляется при возрастании населения.

Миллиард людей по закону народонаселения должен удвоиться через 25 лет, точно так же, как и тысяча человек; но нельзя получить с прежней легкостью пищу для быстровозрастающего населения. Человек стеснен ограниченным пространством; когда мало-помалу, десятая за десятиной, будет занята и возделана вся плодородная земля, увеличение количества пищи может быть достигнуто не иначе, как только путем улучшения занятых ранее земель. Эти улучшения, по самым свойствам почвы, не только не могут сопровождаться постоянно возрастающими успехами, но, наоборот, последние будут постепенно уменьшаться, в то время как население, если оно находит средства существования, возрастает безгранично и это возрастание становится, в свою очередь, деятельной причиной нового возрастания.

Все, что нам известно о Китае и Японии, дает нам право сомневаться в том, чтобы при наибольших усилиях человеческого труда можно было достигнуть удвоения количества произведений земли, даже в возможно длинный период времени.

Правда, на земном шаре в настоящее время имеется еще много необработанных и почти незаселенных земель; но можно оспаривать наше право на истребление рассеянных по ним племен или на принуждение их к заселению отдаленнейших частей своих земель, недостаточных для их прокормления. Если бы мы хотели прибегнуть к распространению среди этих племен цивилизации и к лучшему направлению их труда, то для этого нужно было бы употребить много времени; а так как в течение этого времени возрастание средств существования будет сопровождаться соразмерным увеличением населения этих племен, то редко может случиться, чтобы таким путем разом освободилось значительное количество плодородных земель, могущих поступить в распоряжение просвещенных и промышленных народов. Наконец, как это случается при учреждении новых колоний, население последних, быстро возрастая в геометрической прогрессии, вскоре приходит к своему наивысшему уровню. Если, в чем нельзя сомневаться,

население Америки будет постоянно возрастать, хотя бы даже с меньшей быстротой, чем в первый период заведения в ней колоний, то туземцы будут постоянно оттесняться вглубь страны, пока, наконец, их раса не исчезнет совершенно.

Эти соображения до известной степени приложимы ко всем частям земного шара, где земля недостаточно хорошо возделывается. Но ни на одну минуту не может прийти в голову мысль об уничтожении и истреблении большей части жителей Азии и Африки. Цивилизовать же различные племена татар и негров и руководить их трудом представляется, без сомнения, долгим и трудным делом, успех которого притом изменчив и сомнителен.

Европа также заселена еще не так густо, как это могло бы быть. Только в ней можно до некоторой степени рассчитывать на лучшее приложение труда. В Англии и Шотландии много занимались изучением земледелия, но и в этих странах есть много неводеланных земель. Рассмотрим, до какой степени может быть на этом острове увеличена производительность земли при самых благоприятных условиях, какие только можно себе представить. Если мы допустим, что при наилучшем правлении и при наибольшем поощрении земледелия произведения почвы этого острова могут удвоиться в первое двадцатипятилетие, то, по всей вероятности, мы перейдем пределы действительно возможного; такое допущение, наверное, превысит действительную меру возрастания произведений почвы, на которую мы вправе благоразумно рассчитывать.

В следующее двадцатипятилетие решительно уже нельзя надеяться, чтобы производительность земли возросла в такой же степени и чтобы, следовательно, в конце этого второго периода первоначальное количество продуктов земледелия учетверилось. Допустить это – значило бы опрокинуть все наши познания и представления о производительности почвы. Улучшение бесплодных участков является результатом больших затрат труда и времени, и для всякого, имеющего самое поверхностное представление об этом предмете, очевидно, что по мере улучшения обработки ежегодное приращение среднего количества продуктов земледелия постоянно, с известной правильностью, уменьшается. Но чтобы сравнить между собой степени возрастания населения и средств существования, допустим предположение, которое, как бы оно ни было неточно, во всяком случае значительно преувеличивает действительно возможную производительность земли.

Допустим, что ежегодное приращение к среднему количеству продуктов земледелия не уменьшается, т.е. остается неизменным для каждого последующего периода времени, и что в конце каждого двадцатипятилетия успехи земледелия выразятся в возрастании продуктов, равном современному годовичному производству Великобритании. Наверное, исследователь, наиболее склонный к преувеличениям, не допустит, чтобы можно было ожидать большего, так как и этого совершенно достаточно, чтобы в течение нескольких веков обратить всю почву острова в роскошный сад. Приложим это предположение ко всему земному шару и допустим, что в конце каждого последующего двадцатипятилетия количество продуктов земледелия будет равняться тому, что собиралось вначале

этого двадцатипятилетия, с прибавлением к нему всего того количества, которое в настоящее время может дать поверхность земного шара. [Напр., если десятина дает теперь 50 пуд. ржи, то через 25 лет она будет давать больше на сумму этого годовичного производства, т.е. 100 п., еще через 25 лет количество это увеличится опять на сумму теперешнего годовичного производства и будет равно 150 п.; в третий период оно достигнет 200 п., и т.д. Без сомнения, мы не вправе ожидать большего от наилучше направленных усилий человеческого труда.

Итак, исходя из современного состояния заселенных земель, мы вправе сказать, что средства существования при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда никогда не могут возрасть быстрее, чем в арифметической прогрессии. Неизбежный вывод, вытекающий из сравнения приведенных выше двух законов возрастания, поистине поразителен. Допустим, что население Великобритании равняется 11 миллионам, и что современная производительность ее почвы совершенно достаточна для прокормления этого населения. Через 25 лет население достигнет 22 миллионов, а продовольствие, также удвоившись, по-прежнему способно будет прокормить население. В конце второго двадцатипятилетия население возрастет уже до 44 миллионов, а средств существования хватит лишь для 33 миллионов. В конце следующего двадцатипятилетнего периода из 88 миллионов населения уже только половина найдет себе средства существования. В конце столетия население достигнет 176 миллионов, средств же существования хватит лишь на 55 миллионов, следовательно, остальные 121 миллион должны будут умереть с голоду.

Заменим избранный нами для примера остров поверхностью всего земного шара; в этом случае, конечно, уже нет места предположению, что голод может быть устранен переселениями. Допустим, что современное население земного шара равно 1 миллиарду; человеческий род размножался бы как: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256; в то же время средства существования размножились бы как: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. По истечении двух столетий количество населения относилось бы к средствам существования, как 256 к 9; по истечении трех столетий, как 4096 к 13, а по прошествии 2000 лет отношение это было бы беспредельно и неисчислимо.

В наших предположениях мы не положили границ для производительности земли. Мы допустили, что она может бесконечно возрастать и превысить всякую данную величину. Но даже при таком предположении закон постоянного возрастания населения до такой степени превышает закон возрастания средств существования, что для сохранения равновесия между ними, для того, следовательно, чтобы данное население имело соответственное количество средств существования, необходимо, чтобы размножение постоянно задерживалось каким-нибудь высшим законом, чтобы оно подчинялось суровой необходимости, словом, чтобы тот из этих двух противоположных законов размножения, на стороне которого оказывается такой перевес, сдерживался бы в определенных границах.

II Общие препятствия, задерживающие размножение населения, и способ их воздействия

Из предыдущего вытекает, что важнейшим препятствием к размножению населения является недостаток пищи, происходящий от различия отношений, в которых возрастают, с одной стороны, население, а с другой стороны, средства существования. Но это важнейшее и окончательное препятствие, которое является конечным результатом всех остальных, оказывает свое непосредственное действие только в случае бедствий, производимых голодом.

Непосредственные препятствия проистекают от нарушения привычек и от болезней, создаваемых недостатком средств существования; сюда же необходимо причислить независящие прямо от этого недостатка физические и нравственные причины, причиняющие преждевременную смерть.

Эти препятствия к размножению населения, действующие постоянно, с большей или меньшей силой во всех человеческих обществах и удерживающие размер населения на уровне его средств существования, могут быть сведены к двум разрядам. Одни действуют, предупреждая размножение населения, другие – сокращая его по мере чрезмерного возрастания. Первые можно назвать препятствиями предупредительными, вторые – препятствиями разрушительными.

Препятствия предупредительные, поскольку они добровольны, свойственны человеку и заключаются в способности, отличающей его от животных, – способности предвидеть и оценивать отдаленные последствия. Все препятствия к безграничному размножению лишенных разума растений и животных принадлежат к числу разрушительных; если же они оказываются предупредительными, то в них нет ничего добровольного. Наоборот, человеку стоит взглянуть вокруг себя, чтобы поразиться зрелищем, которое часто представляют большие семьи; сравнивая свои средства существования, часто не превышающие его собственные потребности, с числом лиц, с которыми пришлось бы разделить эти скудные средства (а число это легко может возрасти до 7 – 8 человек), он проникается справедливым опасением, что не в состоянии будет содержать рожденных им детей. Таковы будут его опасения среди общества, основанного на равенстве, если такое общество может осуществиться. При настоящем порядке вещей ему представятся еще другие соображения. Не рискует ли он утратить свое положение и не вынужден ли будет отказаться от своих дорогих привычек? Какое занятие и какое употребление он даст своим способностям? Не придется ли ему отдаться более изнурительному труду или прибегнуть к более тяжелым занятиям, к которым его не вынуждает настоящее положение? Будет ли он в состоянии предоставить своим детям такое же воспитание, каким он сам воспользовался? Может ли он питать уверенность в том, что, при постепенном увеличении семьи, его личных усилий достаточно будет для того, чтобы избежать нищеты и сопутствующего ей

общественного презрения? Не придется ли даже, в крайнем случае, отказаться от той независимости, которой он так гордится, и не заставит ли его нужда обратиться, как к последнему средству, к общественной благотворительности, всегда ограниченной и недостаточной?

Такие соображения делаются с целью предупредить многие супружества во всяком цивилизованном обществе, причем они часто достигают своей цели, – препятствуют заключению многих ранних браков, противодействуя таким образом естественным влечениям. Если за этим не следуют пороки, воздержание от ранних браков является наименьшим злом, вытекающим из закона народонаселения. Воздержание, налагаемое на наши наиболее сильные влечения, без сомнения, вызывает временное тягостное чувство. Но это зло, очевидно, весьма ничтожно сравнительно с другими препятствиями, останавливающими возрастание населения. Воздержание является таким же лишением, как и множество других, налагаемых на нас нравственным чувством.

Когда воздержание сопровождается пороками, проистекающее от этого зло поражает всякого наблюдателя. Извращение нравов, доведенное до такой степени, что оно препятствует рождению детей, унижает человеческую природу и оскорбляет ее достоинство. Оно производит такое действие на мужчину и еще более извращает характер женщины, искажая самые привлекательные свойства ее природы. К этому необходимо прибавить, что из всех несчастных созданий, быть может, ни одно не подвергается таким бедствиям и не впадает в такую крайнюю нищету, как те несчастные жертвы проституции, которыми изобилуют большие города.

Когда испорченность становится общей и распространяется на все слои общества, она неизбежно отравляет самый источник семейного счастья, ослабляет те узы, которые соединяют супругов и которыми природа связала родителей с детьми, обязанными им своим существованием, и, наконец, вредит воспитанию последних. Эти последствия, без сомнения, уменьшают счастье общества и наносят громадный вред добродетели. Последняя страдает в особенности вследствие обмана, необходимого для ведения преступной интриги и сокрытия ее последствий, ибо нет пороков, в которые бы не способны были вовлечь такие тайные, незаконные сношения.

Разрушительные препятствия к размножению населения по своей природе весьма разнообразны. К ним относятся все причины, стремящиеся каким бы то ни было образом, при помощи порока или несчастья, сократить естественную продолжительность человеческой жизни. Поэтому к категории этих препятствий необходимо отнести вредные для здоровья занятия, тяжкий, чрезмерный или подвергающий влиянию непогоды труд, крайнюю бедность, дурное питание детей, нездоровые жизненные условия больших городов, всякого рода излишества, болезни, эпидемии, войну, чуму, голод.

Исследуя препятствия к размножению населения, разделенные мной на две общие группы под именем предупредительных и разрушительных, нетрудно заметить, что они могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и

страданиям.

В числе предупредительных препятствий воздержание от супружества, сопровождаемое целомудрием, составляет то, что я разумею под именем нравственного обуздания (moral restraint) *[Я употребляю здесь слово нравственный в ограниченном смысле. Под нравственным обузданием я разумею воздержание от супружества, налагаемое на себя кем-либо вследствие благоразумных побуждений и сопровождаемое строго нравственным поведением. Я старался не отступать в этом сочинении от указанного значения, а в тех случаях, когда мне представлялась необходимость говорить о воздержании от супружества, не сопровождающемся предосторожностями относительно последствий такого воздержания, я его называл то благоразумным воздержанием, то одним из предупредительных препятствий, среди которых ему, бесспорно, принадлежит первенствующее место.*

Мне указывали, что, исследуя различные периоды общественной жизни, я недостаточно оценил предупредительное действие нравственного обуздания и влияние его, в смысле предохранения общества от чрезмерного размножения. Но если принять во внимание вышеуказанный ограниченный смысл, который я придаю словам нравственное обуздание, то окажется, что я имел основание приписывать этой причине то незначительное влияние, которое мной было указано. Я был бы счастлив, если бы убедился, что ошибся в этом отношении. Прим. автора.]

Распушенность, противоестественные страсти, осквернение супружеского ложа, ухищрения, предпринимаемые для сокрытия последствий преступной и противоестественной связи, – все это предупредительные препятствия, очевидно, относящиеся к разряду пороков. [ссылка 2](#)

Разрушительные препятствия, являющиеся неизбежным следствием законов природы, составляют исключительно ту группу, которую я обозначаю словом несчастье (misery). Наоборот, те, которые зависят от нас самих, как война, различные излишества и многие другие неизбежные бедствия, представляются смешанными по своей природе. Их порождает порок и они влекут за собой несчастья. Совокупность всех предупредительных и разрушительных препятствий составляет то, что я разумею под именем

ссылка 2

Так как несчастье является по преимуществу следствием порока и так как именно по причине такого следствия известный поступок получает название порока, казалось бы, что в данном случае достаточно ограничиться словом несчастье, не вводя без всякой надобности другое слово. Но, устранив слово порок, мы породили бы крайнюю спутанность в языке и понятиях. Нам необходимо слово, обозначающее такие поступки, которые в результате приводят к несчастью, но непосредственное действие которых сопровождается иногда противоположными последствиями, непосредственный результат удовлетворения страсти заключается в доставлении себе наслаждения, а не несчастья. Притом в известных случаях отдаленные последствия какого-либо поступка не всегда сопровождаются несчастьем для совершившего этот поступок, по крайней мере в настоящей жизни. Можно допустить существование таких непопозволенных действий, которые доставили счастье совершившим их личностям и не имели для них на земле пагубных последствий. Вследствие этого нельзя отнести такие единичные действия к разряду несчастий; но они, очевидно, порочны, так как под именем таковых необходимо разуметь поступки, результатом которых является вообще несчастье, независимо от личных последствий в некоторых отдельных случаях. Итак, никто не станет отрицать, что последствия непопозволенных поступков заключаются а уменьшении счастья человеческих обществ.

непосредственного препятствия к размножению населения. В тех местностях, где население не может возрасти безгранично, предупредительные и разрушительные препятствия находятся в обратном отношении, т.е. в местности нездоровой или такой, в которой население по какой-либо причине подвергается значительной смертности, предупредительные препятствия будут иметь ничтожное влияние, и, наоборот, в местностях здоровых, где предупредительные препятствия действуют с наибольшей силой – разрушительные препятствия слабо проявляют свое влияние и смертность оказывается незначительной.

Во всякой стране каждое из перечисленных препятствий действует с большей или меньшей силой, но с неизменным постоянством. Тем не менее, несмотря на постоянное действие этих препятствий, найдется немного местностей, в которых бы ни проявлялось непрерывного стремления населения к размножению, превышающему средства существования. Это непрерывное стремление является причиной бедствий низших классов общества и препятствием к какому бы то ни было улучшению положения участи этих классов.

Способ действия при настоящем состоянии общества указанных выше препятствий к размножению населения заслуживает некоторого внимания с нашей стороны. Представим себе страну, в которой средства существования находятся в точном соответствии с количеством населения. Постоянное стремление последнего к размножению, проявляющееся даже среди самого порочного общества, не замедлит увеличить число людей быстрее, чем могут возрасти средства существования. Пища, которой достаточно было, например, для 11 миллионов человек, должна будет теперь распределиться между 11 1/2 миллиона, вследствие чего бедным тотчас же станет труднее жить, а многие из них будут терпеть крайнюю нужду. Сверх того, число работников возрастет быстрее, чем количество работ, и заработная плата неминуемо понизится; а так как в то же время предметы потребления вздорожают, то для сохранения прежнего образа жизни работникам придется больше работать. Во время такой нужды браки становятся так затруднительны и до такой степени бывает тяжело содержать семью, что возрастание населения останавливается. В то же время низкая заработная плата, избыток работников и необходимость, побуждающая их работать больше прежнего, дают возможность земледельцам приложить к земле больше труда, возделывать необработанные участки, удобрить и улучшить распаханную уже землю, пока, наконец, средства существования не придут в соответствие с количеством населения, т.е. не достигнут того уровня, с которого мы начали это рассуждение. Тогда положение работников становится менее тягостным, и препятствие, задерживающее возрастание населения, вновь устраняется. Но по истечении незначительного периода времени возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения.

Колебания эти, вероятно, не бросятся в глаза обыкновенному наблюдателю; даже самому внимательному человеку, быть может, нелегко будет заметить их и рассчитать периоды их повторений. Тем не менее стоит внимательно вникнуть в этот предмет, чтобы

убедиться, что во всех старых государствах проявляется нечто подобное таким сменам периодов довольства и нужды, хотя, правда, в менее правильной форме, чем это изложено выше.

Одна из важнейших причин, почему не были замечены такие колебания, заключается в том, что историки занимались почти исключительно жизнью высших слоев общества; по крайней мере в нашем распоряжении имеется очень немного сочинений, в которых верно изображены обычаи и образ жизни низших классов народа. А между тем среди именно этих классов и проявляются главным образом колебания, о которых упомянуто выше. Чтобы написать с этой точки зрения удовлетворительную историю народа за определенный период, необходимо, чтобы многие исследователи посвятили себя продолжительному и внимательному наблюдению общих, частных и местных фактов относительно положения низших классов и причины их благосостояния или бедствий. Чтобы вывести из этих наблюдений верные и приложимые к предмету нашего исследования выводы, понадобился бы затем ряд исторических изысканий, охватывающих предмет на протяжении нескольких веков. В некоторых странах в последнее время предпринята была разработка этого отдела статистики [ссылка 3](#); такие непрерывные исследования, без сомнения, прольют со временем свет на внутреннее строение общественного организма. Но пока необходимо признать, что эта область знаний находится в младенческом состоянии и существует множество важнейших вопросов, относительно которых мы или совершенно лишены сведений, или имеем самые несовершенные данные для их разрушения. Каково отношение между числом браков и возмужалых лиц? В какой мере затруднительность вступления в брак способствует развитию пороков? Как велика разница в смертности детей среди богатых и бедных? Попытайтесь, например, установить колебания действительной заработной платы, или степень довольства и счастья, которыми пользовались в различные периоды низшие классы общества. Составьте, наконец, точные списки рождений, смертей и браков, сведения о которых так необходимы в занимающем нас вопросе.

Верная история человеческого рода, в которой были бы разрешены такие вопросы, могла бы пролить много света на способ действия постоянных препятствий, задерживающих возрастание населения. Весьма вероятно, что такая история разъяснила бы ретроградные и прогрессивные моменты в движении населения, о которых было упомянуто выше, невзирая на то, что продолжительность этих

ссылка 3

Разумные вопросы, предложенные Синклером в Шотландии, и факты, собранные им относительно этой части Великобритании, делают честь его трудолюбию и учености; его сочинение, кроме того, свидетельствует о высокой степени образования и дарований духовенства этой страны. Остается сожалеть о том, что в этом труде не соединены смежные приходы, так как такое изложение представило бы точную и ясную картину положения каждого округа и облегчало бы запоминание. Что же касается встречающихся в книге повторений и даже противоречий, то они не затемняют вопроса и даже укрепляют доверие читателя. Если бы это сочинение заключало точные и полные сведения за последние 150 лет, оно представляло бы драгоценнейший материал, рисующий более верно внутреннее состояние страны, чем все остальные обнародованные по этому предмету труды. Но для придания ему такой полноты недостаточно было бы наибольшего трудолюбия одного человека. Прим. автора.

колебаний должна быть крайне неправильна, в зависимости от различных причин. Эти причины, нарушающие правильность колебаний, весьма разнообразны: к ним необходимо отнести учреждение или прекращение нескольких фабрик, процветание или упадок сельскохозяйственного промысла, урожайные или голодные годы, войны, эпидемии, законы о бедных, выселения и проч. Разница между действительной и нарицательной ценой труда представляет еще одну из причин, которая иногда скрывает эти колебания. Заработная плата редко падает повсюду одновременно; известно, что нередко высота заработной платы остается неизменной, в то время как нарицательная цена предметов потребления постоянно повышается. Это обыкновенно происходит в тех случаях, когда торговля и промышленность настолько возрастают, что могут доставить работу вновь появившимся на рынке работникам и предупредить усиленное предложение, вызывающее обыкновенно понижение денежной величины заработной платы. [ссылка 4](#) Но возрастание числа работников, получающих в виде заработной платы прежнее количество денег, необходимо должно вызвать повышение цены на хлеб вследствие увеличения спроса на него. Таким образом, в действительности понизится цена на труд. До тех пор, пока существует такое постепенное возрастание цены предметов потребления, положение низших классов не может не ухудшаться в такой же постепенности, и наоборот, капиталисты и производители хлеба должны обогащаться вследствие понижения цены труда, причем их капиталы будут возрастать и дадут им возможность воспользоваться трудом большого числа работников. Необходимо заметить, что при таком положении вещей прокормление семьи станет более затруднительным, вследствие чего неминуемо произойдет некоторая убыль населения, и спустя некоторое время спрос на труд превысит его предложение. Тогда действительная цена на труд опять повысится, если ничто не приведет ее к прежнему уровню. Таким образом, действительная цена труда, а вместе с ней и благосостояние низших классов, будет подвергаться то понижению, то повышению, хотя нарицательная цена этого труда будет оставаться неизменной. Дикари, среди которых нет правильной цены на труд, несомненно, переживают такие же колебания. Когда возрастание их населения достигает своего крайнего предела, все препятствия, как предупреждающие, так и разрушающие размножение, начинают действовать с особенной силой: усиливаются порочные склонности, дети чаще оставляются на произвол судьбы, войны и эпидемии становятся более частыми и опустошительными. Эти причины действуют до тех пор, пока население не будет ими низведено до уровня средств существования. Тогда возвращение относительного довольства вновь повлечет за собой возрастание населения, а спустя

ссылка 4

Если вновь прибывающие ежегодно на рынок работники не будут отвлечены земледельческими занятиями, их возрастающее соперничество может а такой степени понизить денежную цену труда, что даже возрастание населения не вызовет усиления действительного спроса на хлеб. Иными словами: если собственники земли и производители хлеба получают лишь такое добавочное количество земледельческого труда, которое будет соответствовать добавочному количеству продуктов, то у них не будет побуждения для производства этих продуктов. Прим. автора.

некоторое время это возрастание будет задержано теми же причинами, которые только что перечислены. [ссылка 5](#)
Я не имею в виду проследить в различных странах размер описанных колебаний. Для выполнения такой задачи необходимо было бы, чтобы история снабдила нас подробными сведениями относительно таких вопросов, на которые она до сих не обращала внимания. Нетрудно убедиться, что даже успехи цивилизации естественно стремятся сделать эти колебания менее заметными. Поэтому я ограничусь установлением следующих положений: Количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования.

Народонаселение неизменно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только оно не будет остановлено явными и могущественными препятствиями. [ссылка 6](#)
Эти особые препятствия, точно так же как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью. Полагаю, что первое из этих положений вряд ли нуждается в доказательствах. Два других будут подтверждены ниже исследованием положения древних и новых народов. Последующие главы I и II книг посвящены подробному рассмотрению препятствий к размножению населения в различных местностях земного шара, а именно:

КНИГА ПЕРВАЯ

- Глава IV. Между туземными племенами Америки.
- V. На островах Южного моря.
- VI. Между древними обитателями Северной Европы.
- VII. Между кочующими племенами.
- VIII. В Африке.
- IX. В Сибири.
- X. В Турции и Персии.
- XI. В Индии и Тибете.
- XII. В Китае и Японии.
- XIII. Среди древних греков.
- XIV. Среди древних римлян.

КНИГА ВТОРАЯ

ссылка 5

Джемс Стюарт сравнивает производительную силу с пружиной, на которую действует переменная тяжесть (Econ. polit., отд. I, кн. I, гл. 4), вследствие чего должны происходить те колебания, которые мной описаны. Этот автор весьма Удовлетворительно изложил в первой книге своего «Трактата о политической экономии» многие вопросы относительно народонаселения. Прим. автора.

ссылка 6

Я выражаюсь здесь с некоторой осторожностью, вследствие того, что существуют, как мне кажется, немногие случаи, как, напр., среди негров Вест-Индии, и еще два-три подобных же, когда население не достигало уровня средств существования. Но это исключения и особые случаи. Говоря вообще, приведенные выше положения можно выразить без ограничения. Прим. автора.

Глава I. В Норвегии.
II. В Швеции.
III. В России.
IV. В Средней Европе.
V. В Швейцарии.
VI и VII. В Испании и Франции.
VIII и IX. В Англии.
X. В Шотландии и Ирландии.

В главах XI, XII и XIII изложены специальные соображения – о плодovitости браков, влиянии повальных болезней на регистрацию населения и выводы из исследования отдельных стран. Эта специальная часть труда Мальтуса опущена в настоящем издании.

КНИГА ТРЕТЬЯ

О различных системах, предложенных или принятых обществом против действий, порождаемых законом народонаселения ссылка 7

III

Системы равенства

Хотя от внимания писателей, изучавших вопрос об усовершенствовании человеческого общества, не ускользнуло значение закона народонаселения, тем не менее они смотрели на сопровождающие его бедствия как на последствия, отдаленные от нас на бесконечное время. Так, напр., Валлас ссылка 8 полагает, что эти бедствия могут наступить лишь в то время, когда вся площадь земного шара будет прекрасно обработана и невозможно будет далее рассчитывать на увеличение количества произведений земли. Но если бы прекрасный проект равенства, начертанный Валласом, был осуществим на деле в каком бы то ни было отношении, я не думаю, чтобы сознание предстоящей опасности, хотя бы в отдаленном будущем, могло охладить наше стремление к достижению столь благой цели. Конечно, мы имеем право довериться заботливости Провидения о приискании средства против угрожающей нам в отдаленном будущем опасности; но я утверждаю, что опасность эта весьма близка и неизбежна. Как бы ни были значительны успехи просвещения, как бы ни было полно равенство среди человеческого общества, недостаток средств существования будет ощущаться всегда, с настоящей минуты до того времени, когда весь земной шар будет обращен в цветущий сад. Дело не изменится от того, что постоянно будет возрастать количество произведений земли: так как

ссылка 7

Третья книга «Опыта о законе народонаселения», носящая приведенное выше заглавие, разделяется на 14 нижеследующих глав: I, II и III – О системах равенства. Валлас, Кондорсе, Годвин и Овен. IV – О выселении. V, VI и VII – Законодательство о бедных. VIII – Земледельческая система. IX – Торговая система. X – соединение обеих систем. XI – Поощрение хлебного вывоза. XII – Стеснение вывоза хлеба. XIII – Влияние возрастания народного богатства на судьбу бедных и XIV – Общие замечания. Содержание первых семи глав передано в виде сокращенных выборок.

ссылка 8

Wallace, Dissertation on population.

возрастание населения будет происходить еще быстрее, то излишек его неминуемо будет сдерживаться постоянным или периодическим влиянием нравственного обуздания, порока или несчастья.

Кондорсе в своем «Историческом очерке успехов человеческого разума» говорит, что сравнение количества населения просвещенных европейских стран с занимаемой ими площадью, а также условий их земледелия, промышленности и разделения труда с размером средств существования показывает, что современное положение может быть сохранено не иначе, как при существовании громадного числа людей, удовлетворяющих свои потребности путем усиленного труда. Таким образом, он признает необходимость этого класса людей. Затем, указав, как шатко положение этих людей, вполне зависящих от воли и благосостояния своих хозяев, Кондорсе справедливо прибавляет: «Таким образом существует неизбежная причина неравенства, зависимости и даже нищеты, постоянно грозящих самому многочисленному и трудолюбивому классу людей, составляющих наше общество». Наблюдение, сделанное автором, совершенно правильно, но средства, предлагаемые им для устранения зла, нельзя признать удовлетворительными по следующим соображениям: Кондорсе проектирует для обеспечения участи стариков, вдов и малолетних детей учредить из сбережений работников капитал, устроить доступный кредит для самих рабочих: отыскать средства для установления более полного равенства между людьми и организовать общества на таких началах, чтобы успехи промышленности и торговли не находились в такой зависимости от капиталистов, как в настоящее время. Но подобные учреждения могут весьма много обещать в теории, в приложении же к действительной жизни они оказываются ребяческими мечтами. Какая причина побуждает Кондорсе признать необходимость существования класса людей, средства существования которого зависят исключительно от его труда? Можно допустить только одну причину: он понимал, что для обеспечения существования многочисленного населения необходимо такое количество труда, которое может быть вызвано только крайней необходимостью. Но если проектированные Кондорсе учреждения ослабят в рабочих побуждение к усиленному труду, то можно ли ожидать, чтобы эти рабочие развивали ту неутомимую деятельность, которая составляет основу и источник общественного благосостояния? Но и помимо этого возражения против предлагаемых учреждений, представляется еще одно важное затруднение, способное ослабить их благотворное влияние. Если все люди будут уверены в достаточном обеспечении их семей, то каждый вступит в брак, а так как рождающееся поколение будет ограждено от бедствий, вызываемых нищетой, то население будет возрастать с такой беспримерной быстротой, что вскоре никакие учреждения не будут в силах восполнить недостаток в средствах существования, производимых землей. Свои рассуждения о совершенствовании органической природы человека Кондорсе оканчивает замечанием, что его доказательства в пользу безграничной возможности улучшения общественных условий при предположении, что организация и способности

человека останутся неизменными, приобретают неизмеримо большее значение, если принять во внимание, что эта организация и эти способности также могут усовершенствоваться. Успехи медицины, здоровая пища, удобные жилища, отсутствие чрезмерного утомления, наследственных и заразительных болезней, устранение главных причин развращения – с одной стороны, крайней нищеты, с другой стороны, чрезмерного богатства, – все эти условия, по мнению Кондорсе, если и не сделают человека бессмертным, то во всяком случае будут способствовать тому, что он будет пользоваться жизнью, естественная продолжительность которой будет постоянно возрастать до той меры, которая может быть названа неопределенной, причем под этим словом он разумеет постоянное движение к безграничной, хотя и никогда недостижимой продолжительности, постоянное увеличение срока человеческой жизни, достигающее в бесконечном ряду веков размера, превосходящего всякую данную величину.

Но смысл этого выражения в применении к продолжительности человеческой жизни находится в явном противоречии с принципами науки и не подтверждается никакими естественными законами. Средняя продолжительность человеческой жизни, несомненно, может несколько удлиниться под влиянием благоприятных для того условий, но также несомненно и то, что в течение всего периода, относительно которого мы имеем достоверные исторические свидетельства, не произошло никакого увеличения в естественной продолжительности человеческой жизни.

Нам могут возразить, что человеческий род существовал еще так недолго, что мы не можем уловить изменений в средней продолжительности жизни. Но если это так, то наука становится невозможной, связь между действиями и их причиной рушится и книга природы закрывается для нас, так как ее чтение оказывается бесплодным. Если это так, то самые нелепые и невероятные предположения приобретают одинаковое значение с самыми точными научными законами, основанными на многочисленных и несомненных наблюдениях, и мы должны вернуться к древним философским системам, насилувавшим факты для своего подтверждения, вместо того, чтобы самим основываться на этих фактах. Словом, если законы природы непостоянны и изменчивы, несмотря на то, что они казались нам постоянными и неизменными в течение многих веков, то для человеческого разума нет больше побуждения обращаться к плодотворным исследованиям, он должен быть обречен на бездействие. Если, не имея ни одного признака, указывающего на возможность какого-либо изменения, мы вправе утверждать, что такое изменение все-таки совершится, то нет положения, на котором мы не могли бы настаивать, и предположение о том, что луна сольется с землей, имело бы одинаковую достоверность с утверждением, что завтра взойдет солнце.

В пользу предположения об увеличении продолжительности человеческой жизни мы не находим ни одного постоянного, достоверного признака с момента сотворения человека до настоящего времени. Из наблюдений, показывавших, что благоприятные условия климата, привычек, образа жизни и

общественных нравов способны увеличить продолжительность жизни, сделано было заключение о неопределенном возрастании последней; из того обстоятельства, что пределы человеческой жизни не могут быть обозначены точно, что нельзя в конкретных случаях предсказать ее границы, считают возможным заключить, что она будет возрастать безгранично, до неопределенных размеров. Для разоблачения этого софизма и обнаружения его нелепости достаточно рассмотреть ту органическую способность к усовершенствованию в мире растений и животных, которую Кондорсе принимает за общий закон природы.

Усовершенствование растения при его переходе от дикого к культурному состоянию является более поразительным, чем какое бы то ни было усовершенствование животной породы. Наиболее выраженным признаком этого усовершенствования необходимо признать постепенное увеличение размеров цветка, подвергнутого культуре. Можно ли из этого факта вывести заключение, что такое увеличение будет продолжаться до бесконечности и не имеет пределов? Нет, такое заключение нелепо, и всякий смело может утверждать, что существует предел для увеличения размеров цветка, хотя точно обозначить этот предел нет возможности. Быть может, никто не имеет права сказать, что он видел самую большую гвоздику или самый красивый анемон, какие только могут быть выращены, но всякий может смело утверждать, не боясь быть опровергнутым фактами, что ни гвоздика, ни анемон не могут достигнуть размеров крупной капусты, хотя величина их может превзойти всякий данный экземпляр гвоздики и анемона. Никто не может утверждать, что он видел самый большой колос пшеницы или дуб, какие только могут существовать, но всякий без труда и с полной уверенностью может обозначить размер, которого они никогда не достигнут. Точно так же во всех подобных случаях необходимо тщательно отличать безграничный прогресс от того, пределы которого не могут быть точно обозначены.

При чтении остроумного сочинения Годвина о политической справедливости (*Aningniry concerning politikal justice*) предлагаемая им система равенства на первый взгляд представляется наиболее увлекательной теорией из всех, какие были когда-либо предложены. Улучшение общественного строя, основанное на требованиях, соответствующих одним лишь разумным убеждениям, будет, несомненно, неизмеримо прочнее порядка, установленного путем насилия. Всестороннее развитие личности представляет принцип, достойный уважения и превосходящий, по моему мнению, теории, устанавливающие рабское подчинение личности общественным интересам. Замена эгоистических стремлений любовью к ближнему в основе всех общественных учреждений – это такая достойная цель, к которой должны стремиться все наши желания. Словом, при взгляде на нарисованную Годвином картину будущего общественного строя нельзя удержаться от восхищения и страстного желания увидеть ее осуществление. Но, к сожалению, это невозможно, так как прекрасная картина Годвина – только мечта, плод его воображения. Это всеобщее благоденствие, это господство истины и добродетели исчезают при первом столкновении с действительностью и уступают место сплетению радостей и

страданий, из которых состоит жизнь.

Через все сочинение Годвина проведена та мысль, что все пороки людей и бедствия, поражающие человечество, проистекают из несовершенства общественных учреждений. В этом заключается его главная ошибка. Если бы мнение Годвина было справедливо, мы вправе были бы надеяться на то, что бедствия со временем будут устранены из человеческого общества и это благотворное преобразование будет достигнуто одной только силой разума. В действительности бедствия, причиняемые даже несомненно вредными общественными учреждениями, крайне ничтожны сравнительно с несчастиями, порождаемыми человеческими страстями и естественными законами.

Чтобы составить себе понятие о том, как поверхностно было знакомство Годвина с действительным состоянием общества, достаточно взглянуть на то, как он разрешает затруднения, проистекающие от чрезмерного размножения населения. «Отвечать на такое возражение, – говорит он, – значит заниматься вопросом о том, что произойдет через громадное количество лет. Еще три четверти земного шара не заселены людьми, а возделываемые земли способны к беспредельному улучшению. Население может возрасти еще миллионы веков, прежде чем земля откажется прокормить всех своих обитателей».

Я уже разоблачил заблуждение людей, утверждающих, что даже чрезмерное возрастание населения не может причинить нищеты и бедствий, пока будет возрастать количество произведений земли. Но, допустим, что годвинова система равенства осуществилась, и посмотрим, не испытает ли человечество бедствий даже при столь совершенной общественной организации. Предположим, что в Великобритании устранены все причины, порождающие пороки и бедствия: прекращены войны и нездоровые занятия, нет более разврата и вредных развлечений, население равномерно распределено по всему острову на фермах и в деревнях, устранены скученность и нездоровые условия жизни в городах, наступило всеобщее равенство, изготовление предметов роскоши заменилось равномерным распределением между всеми неотяготительного земледельческого труда. Предположим, что число жителей на всем острове и количество средств существования те же, что в настоящее время, и что, вследствие всеобщей взаимной любви и полной справедливости, эти средства распределяются по мере потребностей каждого члена общества. Предположим далее, что отношение между полами основано на безусловной свободе, как того желает Годвин. Он не допускает, чтобы такая свобода вызвала беспорядочную перемену связей, и с этим можно согласиться, так как в этом отношении склонность к разнообразию есть стремление, порочное и противное человеческой природе, следовательно, недопустимое в обществе, отличающемся простотою нравов и добродетелями. Вероятно, каждый человек изберет себе подругу, и их союз будет продолжаться до тех пор, пока оба лица будут подходить одно к другому, причем воспитание нарождающегося поколения будет составлять предмет общественного попечения, как предлагает Годвин.

Признаюсь, я не могу себе представить общественного строя, более

благоприятного для размножения населения. Существующая в настоящее время нерасторгаемость брака, несомненно, удерживает многих от вступления в такой союз, который может вызвать какие-либо опасения; наоборот, при осуществлении описанных выше предположений таким опасениям не будет места, и это обстоятельство, вероятно, вызовет заключение ранних союзов. Если принять во внимание еще то обстоятельство, что эти союзы не будут сдерживаться заботами о средствах для содержания детей, то весьма вероятно будет допустить, что из ста женщин едва ли найдется одна, которая не станет матерью при достижении двадцатитрехлетнего возраста.

Такие условия, несомненно, должны вызвать беспримерно быстрое увеличение населения. Я уже имел случай приводить доказательства того, что некоторые страны при менее благоприятных чем описаны выше, условиях удваивают свое население каждые пятнадцать лет, но чтобы придать большую убедительность нашим вычислениям, допустим, что население описываемого идеального общества будет удваиваться лишь через каждые двадцать пять лет.

Уравнение имуществ вместе с направлением труда к земледельческим занятиям, как мы предположили выше, несомненно, должно значительно увеличить количество произведений страны; но и при этих условиях человеку, знакомому со свойствами почвы и степенью ее плодородия, трудно согласиться, чтобы в 25 лет можно было удвоить количество ее произведений. Единственным для этого средством являлось бы обращение под пахоту лугов и пастбищ и полное почти отречение от животной пищи. [ссылка 9](#)

Но такая мера решительно неосуществима ввиду того, что почва Великобритании не может без удобрения давать достаточных урожаев, следовательно, содержание скота для доставления этого удобрения безусловно необходимо.

Но, как бы это ни казалось трудно осуществимым, допустим, что усилиями людей достигнуто удвоение произведений земли к концу двадцатипятилетнего периода. Таким образом, по истечении этого периода пища, хотя преимущественно растительная, будет добыта в количестве, достаточном для прокормления населения, также удвоившегося за это время и достигшего 22 миллионов человек. Мы уже знаем, что в следующий двадцатипятилетний период население вновь удвоится, а между тем при знакомстве с условиями земледелия решительно нельзя допустить предположения, чтобы в течение этого второго двадцатипятилетия производство земли могло вновь усилиться на такое количество, как в первом периоде. Тем не менее можно допустить и это предположение, как бы оно ни казалось невероятным, ввиду того, что сила моего доказательства дает возможность делать беспредельные уступки. Но, несмотря на эту уступку, оказывается, что к концу второго периода 11 миллионов человек останется без пищи, так как население возрастает до 44

ссылка 9

По вычислениям Маки, для удовлетворения населения Великобритании растительной пищей достаточно 2 412 746 акров хорошей земли, между тем как прокормление того же населения животной пищей потребовало бы 44 475 478 акров. Прим. автора.

миллионов, а средств существования хватит лишь для 33 миллионов. Итак, во что же обратится картина общества, члены которого жили в довольстве, не имея надобности тревожиться о средствах для своего существования, свободные от узкого эгоизма, отдавшие умственным интересам и не думавшие о презренных материальных нуждах? Блестящее создание воображения исчезает, как только к нему прикоснется свет истины! Нетрудно предвидеть, что произойдет с идеальным годвиновым обществом: нужда заглушит чувство взаимной любви между его членами, дурные страсти вновь обнаружатся и проснется присущий людям инстинкт самосохранения; жатва будет сниматься прежде, чем созреет хлеб, и станет принадлежностью того, кто успеет раньше захватить ее, не заботясь о других, нуждающихся в ней. Вслед за насилием и обманом придут все порождаемые ими пороки, и, наконец, личный интерес станет опять царить среди людей, заглушая всякие другие побуждения. Во всем этом не принимает участия ни одно из общественных учреждений, влиянием которых Годвин объясняет все пороки испорченных людей. Мы видели, что не эти учреждения вызвали антагонизм между общественным и личным благом. Взаимная любовь руководила всеми поступками людей и тем не менее через каких-нибудь пятьдесят лет неумолимый закон природы, без всякого участия дурных общественных учреждений, вызвал вновь насилие, обман, нищету и все гнусные пороки, бесчестящие современное общество.

При изложении этих соображений нами не принята во внимание возможность переселений по следующей причине: если бы все европейские государства установлены были на основании такого же равенства, то влияние закона народонаселения выразилось бы во всех них одинаковыми, описанными выше последствиями, а следовательно, ни одна из страдающих от избытка населения стран не могла бы приютить у себя пришельцев; если же прекрасный проект равенства был бы приведен в исполнение только в Великобритании, в остальных же государствах Европы сохранился бы несовершенный общественный строй с его дурными учреждениями, то выселения, направленные в среду этих дурных условий, доказали бы, что счастье, имевшееся в виду во время преобразования Великобритании, в действительности оказалось ниже наших ожиданий.

Выселения

Хотя в упомянутых нами проектах улучшения условий общественной жизни не говорится о выселениях, тем не менее следует рассмотреть их значение в деле ослабления бедствий, вызываемых законом народонаселения. Не подлежит сомнению, что труд не мог достигнуть одинакового совершенства и прилагается не с одинаковым успехом во всех частях земного шара, а потому, если в более культурных странах население стеснено в средствах существования, то природа, по-видимому, дает самое простое средство против такого зла, открывая пути для выселения чрезмерно густого населения и побуждая его к перемещению в менее населенные местности, избыточные незанятыми землями, а так как

местности эти представляют в настоящее время громадные пространства, то выселения могут рассматриваться как средство, способное отдалить на неизмеримо большое время всякие опасения относительно последствий чрезмерного возрастания населения. Но если мы обратимся к действительности, то окажется, что это средство имеет только частное и ограниченное значение.

Достоверные сведения о поселениях, заведенных в новых странах эмигрантами, показывают, что выселения всегда сопровождаются гораздо большими затруднениями и опасностями, чем те которые испытали бы эмигранты в покинутом ими отечестве. Одно желание эмигрантов увеличить средства существования своих семей еще долго не могло бы привести к заселению Америки, если бы более деятельные побуждения – жажда золота, страсть к приключениям и религиозные увлечения не привели в нее многочисленных пришельцев и не придали им устойчивости для преодоления многочисленных препятствий, противодействовавших их заселению. Это подтверждается теми несомненными сведениями, которые имеются относительно истории заселения Виргинии, Новой Англии, Барбадосских колоний, французских поселений в Гвиане, английских – в порте Джаксон и Новой Голландии, русских – на восточной окраине этой Империи и многих других. Затруднения, встречаемые переселенцами, во всех странах одинаковы и всегда вызываются одинаковыми причинами – почвой, климатом, отсутствием удобств для жизни и неподготовленностью к новым условиям. Один из сотрудников Франклина справедливо замечает, что главная причина неудачных попыток образования новых колоний, попыток, стоивших огромных пожертвований со стороны могущественных европейских государств и частных лиц, заключается в том, что нравственные и материальные привычки эмигрантов, усвоенные ими веками в метрополии, совершенно не соответствуют той новой обстановке, в которую они попадают. Он прибавляет, что ни одна английская колония не достигла заметного благосостояния до тех пор, пока ее население не усваивало себе новых привычек и нравов, пригодных для окружающих условий. Паллас утверждает то же самое относительно слабых успехов, достигнутых русскими поселениями.

К этому необходимо еще прибавить, что в момент своего учреждения всякая колония представляет из себя страну, населенную гуще, чем это допускается ее годичной производительностью. Естественным последствием такого положения вещей оказывается, что население колонии, если оно не получает значительных пособий от метрополии, должно уменьшаться до тех пор, пока его численность не придет в соответствие с ограниченным количеством имеющихся в его распоряжении средств существования и что оно начнет возрастать лишь с того времени, когда наличное число поселенцев начнет возделывать землю в размере, превышающем личное потребление. Нельзя не обратить внимания еще и на то обстоятельство, что часть населения оказавшаяся в метрополии излишней, т.е. та, для которой не хватило средств существования, не может собственными средствами завести новые колонии. Для выселения этим людям еще недостаточно пойти за человеком, ставшим их вожакom вследствие

своего более высокого положения, увлечения жадной золотом, страсти к приключениям, политического или религиозного неудовольствия, даже в том случае если бы правительство обещало ему свое пособие и покровительство, так как для обращения пустыни в пахотные участки еще недостаточно одной нужды в средствах существования.

В Европе, вероятно, не найдется, за исключением России, ни одной страны, население которой не обращалось бы к выселениям как средству для улучшения своего материального положения; если принять во внимание, что эти страны прибегали к названному средству вследствие того, что испытывали излишек населения, необходимо допустить, что они не могут оказать друг другу помощь посредством взаимных выселений из одной в другую излишка своих жителей и что этот излишек направляется в другие части земного шара. Предположим, что условия внутреннего хозяйства европейских стран таковы, что часть населения не встречает никаких препятствий к эмиграции и что правительство оказывает ей самое широкое вспомоществование. Если допустить при этом, что население Европы, за исключением России, простирается до ста миллионов и что средства существования в ней возрастают в большей степени, чем это может быть в действительности, то на основании установленной выше геометрической прогрессии для возрастания населения через каждые 25 лет и арифметической прогрессии для возрастания средств существования в тот же период население Европы через сто лет достигнет 1800 миллионов, а средств существования хватит лишь для 500 миллионов, следовательно, избыток населения Европы составит 1 100 миллионов. Это число, с присоединением к нему естественно увеличившегося в тот же период населения остальных частей света, составит цифру, в два раза превосходящую современное население земного шара.

Вправе ли мы рассчитывать на то, что наилучшие направленные усилия могут удобрить и обработать столько земель в пустынных частях земного шара, чтобы их хватило для прокормления столь огромного населения? Если найдется лицо, для которого это представляется возможным, мы предложим прибавить в нашем расчете еще 25-30 лет и тогда уже немислимо будет никакое сомнение.

Если существует мнение, что выселение может служить средством против бедствий, порождаемых чрезмерным населением, то это объясняется тем, что отвращение людей к выселениям из родной страны в соединении с затруднениями, представляемыми разработкой новых земель, никогда не позволяли применить эту меру в широких размерах. Если бы это средство могло оправдать возлагаемые на него надежды – оно давно уже было бы истощено: прибегая к нему при всяком возобновлении бедствий, порожденных излишком населения, мы в настоящее время заметили бы, что этот источник наших надежд уже иссяк безвозвратно.

Таким образом, необходимо признать несомненным, что выселение безусловно недостаточно для устранения бедствий, порождаемых чрезмерным размножением населения. Но если смотреть на него как на временную и частную меру, предпринятую для распространения

культуры, то выселение оказывается пригодным и полезным. Быть может, нельзя доказать, что правительства обязаны деятельно поощрять его, но не подлежит сомнению, что запрещение выселений не только несправедливая, но и крайне ошибочная мера. Трудно придумать что-либо безосновательнее опасений, что выселения могут явиться причиной обезлюдения страны. Любовь к родине и привязанность к семейному очагу так могущественна и крепка, что люди никогда не решатся на выселения, если только политические неудовольствия или безысходная бедность не принудят их к этому крайнему средству, а в таком случае для самого отечества их удаление только полезно. Также неосновательны предположения, что выселения повышают заработную плату. Если она в какой-либо стране даст возможность низшим классам жить без крайних лишений и страданий, то можно быть уверенным, что люди этих классов не подумают о выселении; если же она так недостаточна, что порождает лишения и страдания, то с нашей стороны было бы жестоко и несправедливо противодействовать выселениям.

Законы о бедных и заработная плата

Многие удивляются тому, что, несмотря на громадные суммы, затрачиваемые в Англии на вспомоществование бедным, положение их в этой стране, по-видимому, не улучшается. Одни подозревают, что суммы, назначенные для бедных, употребляются на Другие надобности, другие говорят о растратах со стороны управления, но все согласны в том, что учреждения для бедных дурно организованы. Действительно, три миллиона фунтов стерлингов, взимавшихся в пользу бедных, даже до наступления теперешней дороговизны предметов потребления, употреблялись на нужды бедных без видимого уменьшения этих нужд. Факт этот составляет предмет всеобщего удивления, а между тем если внимательно вникнуть в дело, то это явление окажется настолько естественным, о пришлось бы скорее удивляться, если бы случилось что-либо противоположное.

Допустим, что сборы в пользу бедных дают возможность работнику получать ежедневно за свою работу 5 шиллингов вместо двух, получаемых им в настоящее время. На первый взгляд может показаться, что вследствие такого увеличения заработной платы все работники будут жить в большом довольстве и за их столом ежедневно появится кусок мяса. К сожалению, это предположение не оправдывается, ибо попавшие в распоряжение работника добавочные три шиллинга не могут увеличить количество находящегося в стране мяса. В действительности добавочные три шиллинга только увеличат конкуренцию покупателей, которая, в свою очередь, поднимет рыночную цену мяса. Таким образом, имеющееся в стране количество этого продукта отнюдь не распределится между большим количеством лиц. Когда существует недостаток в каком-либо товаре, он не может быть распределен между всеми нуждающимися в нем, и всегда поступает к тому, кто имеет возможность предложить за него высшую цену. Если конкуренция на мясо продолжится долго, то это может побудить сельских хозяев усилить производство скота, но такая перемена в

системе хозяйства может произойти лишь в ущерб производству хлеба, следовательно, как мы уже имели случай выше показать, она будет невыгодна для страны, ибо земля не в силах будет прокормить животной пищей наличное население. Этот пример показывает, что в том случае, когда средства потребления не соответствуют количеству населения, положение бедных не может измениться, дадим ли мы им два или 5 шиллингов – в том и другом случаях им придется довольствоваться меньшим количеством средств потребления, чем это необходимо для их существования. Никакое пожертвование со стороны богатых, в особенности денежное, не может устранить среди низших классов нищету или предотвратить ее возвращение на продолжительное время. Богатые могут превратиться в бедных, а несколько бедняков могут разбогатеть, но если только в обществе отношение средств существования к населению неблагоприятно, то неизбежно должно случиться, что часть населения испытает затруднения в прокормлении себя и своих семейств, причем эта участь прежде всего выпадает на долю беднейших людей. Может показаться странным, что посредством денежных пособий нельзя улучшить участь бедных, не понижая в такой же мере благосостояния остального общества, тем не менее это так. Если кто-либо отделит часть запасов своего семейства и отдаст ее бедным, то он может достигнуть увеличения довольства нескольких бедных путем некоторого уменьшения довольства членов своей семьи, хотя, быть может, это уменьшение окажется возможным перенести без особенного труда. Если кто-либо возделает новый участок земли и жатву с этого участка отдаст бедным, он сделает добро как этим бедным, так и всему обществу, ибо внесет новый продукт в общий запас средств потребления, предназначенных для населения. Но если мы дадим бедному денег при условии, что количество продовольствия в обществе не изменится, то мы дадим ему право на получение большей части запасов, чем сколько он получал прежде, а между тем это может быть достигнуто лишь путем уменьшения доли остальных членов общества. Если количество товара в какой-либо стране не изменяется в течение ряда лет, то он распределится между всеми жителями в размерах предъявляемого ими права на него, т.е. в размерах той суммы денег, которую каждый из них в состоянии будет предложить за этот требуемый всеми товар. Очевидно, что при этих условиях нельзя увеличить права одного, не уменьшая в то же время права остальных. Если бы богатые, не уменьшая количество потребляемых ими продуктов, раздавали ежедневно полумиллиону бедных по три шиллинга, то эти бедные потребили бы больше продуктов и вследствие этого меньшее количество их осталось бы для остальных членов общества. Право каждого из этих остальных членов общества уменьшилось бы в своих размерах или, другими словами, на прежнее количество имеющихся у них денег можно было бы купить меньше продуктов, рыночная цена которых поднялась бы во всей стране. Никто так горячо, как я, не желает повышения действительной платы за труд, т.е. той платы, которая выражается в количестве продуктов потребления. Но попытка достигнуть этого принудительным повышением нарицательной цены труда (т.е.

повышением денежной заработной платы, которая может сопровождаться соответственным или даже большим повышением цены предметов потребления), как это советовалось многими во время последнего неурожая, представляется мерой бессильной и неблагоприятной. Заработная плата, стоящая на своем естественном уровне, представляет общественный барометр, имеющий огромное значение: она выражает собой отношение между средствами существования и требованием на них, между количеством продуктов потребления и числом потребителей. Средняя ее величина, установленная независимо от случайных обстоятельств, показывает, кроме того, каковы потребности общества сравнительно с количеством населения в данное время: независимо от того, какое бы ни приходилось число детей на каждую семью для поддержания численности населения на данном уровне, заработная плата может быть достаточна, превосходить или оказаться недостаточной для воспитания их, смотря по тому, будут ли запасы, предназначенные для оплаты труда, находиться в неподвижном состоянии, будут ли они постепенно уменьшаться или увеличиваться. Но вместо того, чтобы усвоить такую точку зрения на заработную плату, ее нередко рассматривают как ценность, которую можно по усмотрению повышать или понижать. Когда возвышение цены предметов потребления показывает перевес спроса над предложением их, хотят поставить рабочих в положение, в котором они находились до этого повышения и с этой целью предлагают увеличить заработную плату, т.е. усилить спрос, а потом удивляются, что дороговизна предметов потребления продолжает увеличиваться. Это почти то же самое как если бы при падении ртути, соответствующем буре, мы стали бы для наступления хорошей погоды поднимать в нем ртуть механическим давлением, а потом удивлялись бы, что дурная погода не прекращается.

Ад. Смит доказал, что естественным последствием неурожая всегда бывает увольнение множества рабочих или понижение их заработной платы, так как по той же цене хозяева не могут держать прежнее число работников. Если бы заработная плата всюду повысилась в том же размере, как увеличилась цена предметов потребления, то владельцы фабрик не были бы в состоянии держать прежнее число рабочих; огромному числу их было бы отказано от места и для поддержания своего существования им не оставалось бы иного средства, как обратиться к приходам за вспомоществованием. При естественном порядке вещей голод стремится понизить, а не повысить заработную плату. После появления на свет замечательного сочинения Ад. Смита трудно понять, как может еще существовать мнение, что от всемогущества правительства зависит изменение экономических условий, в которых находится страна, и что спрос и предложение могут быть уравнены указом или постановлением.

Тем не менее во время такого всеобщего бедствия, как голод, наши личные интересы и требования справедливости должны нас побуждать к тому, чтобы оказать бедным временное пособие, которое должно заключаться не в раздаче денег или повышении заработной платы, а в применении более дешевых питательных веществ, заменяющих хлеб, и в различных средствах для сбережения

продовольственных запасов. При этом нет надобности сетовать на дороговизну хлеба, ибо высокая цена усиливает его ввоз, т.е. увеличивает наши средства существования и пополняет наши недостаточные запасы.

Кроме голода, на понижение заработной платы влияет размножение населения, если оно не сопровождается соответственным увеличением средств существования, так как подобное размножение принуждает разделять доставляемое страной продовольствие на меньшие доли, а это всегда влечет за собой поднятие цены продуктов потребления. К таким же последствиям ведет быстрое изменение в распределении денег между членами общества. Оба эти обстоятельства ухудшают положение бедных в Англии. Во-первых, законы о бедных поощряют размножение населения, нисколько не увеличивая количество продуктов потребления. Рассчитывая на вспомоществования своего прихода, бедный человек может в Англии жениться, совсем не имея средств для прокормления семьи, а это неизбежно влечет за собой значительное возрастание населения, а следовательно, постоянное раздробление продуктов потребления на меньшие доли. Вследствие этого на вознаграждение за труд людей, не получающих пособия, приходится покупать все меньшее и меньшее количество пищи и в конечном результате число лиц, поступающих на попечение приходов, должно постоянно возрастать. Во-вторых, количество продовольствия, потребляемого в приходских рабочих домах призреваемыми, которых нельзя считать полезными членами общества, настолько же уменьшает долю рабочих, т.е. людей, наиболее полезных для страны. К счастью, в народе еще существует отвращение к приходским вспомоществованиям, несмотря на то, что законы о бедных стремятся ослабить это чувство. Если бы эти законы оказали свое полное действие в этом отношении, то в настоящее время не было бы уже возможности, как это делалось доселе, скрыть их пагубное влияние. Такое воззрение может быть в отдельных случаях жестоко, но необходимо достигнуть того, чтобы получение всепомоществования сопровождалось чувством стыда, который явится побуждением к труду, столь необходимому для благосостояния общества. Всякая мера, ослабляющая это чувство, с какой бы человеколюбивой целью она ни принималась, вызывает последствия, прямо противоположные тем, которые имелись в виду. Когда обещанием помощи со стороны прихода способствуют заключению браков между неимущими людьми, что этим не только подвергают несчастью их самих и будущих детей, что в высшей степени жестоко и несправедливо относительно последних, но еще побуждают этих людей причинять вред всему обществу. Законы о бедных в Англии оказали влияние на вздорожание всех предметов потребления и на понижение действительной величины заработной платы; следовательно, они содействовали уменьшению благосостояния тех классов, которые живут исключительно своим трудом. Эти законы, без сомнения, были установлены с благой целью, но также несомненно и то, что они не достигли этой цели. Нельзя отрицать, что в некоторых случаях они уменьшают страдания, но, говоря вообще, участь бедных, находящихся на попечении приходов, крайне плачевна и тягостна. Можно быть

уверенным, что если бы законы о бедных никогда не были установлены в Англии, то хотя бы число отдельных случаев крайне тягостного положения и несколько увеличилось, тем не менее общая сумма счастья среди народа была бы больше теперешней.

Точно так же попытки употреблять бедных на работы в фабричных заведениях почти никогда не имели успеха. Если несколькими приходами и удалось при помощи тщательного присмотра достигнуть того, что материалы в таких мастерских не проматывались без всякой пользы, то все-таки неизбежным следствием подобных учреждений являлось лишение заработка со стороны рабочих, никогда не обременявших приходы. Быть может, мне возразят, что к тем же последствиям приводит соперничество, вызываемое среди рабочих, когда учреждается новая фабрика не на благотворительных основаниях. Но возражение это нельзя признать справедливым, так как в рассматриваемом нами случае мы видим пример не обычной конкуренции, а поддерживаемой значительными пособиями, при содействии которых соперники, значительно уступающие в трудолюбии и ловкости, принуждают независимого рабочего понизить цену и даже совершенно вытесняют его с рынка, заставляя его в то же время уделить часть своего заработка на пособие для поддержания такого соперничества.

Говоря это, я вовсе не хочу утверждать, что всякое употребление на работу бедных вредно, или осуждать то, что может быть сделано в ограниченных размерах на пользу неимущих, ради побуждения их к труду, но без поощрения их к размножению. Хотя никогда не следует упускать из виду общих принципов, но я вовсе не настаиваю на их безусловном применении. Бывают случаи, когда делаемое нами частное добро так велико, а порождаемое им общественное зло так ничтожно, что первому мы должны отдать предпочтение. Я хотел лишь доказать, что общая система законодательства о бедных покоится на ложном основании.

Если все сказанное мной выше справедливо, то необходимо сожалеть, что во многих распространенных среди народа и авторитетных для него сочинениях высказывается неодобрение такому поведению, которое одно только может улучшить положение народа, и превозносится система, которая неизбежно должна повергнуть его в нищету. Народу говорят, что ему незачем обуздывать свои склонности и быть благоразумным относительно заключения браков, ибо приход обязан заботиться обо всех рождающихся детях. Ему говорят, что незачем приучать себя к бережливости и откладывать в сберегательные кассы часть заработка, чтобы приобрести дом по вступлении в брак, ибо приход обязан прикрыть его наготу и дать ему помещение в рабочем доме. Его учат, что внушения со стороны богатых относительно необходимости быть благоразумным и бережливым вызываются одним только желанием сберечь суммы, уплачиваемые богатыми в виде налога в пользу бедных.

Его учат, что заповедь Создателя – плодиться и размножаться – опровергает всякие опасения относительно вступления в брак и что, наоборот, каждый человек обязан жениться в молодых годах, хотя бы вследствие недостатка средств существования его дети должны были умереть преждевременно, не участвуя в размножении породы.

Его учат, что единственная разница между Англией, в которой не возделаны только бесплодные участки, и Североамериканскими Штатами, где можно за бесценок купить громадные участки плодородной земли, заключается только в налогах в пользу бедных. Ему говорят, наконец, будто единственная причина, почему североамериканский рабочий получает в день доллар, а английский – не более двух шиллингов, состоит в том, что последний платит в виде пошлин большую часть этих двух шиллингов.

Некоторые из этих утверждений до такой степени неосновательны, что, наверное, отвергаются здравым смыслом самих рабочих. Они, например, прекрасно сознают, что благотворительность приходов не может дать им и их детям ни счастья, ни благосостояния и что она, в лучшем случае, ограничивается лишь необходимейшими средствами пропитания. Они понимают, что чем меньше работников, тем большую долю удерживают они из той ценности, которую производят для своих хозяев; из этого вытекает, что благоразумие относительно вступления в брак, являясь нравственным средством для предупреждения перевеса предложения работы над спросом, есть в такое время единственное средство для передачи рабочим большей части произведений страны. Здравый смысл рабочих и знакомство с Библией убеждают их, что Создатель, давая разумным существам заповедь продолжать род, не мог желать в то же время повести их по пути к страданиям, болезни и смерти; ибо если в стране, в которой нельзя рассчитывать на увеличение средств существования, каждый человек в раннем возрасте будет вступать в брак, то неизбежным следствием этого будет распространение бедности, болезней и смертности, а не размножение населения. Мало рабочих найдется в Англии, которые бы не слышали, что высокие цены труда и продуктов потребления поддерживаются главным образом налогом в пользу бедных, который хотя и поднял денежную цену труда, как и всех прочих предметов, тем не менее принес больше вреда, чем пользы, рабочим, так как вздорожание предметов, на покупку которых идет заработная плата, шло постоянно впереди. Обладая этими сведениями, всякий рабочий должен отвергнуть мысль, будто бы отсутствие налога в пользу бедных, т.е. та причина, которая держит в европейских государствах денежную величину заработной платы ниже уровня, установившегося в Англии, могла удвоить эту плату в Североамериканских Штатах. Рабочий может не знать действительной причины высокой денежной цены заработной платы в Америке, но для него не может подлежать сомнению, что эта причина не может заключаться в отсутствии налога в пользу бедных, так как одно это обстоятельство должно вызвать явление совершенно противоположное.

Тем не менее если постоянно будут говорить рабочим, что все рождающиеся, каково бы ни было их число, имеют право содержаться на счет страны и что поэтому нет надобности прибегать к благоразумию в деле заключения браков и стремлении к удержанию числа рождающихся в должных границах, то, слушая подобные речи, потворствующие естественным склонностям, рабочие неизбежно уступят искушению, последствием которого будет постоянно увеличивающаяся зависимость их от приходских

вспомоществований. Таким образом, нельзя быть более непоследовательными, стать в большее противоречие с самим собой, как проповедывать подобные учения и в то же время жаловаться на увеличение числа бедных. Проповедь эта неразрывно связана с размножением нищеты и никакая перемена правительства не в состоянии разорвать эту связь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

IV

О надежде, которую можно возлагать на будущее, относительно излечения или смягчения бедствий, порождаемых законом народонаселения

Если при настоящем положении всех исследуемых нами обществ естественное возрастание населения постоянно и неуклонно сдерживалось каким-либо препятствием; если ни лучшая форма правления, ни проекты выселений, ни благотворительные учреждения, ни высшая производительность или совершеннейшее приложение труда, – ничто не в силах предупредить неизменного действия этих препятствий, тем или иным образом удерживающих население в определенных границах, то из этого следует, что порядок этот есть закон природы и что ему необходимо подчиняться; единственное обстоятельство, предоставленное в этом случае нашему выбору, заключается в определении препятствия, наименее вредного для добродетели и счастья.

Все рассмотренные нами препятствия, как мы видели, сводятся к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью. Если наша точка зрения справедлива, то в выборе между ними не может быть сомнения.

Если возрастание народонаселения неизбежно должно быть сдержано каким-либо препятствием, то пусть лучше таковым окажется благоразумная предусмотрительность относительно затруднений, порождаемых содержанием семьи, чем действие нищеты и страданий. Мысль эта, к развитию которой мы перейдем, несомненно окажется соответствующей требованиям рассудка и природы. Мнения, противоположные этой мысли, возникли в период варварства, и если они поддерживались и распространялись в последующие эпохи, то это потому, что нашлись люди, заинтересованные в их защите.

Физические и нравственные страдания как бы являются указаниями, посредством которых Бог предостерегает нас, чтобы мы в своих поступках избегали того, что противоречит нашей природе и что угрожает нашему счастью. Невоздержанность в пище причиняет болезни; если мы отдаемся гневу, то он почти всегда влечет нас к поступку, в совершении которого мы впоследствии раскаяемся; а если мы допускаем чрезмерно быстрое возрастание населения, то

гибнем жалким образом, становясь жертвами нищеты и заразных болезней. Во всех этих случаях законы природы сходны и действуют однообразно. Каждый из этих законов указывает нам, где, уступая естественным влечениям, мы переходим границу, предписываемую каким-либо другим побочным, но не менее важным законом. Болезнь, в которую повергает нас излишество в пище, вред, причиняемый нам припадком гнева, бедствия, которыми угрожает нам приближение нищеты, – все эти полезные предостережения обязывают нас ограничивать свои естественные наклонности. Если мы пренебрегаем этими предостережениями, то подвергаемся наказанию, как за совершение преступления, и наши страдания служат, кроме того, уроком для других.

Вследствие незначительного внимания, уделенного рассмотрению гибельных последствий чрезмерно быстрого возрастания населения, может показаться, что между этим явлением и его последствиями существует менее тесная и очевидная связь, чем та, которая наблюдается в поступках иного рода. Тем не менее сущность наших поступков не изменяется в зависимости от эпохи, в которую они подвергнуты были изучению; в какое бы время мы ни познали образ действий, предписываемый нам долгом, наша обязанность исполнить его остается неизменной. Во многих случаях нам понадобился долгий и тяжелый опыт, прежде чем мы нашли наилучший путь к достижению счастья. Выбор пищи, способ ее приготовления, лекарства и их употребление, влияние на здоровье низких болотистых местностей, изобретение наиболее полезной и удобной одежды, наилучшее устройство жилищ, словом, все познания, наполняющие жизнь цивилизованных народов наслаждениями и счастьем, – все это не было делом одного человека или одного столетия, все это плод медленного опыта и размышлений, порождаемых многими предшествовавшими ошибками.

На болезни обыкновенно смотрят, как на кару, ниспосланную Провидением; но, быть может, основательнее было бы видеть в большинстве этих болезней указание на то, что мы нарушили какой-нибудь закон природы. Свиерепствующая в Константинополе и других восточных городах чума является таким непрерывным указанием. Устройство человеческого организма не допускает известного рода неопрятности и лени; а так как грязная и отвратительная нищета, точно так же как беспечность и лень, чрезвычайно неблагоприятна для счастья и добродетели, то нельзя не признать мудрым и благодетельным закон природы, на основании которого такое состояние сопровождается болезнями и смертью. Это вежа над подводным камнем.

Такое же значение имела чума, опустошавшая Англию до 1666 г. Некоторые заботы со стороны полиции, осушка затопленных местностей, проложение новых и расширение прежних улиц, Устройство более просторных и лучше вентилируемых помещений – эти меры оказались достаточными для устранения чумы и повышения благосостояния народа.

История почти всех эпидемий показывает, что наибольшее число жертв приходится на те низшие классы общества, которые

плохо питаются и живут скученно в грязных и тесных помещениях. В этих случаях природа как нельзя более ясно показывает нам, что нельзя безнаказанно нарушать ее заботы, размножаясь за пределы, обусловленные количеством средств существования. Указывая нам на несчастья, которые нам угрожают, когда мы неосторожно предаемся нашим склонностям, природа объявила нам свой непреложный закон, воспреещающий невоздержание. Если потребность есть и пить представляет закон природы, то и вред, причиняемый нам излишествами в пище и питье, должен быть рассматриваем как такой же закон природы; то же самое необходимо сказать и о чрезмерном возрастании населения.

Если бы мы отдались всем своим склонностям и страстям, то впали бы в самые необыкновенные и пагубные заблуждения. Однако же мы имеем полное основание думать, что все эти страсти необходимы для нас и что они не могли бы быть устранены или даже ослаблены без существенного вреда для нашего благополучия. Пища, одежда, жилище, вообще все, что предохраняет нас от страданий, причиняемых голодом и холодом, составляет наши самые неодолимые и общие потребности. Всеми признанно, что желание добыть эти средства существования всегда было главной побудительной причиной деятельности человека, благодаря которой достигнуты бесчисленные выгоды и преимущества цивилизации. Погоня за этими благами и средства, употребленные для достижения и удовлетворения ими наших важнейших потребностей, составляли до возникновения цивилизации и после ее водворения главное благополучие половины человеческого рода. Всем известно, какое преимущество имеет благоразумно направленное удовлетворение своих потребностей; точно так же известно всем, что дурно направленное стремление удовлетворить свои потребности становится источником бедствий и что общество вынуждено строго преследовать того, кто в таких случаях прибегает к незаконным средствам.

А между тем в обоих случаях желание удовлетворить свои потребности одинаково естественно и добродетельно. Поступок голодного человека, утоляющего свой голод украденным хлебом, лишь по своим последствиям отличается от поступка того человека, который утоляет голод принадлежащим ему хлебом; последствия же эти заключаются в том, что если не препятствовать людям утолять голод чужим хлебом, то количество хлеба повсеместно уменьшится. Основание законов о собственности, различие между пороком и добродетелью в способе удовлетворения желаний – все это давно добыто человечеством из опыта.

Если бы удовольствие, доставляемое удовлетворением наших потребностей и естественных склонностей, повсюду уменьшилось и утратило часть своей интенсивности, то, без сомнения, в таком же размере уменьшилось бы число проступков нарушения собственности; но эта последняя выгода произошла бы за счет уменьшения средств для нашего наслаждения. Мы заметили бы в этом случае, что количество предметов, предназначенных для удовлетворения наших желаний, уменьшилось бы быстрее, чем число покраж, и, таким образом, общая для всех людей потеря благополучия оказалась бы несравненно значительнее, чем прибыль

его, достигнутая в других отношениях. Если принять во внимание непрерывный, тяжелый труд, на который обречено большинство людей, то нельзя не согласиться, что человеческое счастье было бы существенно искажено, если бы надежды на сытый обед, на хорошее и теплое помещение было недостаточно для того, чтобы скрасить тяжелый труд и лишения.

После чувства голода самая общая и могущественная страсть – это любовь, принимая это слово в самом широком смысле. Добродетельная, облагороженная дружбой любовь, по-видимому, представляет соединение самых чистых и глубоких наслаждений, соответствующих всем потребностям сердца. Она пробуждает самые доброжелательные чувства и тем самым придает всей жизни смысл и очарование.

«Исключите из половых сношений сопровождающие их обстоятельства, – говорит Годвин, – и они станут презрительными». Точно так же можно было бы сказать: отнимите у дерева его ветви и листву, и оно лишится своей красоты.

Правильные черты, кротость, живость, впечатлительность, чувствительность, ум, воображение пленяют нас; такие качества пробуждают и питают чувство любви.

Было бы весьма ошибочно предполагать, что эта страсть ограничивается одними чувственными наслаждениями. Одним из важных условий счастья совершенно справедливо признается тот образ жизни, который каждый намечает себе и к достижению которого стремится; я уверен, что в большинстве таких планов любовь занимает видное место наряду с удовольствиями семейной жизни и радостями, доставляемыми нам детьми. Ужин у разведенного очага и удобное помещение не могут казаться нам вполне привлекательными, если мы не связываем в своем воображении эти удобства с дорогими существами, с которыми мы желали бы разделить их.

Существуют и другие основательные причины утверждать, что страсть, о которой мы говорим, в значительной степени смягчает и облагораживает человеческое сердце, располагая его к нежным побуждениям благоволения и сострадания. Все, что нам известно о жизни диких, убеждает нас, что племена, среди которых эта страсть мало развита, являются наиболее злыми и жестокими; племена эти в то же время наиболее расположены к насилию и дурному обращению с женщинами. И действительно, если бы супружеская любовь вдруг ослабела, то, вероятно, мужчины, пользуясь превосходством силы, обратили бы женщин в рабство, как это делают дикари, или, во всяком случае, малейшее выражение нетерпения со стороны женщины, ничтожное разногласие с ней было бы достаточной причиной для разрыва. Неизбежным последствием такого положения вещей было бы ослабление родительских чувств и, как следствие этого, уменьшение забот о воспитании детей, а это не могло бы не отразиться вредно на благоденствии всего общества.

Необходимо заметить, что препятствия усиливают страсть и что она тем сильнее действует на сердце, чем труднее ее удовлетворение. Нежность, чувствительность, благородство характеров и нравов, которые могут быть внушены одной только

любовью, являются чаще всего следствием испытываемых ею проволочек и затруднений. В тех странах, где нравы в этом отношении грубы, любовь угасает или обращается в низкое побуждение и перестает оказывать благотворное влияние на характер. Во всех европейских странах, благодаря тому обстоятельству, что женщины, пользуясь свободой, находятся под защитой стыдливости, эта страсть развивается с наибольшей силой и почти всюду оказывает свое благотворное влияние. Можно смело утверждать, что всюду, где эта страсть наиболее сдерживается, она наивыгоднейшим образом изменяет нравы.

Страсть эта, понимаемая в самом широком смысле, с присоединением к ней взаимной любви между родителями и детьми, представляет, несомненно, одно из могущественнейших условий счастья. Но, с другой стороны, опыт ясно доказывает нам, что та же самая страсть является источником бедствий, если она дурно направлена. Правда, в общем эти бедствия ничтожны сравнительно с благотворным влиянием добродетельной любви, но рассматриваемые безотносительно бедствия эти все-таки довольно значительны. Впрочем, налагаемые правительством наказания показывают, что страсть, о которой идет речь, не вызывает таких значительных бедствий или, во всяком случае, не причиняет такого непосредственного вреда, как нарушение прав собственности и вообще противозаконное стремление к удовлетворению желания обладать тем, что принадлежит другим. Тем не менее если при изучении этой страсти мы представим себе важные последствия ее необузданности, то почувствуем себя способными на большие жертвы, чтобы уменьшить или даже совсем заглушить ее. Но это значило бы сделать человеческую жизнь непривлекательной и бесцветной или предоставить ее на произвол дикого и неукротимого зверства. Внимательное изучение непосредственных и самых отдаленных последствий всех человеческих страстей и естественных законов доказывает нам, что при настоящем положении вещей ослабление действия любой из этих страстей может быть достигнуто не иначе, как путем причинения людям страдания, несравненно более значительного, чем то зло, которое мы желали устранить при помощи ослабления страсти. Причина этого очевидна. Страсти представляют основу как наших наслаждений, так и страданий, элементы, из которых образуются людские бедствия, счастье, добродетели и пороки. Поэтому страсти нужно направлять, а не разрушать или ослаблять.

Доктор Палей [ссылка 10](#) справедливо утверждает, что «страсти необходимы для нашего счастья и чаще всего по своей природе ведут нас к нему. Они сильны и всеобщы; если бы они не были такими, то, быть может, не могли бы выполнить своего назначения. Но при некоторых условиях та же сила и всеобщность страстей порождает излишества и пороки, следовательно, является источником бедствий. Здесь разом открываются, с одной стороны, причина пороков, с другой – господство разума и добродетели».

Таким образом, наша добродетель должна заключаться в том,

ссылка 10

Natural Theology. P. 647.

чтобы извлечь наибольшую сумму счастья из того материала, который предоставлен Богом в наше распоряжение. Присущие нам склонности сами по себе всегда хороши, злоупотребление же ими распознается только в последствиях, на которые вследствие этого мы должны обращать постоянное внимание и сообразовать свои действия с полученными выводами.

Плодовитость людей до известной степени независима от страсти и вызывает соображения другого рода. Она зависит скорее от естественного сложения женщины, позволяющего ей иметь большее или меньшее число детей. Но закон, которому подчинен в этом отношении человек, тем не менее сходен с другими, господствующими над его жизнью законами. Половая страсть сильна и свойственна всем людям; причиняемые ею бедствия являются необходимым следствием ее энергии и всеобщности. Но эти бедствия могут быть значительно смягчены и даже уменьшены противопоставляемой им силой и добродетелью. Все убеждает нас в том, что намерение Творца состояло в заселении земли; но эта цель, по-видимому, могла быть достигнута лишь присвоением человечеству способности к более быстрому возрастанию сравнительно со средствами существования. И если эта способность к размножению не заселила с чрезмерной быстротой всю поверхность земного шара, то, очевидно, из этого нельзя выводить заключения, что она не соответствует своей цели. Потребность в средствах существования не была бы достаточно настоятельна и не содействовала бы развитию человеческих способностей, если бы стремление людей к быстрому и безграничному размножению не Усиливало напряженности этой потребности. Если бы обе эти величины – население и средства существования – возрастали в одинаковой степени, я не знаю, какое побуждение могло бы победить естественную лень человека и что могло бы заставить его Распространять обработку земли. Население самой обширной и плодородной территории так же легко остановилось бы на 500 жителей, как и на 500 тысячах, 5 миллионах, 50 миллионах. Следовательно, одинаковая степень возрастания населения и средств существования не могла соответствовать цели Провидения. Что же касается точного определения отношения между названными величинами, при котором эта цель могла бы быть достигнута с возможно меньшими бедствиями, то мы должны признать свое бессилие для разрешения подобного вопроса. При настоящем положении вещей мы должны управлять громадной силой, способной в короткое время населить пустынную область; но эта сила может быть сдержана превосходящей ее силой добродетели в произвольных границах и притом ценой небольшого зла, сравнительно с выгодами, приобретаемыми такой мудрой экономией. Аналогия между этим и всеми остальными законами природы была бы, очевидно, нарушена, если бы в одном только этом случае мы желали бы, чтобы он оказался достаточным для исправления всех случайностей, пороков и частных бедствий, проистекающих, быть может, от влияния другого общего закона. Чтобы действие закона было достигнуто, не вызывая за собой никакого зла, для этого было бы необходимо, чтобы закон размножения способен был к постоянным изменениям и чтобы он

подчинялся всем случайным обстоятельствам, имеющим место в различных странах. Гораздо согласнее с остальными явлениями природы, гораздо полезнее для нас и более соответственно условиям нашего совершенствования признать, что закон этот единообразен и причиняемые им вследствие различных обстоятельств бедствия должны быть предоставлены благоразумию людей, для того чтобы они прилагали старания к их смягчению и отстранению. Таким путем люди приучаются следить за собой и предвидеть последствия своих поступков; их способности развиваются и совершенствуются при помощи упражнения успешнее, чем в том случае, если бы приспособленные ко всевозможным обстоятельствам законы освобождали людей от бедствий и от необходимой для избежания их внимательности.

Если бы страсти обуздывались без труда или если бы при возможности их удовлетворения недозволенными средствами безбрачие не составляло бы лишения для людей, то стремление природы к заселению земли, вероятно, было бы обойдено. Для счастья человечества, без сомнения, имеет громадное значение условие, чтобы размножение не совершалось слишком быстро, но, с другой стороны, для достижения цели природы необходимо, чтобы склонность к брачной жизни сохранила свое теперешнее значение. Долг всякого человека состоит в том, чтобы решаться на брачную жизнь лишь тогда, когда он может обеспечить свое потомство средствами существования; но в то же время необходимо, чтобы склонность к брачной жизни сохранила всю свою силу, чтобы она могла поддержать энергию и пробудить в безбрачном человеке стремление достигнуть трудом необходимой степени благосостояния.

Итак, мы должны заботиться о направлении закона возрастания народонаселения, а не об ослаблении и искажении его. Если же нравственное обуздание является единственным законным средством для избежания сопровождающих его бедствий, мы столько же обязаны исполнить эту добродетель, как и всякую другую, во всеобщей пользе которой мы убедились на опыте.

Не подлежит сомнению, что мы должны относиться снисходительно к нарушению слишком трудных обязанностей, но тем не менее самые обязанности должны быть всеми признаны. Обязанность воздерживаться от брака до тех пор, пока нет возможности содержать семью, представляет предмет, достойный внимания моралиста. В этом никто не станет сомневаться, если будет признано, что соблюдение этой обязанности является одним из могущественных средств к предупреждению несчастий и что, наоборот, неисполнение ее или разрешение безрассудно следовать естественным побуждениям и вступать в брак в юном возрасте достаточны для того, чтобы повергнуть общество в бедствия и отдать его на произвол нищеты, болезней и голода, от которых не в силах спасти его никакая другая добродетель.

V

О влиянии на общество нравственного обуздания

Многие не хотят признать, что население стремится к более быстрому возрастанию, чем средства существования, лишь потому, что они не могут допустить, чтобы Провидение установило законы, призывающие к жизни организмы, существование которых, на основании тех же законов, невозможно. Но если мы примем во внимание, что эти законы, независимо от их влияния и полезного направления нашей промышленной деятельности, при помощи случайных бедствий указывают нам наиболее пригодное средство для противодействия чрезмерному возрастанию населения и если, подчиняясь такому порядку, предписываемому разумом и самой природой, подтверждаемому и освящаемому даже откровением, мы можем избежать этих бедствий, – то, по моему мнению, возражение падает и божественная благодать восстанавливается.

Языческие моралисты всегда рассматривали добродетель как единственное средство для достижения того счастья, которым человек может пользоваться на земле. Среди добродетелей они ставили на первое место благоразумие, к которому некоторые из этих моралистов даже сводили все остальные добродетели. Христианская религия ставит наше благополучие как в земной, так и в будущей жизни в зависимость от добродетелей, которые могут нам открыть более высокие радости, и поэтому еще строже требует подчинения наших страстей велениям разума, что составляет основное правило благоразумия.

Если бы, для примера, мы представили себе картину общества, каждый член которого стремился бы достигнуть счастья путем точного исполнения обязанностей, установленных мудрейшими древними философами, предписываемых законами природы и освященных христианской нравственностью, то это общество, несомненно, очень мало походило бы на современное, членами которого мы состоим. Всякий поступок, внушаемый стремлением к немедленному наслаждению, но влекущий затем к значительному бедствию, рассматривался бы в этом предполагаемом обществе как нарушение обязанностей. Поэтому человек, добывающий средства для прокормления лишь двоих детей, никогда не согласился бы стать в такое положение, при котором ему пришлось бы кормить четверых или пятерых детей, как бы ни были сильны его побуждения к удовлетворению слепой страсти. Такая благоразумная воздержанность, если бы она всеми соблюдалась, непременно вызвала бы повышение заработной платы путем уменьшения предложения труда. Время, проводимое в лишениях, было бы употреблено на сбережения; приобретены были бы привычки к трезвости, труду и бережливости и по прошествии некоторого времени рабочий стал бы в положение, при котором он мог бы вступить в брак, не опасаясь относительно его последствий. Такое постоянное действие предупреждающего препятствия, ограничивая размножение населения, сдерживая его в пределах средств существования и позволяя ему возрастать по мере возрастания последних, придавало бы действительное значение увеличению заработной платы и сбережениям, сделанным рабочими до

вступления в брак.

Такое увеличение действительной цены заработной платы значительно отличается от вынужденного повышения ее нарицательной цены или от приходских вспомоществований, всегда и неизбежно влекущих за собой соответственное повышение цены предметов потребления. Так как заработная плата была бы достаточна для содержания семьи и в каждом хозяйстве оказалась бы небольшая сумма прежних сбережений, то крайняя нищета была бы изгнана или постигла бы небольшое число лиц, ставших жертвой таких случайных несчастий, которые не могут быть ни предусмотрены, ни предупреждены никакой человеческой мудростью.

Период возмужалости членов воображаемого нами общества, вплоть до вступления их в брак, проводился бы в строгом исполнении требований целомудрия, ибо эти требования не могут быть нарушены без самых пагубных для общества последствий. Распутная жизнь, нанося вред народонаселению, очевидно, влечет к ослаблению благороднейших побуждений сердца и к искажению характера. Притом всякая незаконная связь содействует не менее, чем брак, возрастанию населения (если при этой связи не прибегают к средствам, противным нравственности) и представляет несравненно большую вероятность, что родившиеся дети попадут на попечение того общества, членами которого они будут.

Эти соображения доказывают, что целомудрие не есть, как это многие предполагают, насильственная добродетель, установленная искусственным устройством общества, но что она имеет действительное и прочное основание в законах природы и требованиях разума; и действительно, эта добродетель представляет единственное законное средство для устранения пороков и бедствий, сопровождающих закон возрастания населения.

В предполагаемом нами обществе, быть может, оказалось бы необходимым, чтобы лица обоего пола проживали довольно значительное число лет в безбрачии, прежде чем наступит для них возможность вступления в брак. Если бы такой обычай стал всеобщим, то воздержание от браков в данный момент повлекло бы к увеличению их числа впоследствии, так что в общем выводе оказалось бы меньше людей, вынужденных отказаться навсегда от брачной жизни. Если бы обычай вступать в брак в более позднем возрасте, наконец, вполне установился и если бы нарушение требований целомудрия одинаково позорило мужчин и женщин, то между обоими полами могли бы с полной безопасностью установиться более тесные дружеские отношения. Молодые друзья обоих полов, несмотря на свою юность, могли бы под защитой доверчивости обращаться друг с другом с полной простотой, не вызывая этим никаких подозрений относительно их супружеских намерений или возникшей между ними связи. Вследствие этого обе стороны могли бы лучше изучить взаимные склонности и представилось бы больше случаев для возникновения прочных привязанностей, без которых супружество приносит больше горестей, чем счастья. Таким образом, молодые годы были бы также согреты целомудренной и чистой любовью, которая не только не погасла бы от пресыщений, но постоянно горела бы ярким пламенем

и оканчивалась бы вместе с жизнью. На брак перестали бы смотреть как на средство совершенно свободно отдаваться своим влечениям при посредстве взаимного соглашения; он являлся бы возмездием за трудолюбие и добродетель, наградой за неизменную и искреннюю привязанность. [ссылка 11](#)

Чувство любви влияет на образование характера и нередко побуждает нас к благородным и великодушным поступкам; но оно ведет к таким счастливым последствиям лишь в том случае, когда сосредоточено на одном предмете и обыкновенно, когда встречаются препятствия к его удовлетворению. [ссылка 12](#)

Никогда, быть может, человек не бывает более расположен к добродетели, никогда он не бывает так целомудрен и чист, как в то время, когда он находится под влиянием подобной страсти. Поздние браки, являющиеся последствием таких привязанностей, конечно, мало походили бы на те супружества, которые нередко совершаются на наших глазах под влиянием материальных расчетов и в которых с обеих сторон предлагаются поблекшие уже чувства. В современном обществе только мужчины женятся в позднем возрасте и как бы стары они ни были, они обыкновенно избирают себе очень молодых жен. Бедная девушка, едва достигнув двадцатипятилетнего возраста, уже начинает опасаться, что ей придется навсегда отказаться от замужества; нередко так и бывает, что ей приходится состариться в одиночестве, несмотря на то, что ее сердце было способно на самую глубокую и неизменную привязанность, а по распространенному предрассудку, столько же несправедливому, как и жестокому, ее положение вызывает в обществе неодобрение. Если бы время вступления в брак у всех наступало позднее, то вместе с тем удлинился бы период молодости и надежд, а следовательно, оказалось бы меньше несбывшихся ожиданий. Нельзя сомневаться в том, что такая перемена оказалась бы весьма благотворной для наиболее добродетельной части человеческого рода. Если бы отсрочка, о которой идет речь, и вызвала некоторое неудовольствие среди мужчин, то во всяком случае женщины подчинились бы ей с готовностью; при уверенности, что они выйдут замуж в 28 или 30 лет, женщины, без сомнения, по собственному выбору скорее пожелали бы дождаться этого возраста, чем к двадцати пяти годам

ссылка 11

Д-р Курри в своем интересном исследовании характера и положения шотландских крестьян, помещенном в начале биографии Бюрнса, справедливо замечает: «При оценке благосостояния и уровня нравственности какого-либо общества ни одно отдельное наблюдение не заслуживает, быть может, такого внимания, как отношение между полами. Если в них замечается горячая привязанность, сопровождаемая целомудренными нравами, то значение и характер женщин подымается и слабая человеческая природа достигает наивысшей степени доступного ей совершенствования. Одна эта привязанность является источником благоденствия, которое, разливаясь по множеству каналов, украшает и обогащает всю жизнь. Там же, где привязанность между полами вырождается в слепой половой инстинкт, – там человеческий род впадает в жалкое состояние и приближается к породе вырождающихся животных». Т. I. С. 18. Прим. автора.

ссылка 12

Д-р Курри утверждает, что среди шотландских крестьян любовь развивает дух предприимчивости, достойный прежних рыцарских времен (Burn's Works, vol.I. P. 16). Такого рода романтическая страсть, присущая, по словам Курри, всему шотландскому народу и вырабатываемая в высших слоях общества возвышенными чувствами, являющимися последствием свободного воспитания, – имела, без сомнения, самое благотворное влияние на образование характера всего народа. Прим. автора.

уже быть обремененными многочисленной семьей. Нельзя с точностью установить возраст, более всего соответствующий вступлению в брак, так как возраст этот находится в зависимости от многих случайных условий и может быть определен только опытом. Наибольшее стремление ко вступлению в брак проявляется с особенной силой едва ли не тотчас же по наступлении возмужалости. Но во всех обществах, вышедших из состояния той нищеты и унижения, которые не только исключают всякую предусмотрительность, но даже искажают самый рассудок, во всех таких обществах оказалось необходимым установить препятствия для слишком ранних браков. Поэтому, если даже в настоящее время нашли необходимым сдерживать слепые порывы инстинкта, то это ограничение относительно вступления в брак будет снято лишь в то время, когда будет приобретена уверенность, что, независимо от возраста супругов, все рождающиеся дети будут вскормлены теми людьми, которые дали им жизнь.

Быть может, мне приведут в опровержение трудность исполнения такой добродетели, как нравственное обуздание? Людям, не признающим авторитета христианской религии, я могу привести только один довод. Эта добродетель после тщательного исследования оказывается необходимой для избежания бедствий, которые при отсутствии нравственного обуздания составляют неизбежное следствие законов природы. Мои противники должны согласиться, что, имея в виду наибольшую сумму добра, достижимого при этих законах, они в то же время не вправе отказываться от своей цели и открывать неисчерпаемый источник бедствий путем подчинения общества каким-то другим, второстепенным и противоречивым законам. Путь добродетели, единственно ведущий к счастью, всегда представлялся языческими моралистами крайне трудным.

Христианину я отвечаю, что Священное Писание самым ясным и положительным образом вменяет нам в обязанность сдерживать наши страсти в пределах, предписываемых разумом. Поэтому удовлетворение наших страстей, когда рассудок нам говорит, что это повлечет к несчастью, нельзя рассматривать иначе, как прямое нарушение велений Священного Писания. Христианин не вправе принимать трудность нравственного обуздания за законное оправдание, освобождающее его от исполнения обязанностей.

На каждой странице Священного Писания человек изображается окруженным искушениями, с которыми ему трудно бороться;

и хотя оно не предписывает ни одной обязанности, соблюдение которой не принесло бы нам счастья в земной жизни и блаженства в будущей, тем не менее полное и постоянное подчинение требованиям религии ни разу не представлено в нем делом легкоисполнимым.

Молодость так расположена к нежным чувствам, что в этом возрасте трудно отличить истинную и продолжительную страсть от мимолетной вспышки. Если бы оба пола подчинялись в молодости нравственному обузданию, позволяющему лишь те страсти, которые не влекут за собой бедствий, причем для развития таких страстей представлялось бы больше случаев, то можно было бы рассчитывать

на такое же, если не большее число счастливых супружеств, чем какое происходит при отсутствии препятствий к заключению ранних браков, даже в том случае, когда это отсутствие препятствий обусловлено такими частными причинами и обстоятельствами, какие имеют место в Америке. Если же сравнить предположенное выше идеальное общество с существующими в действительности, то, не принимая даже в расчет бедствий, от которых современные общества были бы избавлены путем нравственного обуздания, не может подлежать сомнению, что члены идеального общества пользовались бы несравненно большими наслаждениями, порождаемыми любовью.

Если бы мы еще могли надеяться на повсеместное распространение такого порядка вещей, то во взаимных отношениях между различными народами произошла бы такая же благотворная перемена, как во внутреннем общественном устройстве каждого государства в частности. Мы вправе были бы рассчитывать на значительное уменьшение опустошений, производимых войнами, и, быть может, наступило бы даже время, когда эти губительные занятия совершенно прекратились бы.

Одной из главнейших причин войн между древними народами был недостаток места и пропитания; хотя в условиях существования современных народов и произошли некоторые перемены, тем не менее та же причина не переставала действовать, изменив лишь степень своего напряжения. Честолюбие правителей недоставало бы орудия для разрушения, если бы бедствия не побуждали низшие классы общества становиться под их знамена. Вербовщики мечтают о плохой жатве; им выгодно, чтобы возможно большее число рук оставалось без работы, – другими словами, им выгоден излишек в народонаселении.

В более ранние времена, когда война была главным занятием людей и когда причиняемое ею уменьшение населения было несравненно больше, чем в наши дни, законодатели и государственные люди, постоянно озабоченные изысканием средств для нападения и обороны, считали своей обязанностью поощрять всякими мерами размножение населения; для этого они старались опозорить безбрачие и бесплодие и, наоборот, окружить почетом супружество. Народные верования слагались под влиянием этих правил. Во многих странах плодovitость была предметом поклонения. Религия Магомета, основанная мечом и путем значительного истребления своих правоверных последователей, установила для них в виде важнейшей обязанности стремление к народжению как можно большего числа детей для прославления их Бога. Такие правила служили могущественным поощрением супружеств, а вызванное ими быстрое возрастание населения являлось одновременно и следствием, и причиной постоянных войн, отличающих этот период человечества. Местности, опустошенные предшествовавшей войной, заселялись новыми жителями, которые предназначались для образования новых армий, а быстрота, с которой производились наборы, являлась причиной и средством для новых опустошений. При господстве таких предрассудков трудно предвидеть конец войнам.

Христианская нравственность предписывает нам иные

правила; в ней проявляются черты божественной религии, свойственной более высокому состоянию человеческих обществ. Ее отношение к обязанностям брачной жизни заслуживает нашего полного внимания. Не входя здесь в излишние подробности, которые далеко отвлекли бы нас, мы можем установить на основании учения ап. Павла следующее общее правило христианской религии: супружество, если оно не противоречит более высоким обязанностям, заслуживает нашего одобрения, но если оно противоречит им, то достойно порицания. Правило это совершенно совпадает также с неоспоримыми требованиями самой высокой нравственности: «Чтобы познать разумом волю Божью, необходимо оценить значение поступка относительно всеобщего блага». [ссылка 13](#)

Между тем найдется немного поступков, которые так непосредственно влекли бы за собой уменьшение общественного благосостояния, как вступление в брак без возможности удовлетворить насущные потребности рождающихся от этого брака детей. Кто совершает такой поступок, тот идет против воли Бога.

Он становится бременем для того общества, среди которого живет. Он ставит себя и свою семью в положение, наименее способное развивать добродетельные привычки. Он нарушает долг относительно своих ближних и самого себя. Он повинуетя побуждениям страсти и заглушает голос самых священных обязанностей.

В предположенном выше идеальном обществе, где все члены прилагали бы старания достигнуть счастья путем строгого исполнения нравственных требований, указываемых разумом и освященных откровением, подобные супружества, очевидно, были бы невозможны. Предупреждая таким путем избыток населения, люди уничтожили бы главную причину и важнейшее средство наступательной войны, а внутри государства предупредили бы тиранию и возмущения, т.е. политические болезни, тем более пагубные, что они взаимно поддерживают друг друга. Но бессильное для войны наступательной, подобное общество в случае необходимости прибегнуть к обороне представляло бы силу, которую можно сравнить с алмазной скалой. Там, где каждая семья обладает в изобилии всем необходимым для жизни и пользуется довольством, там не может быть ни стремления к переменам, ни того равнодушия и отчаяния, которые побуждают низшие классы населения руководствоваться правилом: «Чтобы ни случилось, наше положение не может быть хуже теперешнего». Руки и сердца соединились бы для отпора нападающему, так как каждый сознавал бы, что он от этого выиграет и что всякая перемена будет для него равносильна потере.

Так как от нас самих зависит избежать бедствий, сопровождающих закон возрастания населения; так как для этого достаточно применять добродетель, внушаемую природой и освященную религией; так как, наконец, мы имеем основание надеяться, что исполнение этой добродетели не только не нанесет

ссылка 13

Paley. Moral philosophy. I. P. 65.

ущерба нашему счастью, но, наоборот, еще увеличит его, – то мы никак не можем обвинять божественную справедливость за установление общих законов, делающих эту добродетель необходимой. Провидение справедливо наказывает людей за нарушение этой добродетели, посылая им бедствия, неизбежно сопровождающие порок и различные страдания, вызываемые болезнями и преждевременной смертью. Добродетельное общество всегда избегнет таких бедствий. Творцу угодно отвратить нас от порока сопровождающими его страданиями и побудить нас к добродетели сопровождающим ее благополучием. Такое намерение, насколько это доступно нашему пониманию, соответствует Его благости. Естественные законы возрастания населения, очевидно, имеют такое значение. Поэтому всякий довод, который мы хотели бы извлечь из них против божественной благости, в такой же мере окажется приложимым к испытываемым нами бедствиям.

VI

О единственном, находящемся в нашем распоряжении средстве для улучшения участи бедных

Автор нравственных правил или теории наших обязанностей, как бы он ни был убежден в неизменной необходимости для людей подчиниться его учению, вряд ли может обольщать себя безумной надеждой, что это учение будет исполняться всеми или даже большинством людей. Но, несмотря на это, ничего нельзя возразить против обнародования такого учения, так как в противном случае нельзя было бы предложить ни одного нравственного правила, к которому не применялось бы такое же точно возражение, а следовательно, к порокам, вызываемым в нас искушениями, присоединилось бы еще большее число пороков, порождаемых невежеством.

Если нельзя сомневаться, с одной стороны, в бедствиях, сопровождающих чрезмерное население, с другой стороны, в бедствиях, вызываемых развратом, то простой здравый смысл говорит, что ни один моралист, основывающий нравственность на принципе общей пользы, не должен отвергать необходимости нравственного обуздания до тех пор, пока не добыты средства для содержания семьи. Это правило, как мы видели выше, подтверждается также Священным Писанием. Тем не менее я не думаю, чтобы среди моих читателей нашлось много лиц, которые бы менее, чем я, предавались надежде, что люди вообще изменят свой образ действий в этом отношении. Поэтому при изображении общества, среди которого нравственное обуздание всеми исполнялось бы, мое намерение состояло в отстранении всяких сетований на божественную благодать указанием на то, что бедствия, порождаемые законом народонаселения, ничем не отличаются от всяких других бедствий, против которых не раздается подобных сетований; что наше невежество и беспечность усиливают эти бедствия и, наоборот, что разум и добродетели могли бы смягчить

их; что если бы все люди строго исполняли свои обязанности, то эти бедствия почти исчезли бы; что такое важное преимущество произошло бы без соответственного уменьшения общей суммы наслаждений, доставляемых нам разумно направленными страстями, справедливо рассматриваемыми с этой точки зрения как главная основа нашего счастья.

Если подобная картина может уяснить исследуемый вопрос, я не вижу причины, по которой ее можно было бы считать неудобной; точно так же, по моему мнению, едва ли будет справедливо признавать писателя мечтателем за такие предположения, если только ради получения практической выгоды из своей теории он не настаивает на всеобщем подчинении этой теории, а способен довольствоваться той средой и частной степенью улучшений, на которую только и можно рассчитывать от наиболее полного разъяснения наших обязанностей.

Но между представленной мной картиной и другими подобного же рода изображениями существует большое различие. Предположенное мной улучшение может происходить тем же способом, как и вообще все приобретенные уже улучшения, т.е. путем прямого объединения общественного блага с частными интересами и возрастающим благосостоянием каждого отдельного лица. Никому не вменяется в обязанность производить какие-либо действия, несогласные с нашими привычками или основанные на новых побуждениях; от нас не требуют, чтобы мы имели постоянно в виду общественное благо, представление о котором, быть может, недоступно нашему пониманию. Общественное благосостояние должно вытекать из благосостояния отдельных лиц, и для достижения первого каждый должен заботиться о самом себе. В этом случае даже нет необходимости во взаимном содействии. Каждый шаг ведет к цели. Кто исполняет свой долг, тот и получает вознаграждение за это, как бы ни было велико число людей, уклоняющихся от своих обязанностей. Этот долг ясен и доступен всякому пониманию – он сводится к тому, чтобы не производить на свет Детей до тех пор, пока не имеешь средств для их прокормления и воспитания. Это правило, освобожденное от неясности, которой затемнили его различные системы общественной и частной благотворительности, не может не поразить своей очевидностью, и каждый человек, несомненно, поймет налагаемое им обязательство. Если он не может прокормить своих детей – они должны умереть с голоду; если он женится, не имея уверенности в том, что у него будут средства для содержания семьи, то принимает на себя вину за бедствия, причиняемые его поведением самому себе, своей жене и детям. Очевидно, его собственный интерес и счастье требуют, чтобы он отсрочил вступление в брак до тех пор, пока трудолюбием и бережливостью он не приобретет средств для содержания семьи. Поэтому до наступления этой поры он не вправе отдаваться своим страстям, не нарушая божественных законов и не причиняя вреда самому себе и своим ближним. Таким образом, соображения, вытекающие из личных интересов и собственного блага, налагают на него обязанность строгого исполнения нравственного обуздания.

Как бы ни была неотразима сила страстей, замечено, что они всегда до известной степени могут быть подчинены влиянию разума;

поэтому вряд ли можно назвать мечтателем человека, утверждающего, что разъяснение действительной и постоянной причины бедности, подтверждаемое очевидными доказательствами и примерами, способно оказать заметное влияние на поведение народа. Во всяком случае следует предпринять попытку к такому разъяснению, которого до сих пор еще никто не делал.

Почти все, что предпринималось до настоящего времени с целью улучшить участь бедных, стремилось путем изысканной заботливости затемнить этот вопрос и скрыть от несчастных действительную причину их нищеты. В то время, когда заработной платы едва хватает на прокормление двух детей, человек женится и на его руках их оказывается пятеро или шестеро, вследствие чего он испытывает безвыходную нужду. Он жалуется на заработную плату, которая ему кажется недостаточной для содержания семьи; он обвиняет свое приходское попечительство в том, что оно медлит со своей помощью; он обвиняет богатых в том, что они отказываются поделиться с ним своим избытком; он обвиняет общественные учреждения в несправедливости и пристрастии; он, быть может, обвиняет даже само Провидение, которое предназначило ему такое зависимое положение и жизнь, окруженную лишениями и страданиями. Находя повсюду повод для своих жалоб и обвинений, он не догадывается обратить взгляд на действительную причину своих бедствий. Себя самого он обвиняет едва ли не после всех, а между тем в действительности он один только и заслуживает порицания. Единственным его оправданием может служить лишь то, что он введен в заблуждение суждениями, распространяемыми высшими классами общества. Быть может, чувствуя тяжесть своего положения, он и сожалеет, что женился, но ему не приходит и голову, что, вступая в брак, он совершил поступок, достойный осуждения. Наоборот, его всегда уверяли, что, давая своему государю и стране новых подданных, он совершает похвальный поступок; он руководствовался этим правилом и в то же время страдает, неудивительно, что в его уме складывается мысль о том, что он страдает за правое дело, что со стороны государя и отечества несправедливо и жестоко оставлять его в жалком положении в благодарность за благодеяние, оказанное им по их же приглашению и вследствие их неоднократных заявлений о том, что подобные услуги с его стороны необходимы.

До тех пор, пока не рассеются подобные ошибочные воззрения, пока разумные и естественные понятия относительно народонаселения не будут повсюду распространены и не вытеснят заблуждения и предрассудки в этом вопросе, до тех пор нельзя будет утверждать, что сделаны какие-либо попытки к просвещению народа. Чтобы иметь право обвинять народ, нужно прежде всего просветить его. Можно жаловаться на его непредусмотрительность и леность только в том случае, если он не изменит своих поступков даже после того, как ему будет доказано, что сам он виновник своей бедности; что средства против этой бедности находятся в его собственном распоряжении; что общество, которого он состоит членом, и правительство ничем не могут помочь ему; что как бы то и другое ни желали облегчить его положение, какие бы усилия они ни употребляли для этой цели, их великодушные желания и

опрометчивые обещания окажутся неисполнимыми; что если заработная плата недостаточна для прокормления семьи, то это служит очевидным признаком, что ни правительство, ни общество не требуют новых членов, или, по крайней мере, что они не в силах прокормить их; что, если при таком положении вещей бедный человек женится, он не только не исполняет своего долга относительно общества, но даже бесполезно обременяет его и сам впадает в жалкое положение; что поступать таким образом – значит действовать против божеских законов и добровольно навлекать на себя страдания и болезни, избежать которых было бы легко, если бы народ прислушивался к неоднократным предупреждениям Провидения.

Доктор Палей в «Нравственной Философии» говорит, что в стране, в которой проявился недостаток в средствах существования, правительству надлежит с удвоенной бдительностью следить за общественной нравственностью, ибо в этом случае лишь природный инстинкт, подчиняясь воздержанию, предписываемому целомудрием, может побудить людей к усиленному труду и к тем жертвам, какие вызываются заботами о содержании семьи. Неоспоримо, что государство должно всегда делать все зависящее от него для обуздания порока и поощрения добродетели, не отклоняясь от этой заботы никакими временными или случайными обстоятельствами. Поэтому нельзя не согласиться с правилом и средствами, указываемыми Палеем. Но частный вывод, к которому он приходит, заслуживает порицания. Если понуждать население к супружеству в ту эпоху, когда недостаток средств существования вызывает опасения, что население не будет в состоянии прокормить своих детей, то это будет то же, что бросать в воду неумеющих плавать людей. В обоих случаях это значило бы искушать Провидение. Ни в том, ни в другом случаях мы не имеем разумного основания надеяться, что оно совершит чудо, чтобы избавить нас от несчастья или смерти, к которым влечет нас собственное наше поведение.

Кто желает действительного улучшения положения низших классов народа, должен искать средства к установлению наиболее выгодного отношения между ценой труда и продуктов потребления, для того чтобы дать возможность работнику покупать больше этих продуктов, необходимых для жизни или способных увеличить его благосостояние. До настоящего времени для достижения этой цели бедных понуждали к браку, следовательно, умножали число работников и обременяли рынок тем самым товаром, цену которого хотели поднять. Не нужно было, казалось бы, особой проницательности для того, чтобы предвидеть последствия такого приема. Ничто не может сравниться по своей убедительности с опытом; такой опыт производился в различных странах и в течение многих веков, а успех его был именно такой, какой можно было предвидеть. Без сомнения, пора уже испробовать иные средства.

Когда замечено было, что чистый кислород, т.е. необходимая для жизни составная часть воздуха, не только не излечивает чахотки, как это ранее полагали, но скорее усиливает симптомы этой болезни, обратились к воздуху, обладающему противоположными свойствами. Я предлагаю приложить к лечению бедности тот же

логический прием: так как мы убедились, что, увеличивая число работников, мы лишь усиливаем симптомы этой пагубной болезни, я желал бы, чтобы попытались теперь уменьшить число их.

В старых и густонаселенных государствах это средство является единственным, от которого мы благоразумно вправе ожидать существенного и постоянного улучшения в положении низших классов населения.

На первый взгляд, казалось бы, что для поднятия средств существования до уровня, определяемого числом потребителей, нам необходимо обратить внимание на способы увеличения количества продуктов потребления; но мы вскоре заметили бы, что такое увеличение вызвало бы лишь новое возрастание числа потребителей и что, таким образом, предпринятые нами меры несколько не приблизили бы нас к цели. Тогда нам пришлось бы отказаться от принятого образа действий, который равносителен тому, что мы захотели бы послать черепаху в погоню за быстро убегающим зайцем. Убедившись однажды, что наши попытки противоречат законам природы и что нам никогда не удастся поднять количество средств существования до уровня потребностей населения, мы, несомненно, должны были бы попытаться противоположную систему и постарались бы понизить количество населения до уровня средств существования. Если бы мы могли отвлечь внимание или усыпить бегущего зайца, нельзя сомневаться в том, что черепаха, наконец, обогнала бы его.

Тем не менее из этого не следует, что мы должны уменьшить наши заботы об увеличении средств потребления; к этой заботе необходимо лишь присоединить постоянные усилия к тому, чтобы сдерживать население несколько ниже уровня, представляемого количеством продуктов потребления. При помощи такого сочетания мы могли бы достигнуть двух предположенных целей: значительного населения и такого состояния общества, из которого жестокая нищета и рабская зависимость были бы изгнаны в той мере, какая может быть допущена естественным порядком вещей, т.е. двух целей, не заключающих в себе никакого противоречия.

Если наше желание достигнуть прочного улучшения участи бедных искренно, то мы не можем сделать ничего лучшего, как представить этим бедным их положение в настоящем свете и объяснить им, что единственное средство для действительного поднятия заработной платы заключается в уменьшении числа работников, чрезмерное размножение которых только они сами могут предупредить. Это средство для уменьшения бедности представляется мне до такой степени теоретически ясным и до такой степени подтверждаемым аналогией с условиями установления цены всякого другого товара, что, по моему мнению, все говорит в пользу его испытания, если только не будет доказано, что это средство влечет за собой более серьезные бедствия, чем те, которые оно может предупредить.

Если, с одной стороны, мы опасаемся, чтобы проповедь нравственного обуздания не оказала поощрения каким-либо порокам, а с другой стороны, если бедствия, порождаемые чрезмерным возрастанием населения, удерживают нас от поощрения браков, то мы должны прийти к заключению, что лучше всего в этом

вопросе отказаться от направления людской совести и предоставить на усмотрение каждого человека тот путь, который он изберет, оставляя за собой ответственность перед Богом за сделанное им добро или зло. Такое разрешение вопроса совершенно совпадает с моим желанием, но трудно рассчитывать на его осуществление.

Среди низших классов населения такой образ действий имеет наибольшее значение, а между тем законы о бедных служат постоянным и систематическим средством поощрения браков, так как эти законы освобождают бедных от ответственности, налагаемой природой на каждого человека, становящегося отцом семейства. Частная благотворительность, облегчая содержание семьи, Уравнивает до известной степени положение людей семейных с одинокими, а следовательно, оказывает такое же действие, как и законы о бедных.

Высшие классы общества побуждаются к заключению браков тем особым уважением и почетом, которым пользуется среди них замужняя женщина. Наоборот, пренебрежение, выказываемое к женщинам бессемейным, внушает последним отвращение к своему положению. Из этого вытекает, что мужчины, не обладающие приятными качествами ума или наружности и даже достигшие преклонного возраста, без труда находят себе молодых супругов, хотя сама природа указывает, что они должны бы искать себе подруг среди женщин более подходящего к ним возраста. Не подлежит сомнению, что многие женщины вышли замуж только из боязни остаться старыми девами; излишняя боязнь насмешек, порожденных нелепыми предрассудками, заставила их избрать себе в мужья людей, к которым они питали отвращение или по меньшей мере полнейшее равнодушие. Такие браки, с точки зрения людей, обладающих несколько развитым чувством, представляются ничем иным, как развратом, облеченным в законные формы. Такие браки нередко обременяют страну детьми, не принося в вознаграждение за это зло никакого увеличения счастья тем людям, которые подарили детям жизнь.

Во всех классах общества господствует мнение, что брак представляет нечто вроде долга, и такое мнение не может остаться без влияния. Человек, думающий, что он останется в долгу перед обществом, если не оставит ему вместо себя детей, конечно, не обратит внимания на внушения благоразумия и, безрассудно вступая в брак, будет убежден, что имеет право поручить себя и свою семью заботливости Провидения.

Правда, в цивилизованной стране, знакомой с теми благами, которые доставляет достаток, подобный предрассудок не может вполне уничтожить естественные понятия, но он может значительно помрачить их. До тех пор этот мрак не будет рассеян, пока бедные не поймут причины своих страданий и пока им не будет внушено, что они сами себя должны винить за испытываемые бедствия, – до тех пор мы не вправе утверждать, что в деле супружества каждому человеку может быть предоставлен свободный выбор.

Какое влияние на гражданскую свободу оказывает знакомство с главной причиной бедности

Из всего сказанного выше вытекает, что сам народ является главным виновником своих страданий. Быть может, на первый взгляд такое утверждение покажется неблагоприятным для свободы. Мне могут заметить, что это утверждение дает правительству основание для угнетения подданных и в то же время отнимает у последних право жаловаться на угнетение, а правительству дает возможность сваливать пагубные последствия притеснения на естественные законы природы или неблагоприятие бедных. Однако не следует судить по первому впечатлению. Я уверен, что при ближайшем знакомстве с предметом нетрудно убедиться, что лишь полное и всеобщее понимание главной причины бедности является самым верным средством для утверждения на прочных основаниях действительной и разумной свободы и что, наоборот, главное препятствие к ее утверждению заключается в неведении этой причины и в естественных последствиях, проистекающих от такого неведения.

Бедствия низших классов населения и привычка винить в этих бедствиях правительство представляются мне истинной опорой деспотизма. Эти бедствия и эта привычка создают основание для злоупотребления властью, практикуемого якобы с целью сдерживать недовольных. Вот почему свободному правительству нередко грозит гибель от терпимости тех, кто обязан его поддерживать; вот истинная причина бесплодности самых великодушных усилий и гибели во время революций возникавшей свободы. Пока всякий недовольный, обладающий талантами человек будет иметь возможность волновать народ, внушая ему, что нужно винить правительство в своих бедствиях, до тех пор всегда будут отыскиваться новые способы и поводы для возбуждения неудовольствия. Свергнув правительство, народ, оставаясь под гнетом прежней нищеты, обращает свою ненависть на тех, кто занял место прежних правителей. Не успеет он погубить эти новые жертвы, как уже требует других, и нельзя предвидеть конца мятежам, вызываемым все той же деятельной причиной. Неудивительно поэтому, что большая часть благонамеренных людей обращается к неограниченной власти. Они убедились, что правительство, придерживающееся благоразумных границ, неспособно обуздать революционные страсти; их утомили бесконечные перемены; они утратили веру в собственные силы и ищут покровителя, способного оградить их от неистовств анархии.

Мятежная толпа есть следствие излишка населения. Она возбуждается испытываемыми страданиями, не зная того, что сама является виновницей этих страданий. Эта безумная мятежная толпа есть злейший враг свободы; она порождает и поддерживает тиранию. Иногда она яростно сокрушает тиранию, – но для того лишь, чтобы тотчас же восстановить ее в иной форме. Англия, быть может, не замедлит представить пример влияния мятежа на возникновение тирании. Как сторонник свободы и противник многочисленных постоянных армий, я должен с глубоким прискорбием сознаться, что лишь благодаря этой силе во время

последних неурожаев (1800 и 1801 гг.) народ, поощряемый невежеством и безрассудством высших классов, не покусился на самые пагубные насилия, которые могли повергнуть страну во все ужасы голода. Если такие бедствия повторятся (а настоящее положение страны дает возможность это предвидеть), то нам предстоит мрачная будущность. Английская конституция пойдет быстрыми шагами к той медленной смерти, которую предсказал ей Юм, если только какое-нибудь народное возмущение не остановит ее, но это будет печальное средство, способное лишь усилить наш ужас. Когда политические неудовольствия присоединяются к воплям, вызываемым голодом, когда революции производятся народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и всевозможных насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом.

Трудно допустить, чтобы естественные защитники английской свободы подчинились обнаружившимся в последнее время постепенным захватам власти, если бы они не надеялись избежать этим путем еще больших бедствий. Как бы сильно ни было влияние подкупов, из уважения к народным представителям в парламенте, я не могу допустить, чтобы они отказались от прав, обуславливающих их свободу, если бы не находились под влиянием непритворного страха, что со стороны народа угрожает большая опасность, чем со стороны властей. Они перешли на сторону правительства, вероятно, под условием, чтобы оно охраняло их от черни; если бы опасности не существовало в действительности или в их воображении, они никогда не решились бы на такую печальную сделку. Нельзя отрицать того, что подобные опасения искусственно преувеличивались и превысили пределы возможного; тем не менее я считаю несомненным, что постоянные походы против несправедливых общественных учреждений и лживые доводы в защиту равенства, распространяемые среди низших классов народа, вызывали справедливые опасения и заставляли предполагать, что если бы народу в этом вопросе был предоставлен свободный голос, то это был бы голос заблуждения и даже безумия.

Если бы британская конституция окончательно выродилась в деспотизм, как это ей пророчили, ответственность за это, по моему мнению, пала бы на народных представителей в гораздо большей степени, чем на министров. Тем не менее, желая быть справедливым к этим представителям, я готов признать, что оставление некоторыми из них поста защитников британской свободы было следствием скорее страха, чем подкупа, и что основанием для этого страха служило невежество народа, могущество, которое ему приписывали, и ожидание ужасающих смут в том случае, если бы при подобном состоянии умов народ захватил власть посредством восстания.

Полагают, что лекции Пейна о правах человека причинили много вреда среди низших и средних классов общества. Это весьма вероятно и не потому, чтобы человек не имел прав или чтобы он не должен был знать о них, а потому, что Пейн впал в важные заблуждения относительно оснований правительственной власти и оказался несведущим относительно сущности общественного устройства. Он заблуждается, между прочим, также относительно

тех нравственных влияний, которые оказывают различные физические условия Англии и Америки. Тот особый вид черни, который всюду встречается в Европе, не имеет ничего себе подобного в Америке. Физические условия Соединенных Штатов не допускают существования большого числа людей, не имеющих собственности, поэтому в этой стране нет надобности в столь сильном, как в Европе, гражданском управлении, которое всегда имеет целью охранение собственности. Пейн совершенно справедливо утверждает, что какова бы ни была кажущаяся причина народных возмущений, действительная их причина всегда кроется в бедствиях народа. Но когда он прибавляет, что это служит признаком какого-либо несовершенства правительства, когда он приходит к заключению, что последнее причиняет вред общественному благосостоянию, вместо того, чтобы охранять его, он впадает в весьма распространенное заблуждение, возлагающее на правительство ответственность за все народные бедствия. Нетрудно заметить, что бедствия могут существовать и вызывать возмущения при отсутствии знакомства народа с причиной бедствий и без всякой вины со стороны правительства. Избыток населения в старых государствах представляет такую причину, совершенно неведомую в Америке. Если бы для устранения бедствий был установлен, согласно предложению Пейна, налог в пользу неимущих, то этим значительно усилилось бы зло, и общество вскоре было бы поставлено в невозможность собрать необходимые для такого назначения суммы.

Ничто не могло бы в такой степени ослабить вредные последствия проповедуемых Пейном «человеческих прав», как всеобщее распространение знакомства с действительными правами человека. Я не считаю себя призванным перечислять их, но среди этих прав есть одно, которое обыкновенно присваивают человеку, но которое, по моему глубокому убеждению, не принадлежит и никогда впоследствии не будет ему принадлежать. Я разумею воображаемое право человека на пропитание в том случае, когда его собственный труд не доставляет ему для этого средств. Английское законодательство, действительно, как будто признает это право и принуждает общество доставлять занятия и пропитание тем людям, которые не могут приобрести их собственным трудом при обыкновенных условиях купли-продажи; но таким признанием законодательство восстает против естественных законов. Необходимо ожидать поэтому, что предписываемые им меры не только не увенчаются успехом, но даже усилят бедствия неимущих, вместо того, чтобы ослабить их, и таким образом послужат лишь к обольщению неимущих несбыточными надеждами.

Аббат Рейналь говорит по этому поводу следующее: «До возникновения каких бы то ни было общественных законов человек имел право на существование». Он имел такое же точно основание сказать, что до возникновения общественных законов человек имел право жить до ста лет. Не подлежит никакому сомнению, что человек всегда пользовался и пользуется в настоящее время этим правом; он имеет право жить даже тысячу лет, если может и если пользование этим правом не причиняет вреда ближним; но в обоих случаях вопрос заключается не столько в праве, сколько в

возможности. Общественные законы усиливают эту возможность; они доставляют возможность для существования большему числу лиц чем то, которое могло бы существовать без них. В этом смысле законы значительно расширяют право на существование. Но на до установления общественных законов, ни после этого установления не могло пользоваться жизнью безграничное число людей-человек, не имевший возможности жить, всегда был лишен права на жизнь. Если бы эти великие истины получили всеобщее распространение; если бы низшие классы народа сознавали, что собственность необходима для усиления производства предметов потребления и что, признавая собственность, человек, не имеющий возможности купить или заработать себе пропитание, не может требовать его по праву; если бы, наконец, народ сознавал, что эти истины установлены самой природой и совершенно не зависят от человеческих учреждений, то все опасные и зловерные учения о несправедливости общественных законов потеряли бы свое значение и не заслуживали бы ничего внимания. Нельзя допустить, чтобы все неимущие были мечтателями. Их бедствия всегда действительны, хотя они ошибаются относительно причины, которая порождает эти бедствия. Если бы поэтому неимущим объяснили обстоятельство, составляющее предмет их заблуждения, если бы им указали, как ничтожна ответственность правительства за их бедствия и, наоборот, как велико в этом отношении влияние причин, не имеющих никакого отношения к правительству, – то недовольство и возбуждение среди низших классов обнаруживалось бы несравненно реже и проявлялось бы не в столь жестоких формах, как в настоящее время, а усилия недовольных и беспокойных умов из среды средних классов общества, направленные к возбуждению народа, потерпели бы неудачу. Как только неимущие узнали бы, что их собственная выгода заключается в том, чтобы не поддаваться опасным обольщениям; как только они поняли бы, что, поддерживая проекты всеобщей ломки общественного строя, они оказывают услугу лишь честолюбивым замыслам нескольких вожakov без всякой выгоды и преимуществ для самих себя, так тотчас же можно было бы смело пренебречь всякими попытками беспокойных людей к возбуждению народа. В то же время народные представители и земельные собственники Англии могли бы с полной безопасностью вновь приняться за спасительное сопротивление незаконным захватам власти; вместо того чтобы признавать себя вынужденными ежедневно приносить свободу граждан в жертву общественной безопасности, они могли бы без всяких разумных поводов к опасениям не только следовать по своему прежнему пути, но и настаивать на постепенных улучшениях общественного строя сообразно требованиям времени и во избежание политических бурь, угрожавших разрушением британскому государственному строю.

Всякие улучшения государственного управления должны исходить от людей, получивших тщательное воспитание, а таких людей естественнее всего искать среди класса собственников. Какого бы мы ни были мнения о некоторых лицах из этого класса, нельзя допустить, чтобы большинство их находило свою выгоду в злоупотреблениях. Они совершают злоупотребления лишь из опасения, чтобы преобразования не вызвали еще большего зла.

Если бы это опасение справедливо рассеялось, улучшения и преобразования совершались бы с такой же легкостью, с какой удаляются нечистоты или освещаются улицы. В жизни нередко представляется необходимость мириться со злом для избежания более крупного бедствия, и обязанности всякого благоразумного человека заключаются в том, чтобы подчиняться этой необходимости добровольно. Но то же благоразумие предписывает не подчиняться злу, которого можно избежать без всякой опасности. Как только исчезнут опасения насилия и заблуждений со стороны народа, незачем будет страшиться правительственного деспотизма, ибо последний не будет иметь ни цели, ни основания, ни оправдания. Я льщу себя надеждой, что в этой книге достаточно ясно доказана та истина, что при наиболее совершенном управлении, порученном наиболее выдающимся и бескорыстным людям, страдания и крайняя нищета могут распространиться и даже сделаться всеобщими среди народа, который не установил обыкновения противодействовать благоразумными мерами чрезмерному размножению населения. Но так как до сих пор сущность и действие закона народонаселения не были поняты и старания общества были направлены скорее к усилению, чем к ослаблению последствий этого закона, то мы имеем разумное основание сделать заключение, что при всяком данном порядке управления влиянию именно этой причины необходимо приписать большую часть бедствий, постигающих низшие классы народа.

Таким образом, возлагаемая Пейном и его единомышленниками на правительство ответственность за народные бедствия, очевидно, ошибочна. Хотя свободные государственные учреждения и хорошее правительство содействуют до некоторой степени уменьшению бедности, тем не менее их влияние в этом отношении оказывается лишь косвенным и крайне медленным. По своим последствиям влияние это несколько не соответствует тому непосредственному и быстрому облегчению, которое народ рассчитывает достигнуть при посредстве революций. Эти преувеличенные надежды и возбуждение, вызываемое неисполнением их, дают ложное направление усилиям народа добиться свободы и препятствуют введению возможных преобразований, хотя медленных и постепенных, но в то же время верных и несомненно ведущих к улучшению участи народа.

Поэтому в высшей степени важно упрочение правильного мнения о том, что может сделать правительство и что находится вне его власти. Если бы был задан вопрос: в чем заключается действительная причина, замедлившая развитие свободы? Я ответил бы: в неведении причины народных бедствий и его неудовольствий в связи с возможностью злоупотреблять этим неведением для усиления власти. Поэтому я считаю в высшей степени полезным распространение мнения, что возникновение народных бедствий лишь косвенно зависит от правительства, которое не может бороться с ними непосредственно, и что главная причина этих бедствий кроется в образе действий самого народа. Распространение подобной истины не только не содействовало бы укреплению злоупотреблений, но, наоборот, предупреждало бы их путем устранения тех опасностей, которые являются предлогом для

поддержания злоупотреблений. Таким образом, эта истина послужила бы прочной опорой для разумной свободы.

VIII

Продолжение о том жессылка 14

Приведенные выше соображения поразительным образом подтвердились событиями последних двух-трех лет. Быть может, никогда еще низшие классы народа не возлагали более нелепых надежд на последствия правительственных преобразований и в то же время никогда еще эти надежды не обнаруживали более очевидным образом безусловное неведение причины народных бедствий и не вели столь непосредственно к последствиям, неблагоприятным для свободы. Одна из главнейших причин общего недовольства правительством заключалась в том, что громадное число рабочих, способных и готовых трудиться, оставалось без работы, а потому без всяких средств существования.

Такой порядок вещей, без сомнения, представляется самым печальным событием, какое может постигнуть цивилизованное общество. Из простого человеколюбия необходимо признать, что подобное бедствие является совершенно естественным и извинительным поводом к всеобщему недовольству и что на высших классах общества лежит обязанность употребить все усилия для уменьшения этого бедствия. Но оно может наступить и при наиболее совершенном и бережливом правительстве. Это также несомненно, как несомненно и то, что не во власти правительства предписать возрастание средств существования в стране, когда эти средства вследствие каких-нибудь неизбежных причин должны убывать. Несомненно, что в хорошо управляемой стране может наступить период благосостояния, в продолжение которого ее богатство и население настолько возрастут, что дальнейшие непрерывные улучшения в том же направлении уже окажутся невозможными. Открытие новых рынков для торговли, приобретение новых колоний, возрастание производства при помощи вновь изобретенных машин, значительные улучшения в способах обработки земли – все это такие условия, при которых несомненно произойдет возрастание богатства и населения. И наоборот, закрытие прежних рынков вследствие иностранного соперничества или других причин, отпадение колоний или сокращение торгового обмена с ними, застой в торговле вследствие переполнения рынков своими и иностранными товарами, замедление успехов земледелия – все это такие условия, которые без всякой ошибки со стороны правительства, а по естественному порядку вещей влекут за собой недостаток в работе и продовольствии, в особенности когда эти неблагоприятные условия совпадают с возрастанием населения,

происходящим вследствие предшествовавших благоприятных к тому обстоятельств. Недостаток в продовольствии не замедлит повергнуть рабочих в безысходную нищету, но, совершенно очевидно, что из этого вовсе не следует выводить заключения относительно необходимости радикальных перемен в составе управления. Всякая попытка в этом направлении только увеличила бы народные бедствия.

До сих пор мы предполагали, что образ действий правительства не оказывал никакого влияния на возникновение народных бедствий. Весьма вероятно, что такое предположение не всегда оправдывается. Правительство, несомненно, может причинить значительные бедствия при посредстве войны или тяжелых налогов, и нужна известная проницательность для того, чтобы отличить вытекающее отсюда зло от бедствий, происходящих вследствие указанных ранее причин. Что касается Англии, то нельзя отрицать того, что в ней обе эти причины действовали одновременно, но независимые от правительства причины оказывали наибольшее влияние. Война и налоги непосредственно стремятся к уничтожению или замедлению возрастания капиталов, производства и населения; но во время последней войны эти препятствия к развитию благосостояния более чем уравновешивались таким стечением обстоятельств, которое способствовало чрезвычайному возрастанию населения. Конечно, не правительство вызвало те благоприятные обстоятельства, которые вознаграждали за действие разрушительных условий. Необходимо признать, что в продолжение последних двадцати пяти лет правительство не выказало ни особенного расположения к миру и свободе, ни особой бережливости в расходовании национальных средств. Оно смело расточало громадные суммы для поддержания войны и устанавливало обременительные налоги для получения этих средств. И, несмотря на это, самые очевидные факты способны убедить беспристрастного наблюдателя, что в 1814 году, к концу войны, национальные средства не были истощены, что богатство и население страны не только превысили тот размер, который наблюдался до войны, но даже возросли в гораздо большей степени, чем в какой бы то ни было предшествовавший период.

Быть может, это самый необычайный факт, представляемый нам историей; он служит неопровержимым доказательством того, что последующие бедствия, испытанные страной после заключения мира, были вызваны не столько обычными и естественными последствиями войны и налогов, сколько внезапным прекращением чрезвычайных условий, благоприятствовавших размножению населения. Вызванные этими причинами бедствия, хотя и усиливались действием налогов, тем не менее не порождались непосредственно ими, а следовательно, упразднение налогов не могло бы доставить народу прямого и немедленного облегчения.

Нет ничего удивительного в том, что рабочие классы не сознают ясно важнейшую причину их бедствий, а также того, что против этих бедствий нет никаких средств. Еще менее можно удивляться тому, что они благосклоннее выслушивают тех, кто с уверенностью обещает им немедленное облегчение, нежели людей, предлагающих им в утешение лишь неприятные истины. Но нельзя

не согласиться, что ораторы и народные писатели через меру воспользовались кризисом, передавшим в их руки власть. Отчасти по неведению, отчасти преднамеренно, все, что могло уяснить рабочим их действительное положение, все, что могло побудить их к терпеливому перенесению неизбежных бедствий, – все это от них тщательно скрывалось или высокомерно порицалось; наоборот, все, что обольщало их, усиливало и возбуждало их неудовольствие, что порождало в них безумные надежды на облегчение при помощи одних только реформ, – все это тщательно выставлялось на вид. Если бы, при подобных обстоятельствах, предлагавшиеся преобразования были приведены в исполнение, то народ был бы жестоко обманут в своих надеждах. При системе всеобщего голосования и ежегодных парламентских выборах народ под влиянием обманутых ожиданий попытался бы, вероятно, сделать различные опыты преобразования правительственной системы, пока, наконец, перешедши все фазисы революции, он не был бы сдержан военным деспотизмом. Наиболее горячие друзья истинной свободы справедливо могли опасаться таких последствий, защищать которые не позволяло им чувство долга.

Если бы даже после больших усилий и вопреки желаниям большинства эти сторонники благоразумной свободы могли бы надеяться, что им удастся произвести умеренные, но более достижимые преобразования, то и тогда они не могли бы скрыть от себя, что обманутый в своих ожиданиях народ приписал бы свои бедствия этим преобразованиям, которые казались бы ему полумерами; тогда эти самые сторонники свободы были бы поставлены в необходимость или произвести радикальные преобразования, или внезапно отказаться от своего влияния и популярности, прежде чем народ получит облегчение, прежде чем уляжется его недовольство и прежде чем он получит возможность сделать роковой опыт применения того сказочного лекарства, на которое его принудили возлагать несбыточные ожидания.

Подобные соображения, естественно, должны были охладить попытки истинных сторонников свободы; вот почему осуществление благодетельных преобразований, признанных необходимыми для исправления ущербов, произведенных временем в общественном строе, и для такого улучшения конституции, на которое она способна, стало еще более затруднительным и маловероятным.

Неосуществимые ожидания и безрассудные требования, внушенные народу его вожаками, не только дали правительству легкую возможность отклонять всякие предложения относительно введения каких бы то ни было преобразований, но они передали в его руки самое опасное оружие для борьбы против конституции. Подобные внушения всегда вызывают опасения и противодействуют введению самых умеренных преобразований. Однажды возникшие опасения не имеют границ, так как вызвавшие их обстоятельства легко могут быть преувеличены. Весьма вероятно, что под влиянием именно таких преувеличенных обстоятельств и излишних опасений проведено в жизнь несколько неблагоприятных для свободы парламентских актов, не вызывавшихся крайней необходимостью. Но самая возможность излишних опасений и обусловленных ими

парламентских актов несомненно должна быть приписана безрассудным ожиданиям народа.

Итак, необходимо признать, что настоящее время представляет разительное подтверждение нашей теории и вполне доказывает, что неведение главной причины бедности весьма неблагоприятно для развития свободы и что знакомство с этой причиной должно повлечь к противоположным последствиям.

IX

О постепенной отмене законодательства о бедных

Если приведенные выше положения основательны и если признана обязательность согласовать с ними наш образ действий, остается исследовать, каким путем можно этого достигнуть. Первое и наиболее важное препятствие в этом отношении представляют английские законы о бедных. ссылка 15 Систему этих законов совершенно справедливо признавали более вредной и убыточной, чем государственный долг ссылка 16. Наблюдаемое в последнее время быстрое увеличение налогов в пользу бедных доказывает такое чрезвычайное возрастание числа нищих, что это даже трудно представить себе среди благоденствующей и хорошо управляемой нации. ссылка 17

Как бы ни было тягостно чувство, вызываемое этой мыслью, как бы горячо ни было наше желание устранить великое зло, необходимо признать, что оно пустило слишком глубокие корни и что выдаваемые бедным вспомоществования возросли настолько, что чувство человеколюбия не может примириться с немедленной отменой. Пытались отыскать средство для предупреждения их возрастания, для чего предложено было установить предельный размер налога в пользу бедных. Но против такого предложения можно возразить, что и при этом условии собираемая сумма будет весьма значительна, а потому бедные не заметят происшедшей перемены и каждый из них по-прежнему будет уверен, что, терпя нужду, он имеет такое же право на вспомоществование, как и другие, а не получив помощи, которой другие пользовались, он будет думать, что с ним поступили жестоко и несправедливо. Если же собранный налог распределить небольшими суммами между всеми нуждающимися, как бы ни было велико их число, то хотя бы этим и можно было избежать упреков со стороны лиц, обращающихся за вспомоществованием после установления предела для налога, тем не

ссылка 15

Мальтус имеет в виду систему приходских вспомоществований, собираемых посредством налога, пропорционального земельному доходу, который был задолго до того установлен.

ссылка 16

Отчет общества для улучшения участи бедных. Т. III. С. 21. Прим. автора.

ссылка 17

Если налог в пользу бедных будет и впредь возрастать так, как он возрастал по среднему выводу за последние десять лет, то будущее представляется нам в очень мрачном виде. Вот почему во Франции система законов о бедных совершенно справедливо признается «самой опустошительной политической язвой Англии». (Отчеты комитета о нищих.) Прим. автора.

менее новое распределение поставило бы в тягостное положение тех бедных, которые раньше пользовались более значительной помощью и которые ничем не заслужили такого наказания, как уменьшение вспомоществования. В обоих случаях общество совершит несправедливость, ибо, признавая себя обязанным кормить своих бедных, оно окажет им такое незначительное вспомоществование, что они погибнут от голода и нищеты.

Я много размышлял по поводу английских законов о бедных, а потому решаюсь предложить план постепенной их отмены, против которого не вижу существенных возражений. Я почти уверен даже, что если бы когда-либо было признано, что существующие законы о бедных являются одновременно источником злоупотреблений и постоянной причиной вырождения, лености и несчастия, и если бы поэтому серьезно захотели избавиться от этого отравленного источника и уничтожить эту постоянную причину нищеты, то из чувства справедливости следовало бы принять если не предлагаемый мною план, то хотя бы принцип, служащий ему основанием. Избавиться от современной системы широкого вспомоществования, не нарушая в то же время чувства человеколюбия, можно только путем прямого воздействия на самую причину, породившую систему; эта успевшая пустить глубокие корни причина содействует быстрому распространению соответственных учреждений, которые все же недостаточны для достижения имеющейся в виду цели. Поэтому необходимо сделать один, по моему мнению, неизбежный шаг, прежде чем предпринимать какие-либо важные изменения в существующей системе, будет ли касаться вопрос уменьшения вспомоществований или совершенной их отмены. Этого требует честь и справедливость. Необходимо открыто отказаться от признания за бедными воображаемого права содержаться на общественный счет.

Для достижения этой цели я предложил бы издать закон, по которому приходские попечительства отказывают в пособиях детям, рожденным от браков, заключенных через год после обнародования закона, и всем незаконнорожденным, появившимся на свет через два года после его обнародования. Для того чтобы закон стал всем известен и глубоко запечатлелся в сознании народа, я предложил бы вменить в обязанность священникам непосредственно вслед за оглашением предстоящего брака произносить краткое внушение, в котором настойчиво указывалась бы несложная обязанность каждого человека заботиться о существовании своих детей и напоминалось бы о безрассудстве и безнравственности тех, которые вступают в брак, не имея надежды выполнить эту священную обязанность, о бедствиях, которым подвергались неимущие каждый раз, когда стремились к бесплодной попытке заменить попечения, возложенные природой на родителей, заботами общественных учреждений, и, наконец, о настойчивой необходимости отказаться от этих попыток, приведших к последствиям, совершенно обратным тем, которые от них ожидались.

Предложенная мной и выполненная указанным образом мера ясно и открыто ознакомила бы народ с его естественными обязанностями. Никого не оскорбляя, она поставила бы нарождающееся поколение в меньшую зависимость от

правительства и богатых людей, а физические и нравственные последствия такой независимости, несомненно, имели бы большое значение.

Если бы после обнародования предложенной меры во всеобщее сведение и после упразднения существующих теперь законов о бедных нашелся человек, пожелавший вступить в брак, не имея надежды прокормить свою семью, по моему мнению, ему следовало бы предоставить полную свободу действовать в этом отношении по собственному усмотрению. Хотя подобный брак представляет очевидно безнравственный поступок, тем не менее он не принадлежит к числу тех, наказывать или непосредственно пресекать которые лежит на обязанности общества, ибо наказание, сопровождающее по законам природы такой поступок и обрушивающееся всегда на самого виновного, и без того жестоко, обществу же этим наносится лишь косвенный и притом слабый и отдаленный вред. Когда сама природа принимает на себя направление человеческой деятельности и наказание за нарушения, то желание заменить ее и принять на себя отвратительную заботу о наказаниях было бы безумием с нашей стороны. Предоставим же виновного наказанию, присужденному самой природой. Он поступил вопреки голосу рассудка, а потому не может никого винить и должен жаловаться на самого себя, если его поступок сопровождается прискорбными для него последствиями. Доступ в приходские попечительства должен быть для него закрыт, а если частная благотворительность окажет ему какую-нибудь помощь, то интерес человеколюбия настойчиво требует, чтобы она не была чрезмерно щедрой. Необходимо, чтобы виновный знал, что естественные, установленные самим Богом, законы обрекли его на лишения в наказание за нарушение этих законов, что он не имеет ни малейшего права требовать от общества иного пропитания сверх того, которое соответствует его личному труду, и что если он и его семья ограждены от мучений голода, то лишь благодаря состраданию благотворителей, которым он обязан за это своей признательностью.

При неуклонном исполнении предложенной системы можно было бы оставить опасения, будто возрастание неимущих превзойдет пределы, удовлетворяемые благотворительной помощью. Наоборот, я убежден, что область частной благотворительности сузилась бы сравнительно с теперешним ее размером. Единственное затруднение, которое предстояло бы побороть, вытекает из нашей неразборчивости в деле благотворения, ибо, раздавая помощь без всякого разбора, мы поощряем беспечность и леность. После обнародования предложенного закона незаконнорожденные дети должны быть лишены помощи со стороны приходских попечительств и предоставлены частной благотворительности. Отказываясь от своих детей, родители совершают преступление, ответственность за которое падает на них самих; общество же несет в этом случае сравнительно небольшую потерю, ибо для него один ребенок легко заменяется другим. Если дети нам дороги, то это вследствие присущей нам симпатичной страсти, именуемой родительской любовью. Когда находятся люди, отказывающиеся от посылаемого им самим небом дара, то общество

вовсе не обязано занимать их место. Его дело ограничивается наложением наказания за преступления родителей, попирающих свои священнейшие обязанности, отказывающихся от попечения о своих детях или жестоко обращающихся с ними.

В настоящее время незаконнорожденный ребенок отдается на попечение прихода и в течение года обыкновенно умирает. Так, по крайней мере, происходит в Лондоне. Общество в этом случае несет ответственность за такую потерю, но тяжесть преступления как будто ослабляется вследствие того, что в совершении его участвовало множество лиц. Смерть этих несчастных созданий обыкновенно приписывается воле Божьей, причем забывается, что ее необходимо рассматривать как неизбежное следствие поистине зверского поведения родителей, за которое они должны дать отчет пред Богом и людьми.

Необходимо признать, что редко случается, чтобы дитя было докинуто одновременно обоими родителями. Когда у рабочего или служителя родится ребенок от незаконной связи, он обыкновенно скрывается. Нередко случается, что и женатый человек переселяется в отдаленное место, оставляя жену и детей на попечение прихода. ссылка 18 Возможность таких поступков должна вызвать в иностранце весьма неблагоприятное мнение о характере англичан; но, взглядевшись в предмет ближе, беспристрастный наблюдатель должен объяснить это преступление не столько характером англичан, сколько существующими у них учреждениями.

Законы природы установили, что ребенок находится на исключительном попечении родителей, а мать ребенка – на таком же попечении мужа. Если бы эти обязанности не извращались и законы природы проявлялись во всей своей непосредственности, если бы человек всегда помнил, что от него одного зависит участь жены и рожденного от него ребенка, я уверен, что бессердечное оставление жены и детей оказалось бы невозможным и вряд ли нашлось бы десять отцов, способных на такой зверский поступок. К сожалению, английские законы, вопреки законам природы, провозгласили, что если родители оставят принадлежащего им ребенка, то общество обязано занять их место, и что жена, покинутая мужем, может найти покровительство со стороны других людей. Таким образом, употреблены были все средства для ослабления и искоренения естественных побуждений и извращений естественных законов, а последствия этого были приписаны природе, в то время как ответственность за последствия в этом случае всецело падает на общественные учреждения и политическое устройство, которые создали законы, порождающие подобные явления и предлагающие награду тому, кто попирает наиболее полезные и заслуживающие уважения чувства.

Когда отец незаконнорожденного ребенка известен, во многих приходах принято за правило угрожать ему заключением в тюрьму и употреблять всевозможные меры к тому, чтобы заставить его

ссылка 18

По свидетельству сэра Ф. Эдена, «многие бедные стараются воспользоваться выгодами, доставляемыми законами, и оставляют свои семьи на попечение приходов»; это подробно доказано автором в сочинении *State of the poor*. Т. I. P. 330. Прим. автора.

жениться на матери ребенка. Это правило заслуживает всевозможного порицания. Преследование со стороны приходского попечительства прежде всего неразумно, ибо при достижении своей цели оно вместо одного призреваемого вызывает трех или четырех детей, которые впоследствии будут обременять приход; кроме того, оно безнравственно и оскорбительно по отношению к тайнству брака. Вообразить, что путем вынуждения и преследования можно спасти честь женщины и вернуть на путь добродетели человека, – это значит иметь неправильные представления о нравственном долге и чести. Человек, обольстивший женщину невыполненным обещанием жениться на ней, совершает гнусный обман и заслуживает строгого осуждения, но я не думаю, чтобы его следовало вынуждать ко второму обману, последствием которого будет крайне печальная участь женщины, связанной с ним неразрывными узами, и обременение общества новым нищенским семейством.

Обязанность каждого человека заботиться о своих детях, безразлично законных или незаконнорожденных, до такой степени очевидна и важна, что справедливость требует, чтобы общество было вооружено всеми возможными средствами для ее укрепления. Но я уверен, что для достижения этой цели нет более пригодного средства, как обнародование закона о том, что впредь попечение о детях возлагается исключительно на их родителей, а если они пренебрегут своей естественной обязанностью и покинут своих детей, то должны рассчитывать на то, что попечение об этих детях будет зависеть лишь от случайной помощи со стороны частной благотворительности.

Ответственность покинутых матери и детей, неповинных в дурном поведении главы семейства, может показаться слишком жестокой. Но что делать – это также закон природы, над правом противодействия которому нужно задуматься. Мне не раз приходилось слышать, что милосердие Божие не согласуется с теми местами Библии, в которых говорится о наказании детей за преступления родителей. Это противоречие требует разъяснения. Если дело идет не о коренном изменении человеческой природы, не о таком улучшении, которое сделало бы людей совершенно иными существами, то их невозможно освободить от влияния закона, вызывающего жалобы. Для того, чтобы на детей не оказало общественного или нравственного влияния поведение родителей, необходимо чудо. Существует ли хоть один человек, который, получив в своей семье воспитание, не нес на себе отпечатка добродетелей и пороков своих родителей, на характере которого не отразились бы их счастливые свойства – благоразумие, добродетель, справедливость, воздержанность и, наоборот, их противоположные качества? Существует ли человек, положение которого в обществе не обуславливалось отчасти их доброй славой, как людей предусмотрительных, трудолюбивых, обеспеченных, или не унижалось их неблагоразумием и ленью? Мы знаем, до какой степени укрепляется добродетель и поддерживаются силы отца надеждой дать своим детям хорошее воспитание, внушить добрые правила и передать им свое благосостояние. Если бы можно было покинуть детей, не подвергая их никакой опасности, то какое

громадное число лиц, утомленных супружескими узами или не питающих привязанности к женам, отказались бы от забот и затруднений, связанных с содержанием семьи, и вновь обратились бы к холостой жизни! Но сознание, что дети несут наказание за проступки родителей, оказывает влияние даже на порочных людей. Найдется немало людей, не заботящихся о том, какое влияние на их жизнь окажут их поступки, и в то же время боящихся, как бы эти поступки не оказали вредного влияния на жизнь детей. Итак, управляющие миром нравственные законы требуют, чтобы за проступки родителей наказывались дети, и если мы вследствие нашей гордости и самонадеянности думаем, что систематическое противодействие этим законам принесет лучшие последствия, то проявляем стремление к достижению безумного дела.

Если бы был принят предложенный мной проект, то через несколько лет налог в пользу бедных стал бы быстро уменьшаться и вскоре оказался бы совершенно излишним. В то же время никто не был бы обманут, никому не было бы нанесено вреда, а следовательно, никто не имел бы права жаловаться.

Тем не менее одного упразднения законов о бедных еще недостаточно для улучшения их участи. Если бы мы придавали этой мере исключительное значение, нам могли бы указать на положение бедных в тех странах, где не существуют подобные законы. Но такое сравнение потребовало бы внимательного рассмотрения многих обстоятельств и, во всяком случае, не могло бы послужить основанием для признания полезности существующих законов о бедности.

X

Какими способами можно содействовать разъяснению заблуждений

относительно народонаселения

Для улучшения участи людей недостаточно одной отмены всех учреждений, поощряющих размножение населения; необходимо, кроме того, стараться об исправлении господствующих мнений, производящих такое же и даже нередко сильнейшее действие. Это может быть делом одного только времени, единственное же средство для достижения такой цели заключается в распространении здравых понятий путем печати и устных бесед. В особенности необходимо настаивать на распространении той истины, что долг человека состоит не в размножении породы, а в распространении всеми возможными способами счастья и добродетели, и что если человек не имеет основательной надежды на достижение этой цели, то природа вовсе не предписывает ему оставлять после себя потомков.

Среди высших классов общества нет основания опасаться заключения чрезмерного числа браков. Распространение здравых понятий в этом вопросе, конечно, могло бы и этому классу оказать пользу и предупредить значительное число несчастных супружеств; но будем ли мы стараться об этом или нет, более возвышенные чувства, внушаемые в этом классе положением и воспитанием,

всегда будут служить значительным препятствием к заключению браков, хотя бы вследствие внушаемой ими осторожности. Общество вправе предписать своим членам одно лишь правило, налагаемое на них в виде положительной обязанности, – это чтобы никто не заводил семьи, не имея средств для ее содержания. Всякое дальнейшее стеснение должно быть предоставлено выбору и усмотрению того, кто налагает его на себя. Что же касается высших классов общества, то остается желать, чтобы в их среде оказывалось больше уважения и предоставлялось больше свободы незамужним девушкам, которым необходимо в то же время предоставить такие же права, как и женщинам замужним. Это было бы делом столь же благоразумным, как и согласным с основными требованиями справедливости и равноправности.

Но если среди высших классов так легко достижима степень благоразумия, необходимая для удержания в должных границах числа браков, то, желая получить те же результаты среди низших классов общества, необходимо распространять между ними то просвещение и ту предусмотрительность, которыми отличаются первые. Я полагаю, что лучшим для этого средством могло бы быть введение той системы приходского образования, которую предложил Адам Смит. [ссылка 19](#) Кроме обычных предметов образования и тех, которые присоединяет к ним Смит, я хотел бы, чтобы в этих школах возможно чаще разъяснялось положение низших классов общества относительно закона народонаселения и влияние, которое они могут оказать на возрастание собственного благополучия. При этом я не имею в виду, чтобы в этих разъяснениях в каком бы то ни было отношении умалялось значение брака или чтобы он изображался в менее привлекательном виде, чем это есть в действительности. Напротив, его следует представлять согласно с истиной как состояние, преимущественно свойственное человеческой природе, способное водворить счастье и предохранить от порока. Но при этом должно быть разъяснено, что преимуществами брака, так же как богатства и других благ, необходимо пользоваться лишь под известными условиями. Твердое убеждение, что супружество весьма желательно, но что для достижения его необходимо иметь средства для содержания семьи, послужит всякому молодому человеку наиболее сильным побуждением к труду и благоразумной бережливости до той поры, пока он не осуществит своих намерений относительно вступления в брак. Ничто иное неспособно в большей степени побудить к сбережению небольших излишков, всегда имеющихся в распоряжении холостых работников, и к разумному употреблению этих сбережений на созидание будущего благополучия, вместо того чтобы растрачивать их в праздности и пороках.

Если бы впоследствии оказалось возможным в этих школах к различным предметам преподавания присоединить еще некоторые простейшие основания политической экономии, то этим обществу была бы оказана неисчислимая выгода. [ссылка 20](#) Но необходимо

ссылка 19

Богатство народов. Т. III. Кн. V.

ссылка 20

признаться, что несколько бесед, которые мне случилось вести во время последних неурожаев (1800-1801 гг.) с лицами, принадлежащими к рабочему классу, значительно разочаровали меня. Я был до того поражен упорством их предрассудков относительно хлеботорговцев и скупщиков зерна, что мне показалось решительно невозможным согласовать подобное невежество с истинно свободным правительством. Я убедился, что среди народа сложились в этом отношении такие заблуждения, что если бы дело коснулось приложения к жизни его мнений, то пришлось бы неизбежно и во что бы то ни стало противодействовать этому вооруженной силой. Но весьма трудно предоставить правительству необходимую для этой цели силу, не подвергая в то же время опасности свободу.

В Англии на вспомоществования истрачены были громадные суммы, а между тем есть основание предполагать, что они послужили лишь к усилению бедствий тех самых лиц, которые воспользовались ими. В то же время было слишком мало сделано для образования народа. Его не позаботились ознакомить с некоторыми политическими истинами, имеющими близкое отношение к его благосостоянию, представляющими, быть может, единственное средство, при помощи которого он мог бы улучшить свое положение, способными превратить людей этого класса общества в мирных граждан и значительно увеличить их счастье. К стыду Англии необходимо отнести то обстоятельство, что образование народа в ней производится при посредстве лишь нескольких воскресных школ, содержимых за счет частных пожертвований и открытых притом лишь в самое последнее время. [ссылка 21](#)

Оправдания, которыми успокаивают себя те, на ком лежит забота о народном образовании, представляются мне не только несоответствующими свободе, но и крайне неосновательными, а между тем, лишая народ способов к улучшению своего положения, нужно было бы руководствоваться неопровержимыми соображениями, основанными на очевидной необходимости. Даже

Адам Смит предлагает преподавать в приходских школах элементарные основания геометрии и механики; я не вижу причины, почему нельзя было бы точно так же разъяснить народу общие принципы, управляющие такими явлениями, как купля и продажа. Этот предмет непосредственно касается народа и не может не привлечь его внимания. Не следует, впрочем, оболыщать себя в этом отношении чрезмерными надеждами, если припомнить полнейшее невежество в этом вопросе, господствующее среди более развитого класса общества. Но если политическая экономия не может быть предметом преподавания в народных школах, то ее необходимо ввести по крайней мере в программу университетов. Шотландия подала в этом отношении пример, которому Англия должна бы последовать. Весьма важно, чтобы крупные земельные собственники, и в особенности духовенство, не усиливали своим невежеством бедствий, причиняемых постигшими страну неурожаями. Во время последней дороговизны, имевшей место в Англии, половина крупных поземельных собственников и членов английского духовенства заслуживали преследования в качестве виновных в подстрекательстве. Своими беседами и даже проповедями они возбудили народ против фермеров и хлеботорговцев; после этого трудно было бы уже ожидать, что причиненное ими зло может быть ослаблено спокойным разъяснением, что если бы даже народ действительно терпел от притеснений и барышничества, то и тогда его нравственная обязанность заключалась бы в поддержании мира и спокойствия. Точно так же у Шекспира Марк-Антоний не переставал уверять, что заговорщики честные люди, но это не помешало возмущенному им народу с яростью истребить их. Политическая экономия, быть может, единственная наука, относительно которой необходимо сказать, что незнакомство с ней причиняет не только лишения, но даже положительное и тяжкое зло. Прим. автора.

ссылка 21

Писано в 1805 г. Прим. автора.

тот кто не желает видеть, что его доводы опровергаются самыми простыми соображениями, не решится, я думаю, отвергать свидетельство опыта; поэтому я спрошу: замечено ли, чтобы преимущества, доставляемые шотландскому народу образованием, располагали его к мятежу или неудовольствиям? При этом необходимо заметить, что нужда в этой стране дает себя чувствовать постоянно, что неурожаи бывают в ней чаще и что благодаря менее благоприятному климату и худшей почве она испытывает больше лишений, чем Англия. Конечно, просвещение низших классов шотландского народа еще не столь значительно, чтобы оно могло улучшить положение бедных путем распространения между ними необходимого благоразумия и предусмотрительности; но и это незначительное просвещение побуждает шотландский народ к терпеливому перенесению многих бедствий из-за сознания, что возмущение способно лишь усилить их. Сравнив миролюбивые нравы шотландских крестьян, получающих кое-какое образование, с буйством невежественного населения Ирландии, всякий беспристрастный человек должен будет признать благотворное влияние просвещения и народного образования.

Главный аргумент, приводимый против введения в Англии системы народного образования, заключается в том, что образование даст возможность народу читать сочинения вроде книги Пейна, а это могло бы иметь губительные последствия для правительства. Но я вполне разделяю высказанное по этому поводу Ад. , Смитом мнение, что образованный и хорошо воспитанный народ труднее обольстить возмутительными сочинениями, так как он лучше может распознать и оценить вздорное красноречие демагогов, увлекаемых честолюбием или личными выгодами. Для возмущения целого прихода достаточно одного или двух грамотных людей; если же они подкуплены партией демагогов, то, выбирая подходящие места из этих сочинений, могут принести гораздо больше вреда сравнительно с тем, который произошел бы в том случае, если бы всякий член прихода прочел в свободную минуту все сочинение и взвесил противоположные доводы.

Но и помимо этих соображений, замечание Смита получило бы еще большее значение, если бы предлагаемые им школы знакомили народ с его истинным положением и если бы ему чаще разъясняли, что его участь не может быть заметно улучшена переменой правительства, так как это улучшение зависит от его собственного трудолюбия и благоразумия; что если некоторые желания народа и могут быть удовлетворены, то все же в таком вопросе, как содержание семейств, большинство населения не может рассчитывать на какое-нибудь облегчение; что никакое возмущение не может изменить в пользу народа отношение между спросом и предложением труда или между количеством пищи и числом потребителей; что если предложение труда пересиливает спрос, а требование пищи превышает ее предложение, то народ не может избежать страданий, причиняемых нуждой, даже при самом либеральном и совершенном правительстве.

Ознакомление с подобными истинами так очевидно должно способствовать поддержанию мира и спокойствия, ослаблению значения возмутительных сочинений и предупреждению

легкомысленного сопротивления конституционным учреждениям, что невольно приходится заподозрить поборников народного невежества в каких-то своекорыстных видах.

Приходские школы не только могли бы содействовать разъяснению низшим классам населения их действительного положения, а также того, что от них самих зависит их благосостояние или нищета, эти школы могли бы еще при посредстве преподавания, начатого с ранних лет, и разумно распределяемых наград развить в подрастающем поколении привычку к трезвости, трудолюбию, независимости, благоразумию и внушить ему исполнение обязанностей, предписываемых религией. Таким образом, приходские школы явились бы действительным средством для развития низших классов народа и поднятия их до уровня среднего сословия, склонности которого имеют значительное преимущество.

Почти во всех странах для низшего класса народа существует предел нищеты, за которым прекращаются браки и продолжение рода. Этот предел крайней нищеты в различных странах весьма неодинаков и зависит от различных условий, как, например: почвы, климата, образа правления, распространения просвещения, степени цивилизации и пр. Главнейшими условиями, повышающими этот предел и уменьшающими нищету наиболее нуждающихся классов населения, являются свобода, обеспечение собственности, распространение среди народа знаний, стремление к приобретению преимуществ и наслаждений, доставляемых довольством. Деспотизм и невежество, наоборот, понижают этот предел.

При всяких попытках, предпринимаемых для улучшения положения низших классов населения, необходимо неизменно стремиться к поднятию возможно выше этого предела нищеты, или, другими словами, стремиться к тому, чтобы нужда, признаваемая в данной стране в крайней степени бедственной, все же была бы еще сносной. Достигнуть этого можно, развивая в народе стремление к независимости, чувство собственного достоинства, привычку к довольству и обладанию собственностью. Я уже имел случай указать, какое влияние оказывает хорошее управление на развитие в народе привычек к благоразумию, а также на воспитание в нем самоуважения. Но это влияние никогда не будет достаточно без содействия хорошей системы народного образования. В этом смысле можно утверждать, что правительство, не заботящееся о народном образовании, еще очень далеко от совершенства. Благодеяниями, доставляемыми хорошим образованием, все могут пользоваться, а так как от правительства зависит сделать образование общедоступным, то, вне всякого сомнения, оно и обязано это сделать.

XI

О направлении нашей благотворительности

Нам остается рассмотреть, каким образом можно направить нашу благотворительность, чтобы она не причиняла вреда тем самым лицам, для облегчения участи которых предпринята, и

предупреждала излишек населения, превышающий средства существования и ложащийся тяжелым бременем на низшие классы народа.

Чувство сострадания, побуждающее нас помогать ближним, когда они испытывают страдания, сходно со всякими другими волнующими нас страстями: оно до известной степени слепо и безотчетно. Сострадание иногда может быть сильнее возбуждено патетическим театральным действием или изображением в романе, чем каким бы то ни было действительным происшествием. Если бы мы отдались первому впечатлению без всяких дальнейших соображений, то из числа многих лиц, просящих о помощи, мы, несомненно, избрали бы тех, которые лучше умеют разыграть свою роль. Очевидно, что склонность к благотворительности, так же как и другие побуждения – любовь, гнев, честолюбие, голод, жажда, – должна управляться указаниями опыта и наравне с прочими страстями подчиняться требованиям общей пользы, ибо иначе она не удовлетворит тому назначению, для которого помещена в нашем сердце.

Назначение страсти, соединяющей оба пола, заключается в продолжении рода и установлении между мужем и женой общих воззрений и интересов, т.е. такой связи, которая для них самих является наиболее верным средством к достижению счастья, а для их детей – залогом неусыпного попечения в раннем возрасте и заботливого образования в позднейшем. Но если бы всякий считал себя вправе постоянно следовать своим инстинктивным побуждениям, не заботясь о последствиях, то существенное назначение этой страсти не было бы достигнуто и даже продолжение рода не было бы вполне обеспечено.

Очевидная цель вложенного природой в человеческое сердце инстинкта милосердия заключается в установлении близкой связи между людьми, в особенности принадлежащими к одному роду или семейству. Вызывая в нас участие к довольству и нуждам ближних, этот инстинкт побуждает нас помогать людям в их частных бедствиях, составляющих результат общих законов; таким образом он способствует увеличению всей суммы человеческого счастья. Но если чувство милосердия безотчетно, если степень кажущегося несчастья будет единственным мерилom нашей благотворительности, то она, очевидно, будет применяться исключительно к профессиональным нищим, между тем как скромное несчастье, борющееся с непобедимыми трудностями, но и в нищете сохранившее любовь к опрятности и благопристойному виду, будет оставлено в пренебрежении. Таким образом, мы окажем помощь тому, кто менее всего заслуживает ее, мы станем поощрять тунеядство и дадим погибнуть человеку деятельному и трудолюбивому, словом, мы пойдем совершенно наперекор стремлению природы и уменьшим сумму человеческого счастья. Впрочем, необходимо признать, что инстинктивное стремление к благодетельности проявляется с меньшей силой, чем страсть, соединяющая оба пола; опыт показывает, что вообще гораздо менее опасно отдаваться первому из этих побуждений, чем второму. Но, делая общий вывод из указаний опыта и выведенных из них нравственных правил, трудно сказать что-нибудь в пользу того, кто

безгранично предается одному из этих стремлений, чего нельзя было бы также сказать в пользу того, кто отдается другому. Обе эти страсти одинаково естественны, каждая из них возбуждается соответственным образом, и нас одинаково неодолимо влечет к удовлетворению той и другой. Рассматривая одну только нашу животную природу или допуская предположение, что последствия наших поступков, вытекающие из обоих побуждений, не могут быть предусмотрены, нам, конечно, ничего больше не остается, как слепо повиноваться инстинкту. Но, приняв в соображение то обстоятельство, что мы одарены разумом, мы тем самым устанавливаем для себя обязанность предусматривать последствия наших поступков; а так как мы знаем, что эти последствия иногда бывают губительны для нас или для наших ближних, то мы должны быть уверены, что слепое повиновение инстинкту недостойно нас, или, другими словами, несогласно с волей Бога. В качестве нравственных существ мы обязаны подавлять наши страсти, насколько это необходимо для того, чтобы они не приняли порочного направления, а также тщательно взвешивать последствия наших естественных склонностей и постоянно подчинять их великому закону всеобщей пользы для того, чтобы незаметно приобрести привычку удовлетворять эти склонности, никому не причиняя вреда. В этом, очевидно, заключается средство для увеличения суммы человеческого счастья, а следовательно, для исполнения воли Творца, поскольку это зависит от нас.

Итак, хотя польза и не может вполне сделаться побудительной причиной наших поступков в то время, когда мы находимся под влиянием страсти, тем не менее она является единственным средством для разумного понимания вещей. Она одна устанавливает правильное отношение между нашими обязанностями и законами природы, а потому мы должны подчиняться ее внушениям. Все моралисты, требовавшие подчинения страстей разуму, основывали это требование на изложенных мной принципах, независимо от того, в какой степени эти принципы были им известны и ясны. Я напоминаю эти истины для того, чтобы приложить их к направлению нашей обычной благотворительности. Если мы всегда будем иметь в виду великий закон общей пользы, то наша благотворительность получит широкое приложение, несколько не вредя той главной цели, которую мы должны преследовать.

Одно из полезнейших действий благотворительности заключается в ее полезном влиянии на самого благотворителя. Гораздо приятнее делать добро, чем получать его. Если бы мы даже заметили, что благотворительность не приносит пользы тем лицам, которым мы ее оказываем, то и тогда мы не могли бы оправдать усилий, направляемых к тому, чтобы освободить наше сердце от чувства, которое побуждает нас оказывать благодеяние. Это чувство очищает и возвышает нашу собственную душу. Приложив же в настоящем случае закон полезности, мы с удовольствием заметим, что самый выгодный для бедных способ благотворительности есть именно тот, который более всего способен усовершенствовать характер благотворителя.

О благотворительности, точно так же как и о сострадании, можно сказать, что она распространяется по земле, как благодатная

роса. [ссылка 22](#) Совершенно несправедливо называют благотворительностью раздачу тех громадных сумм, которые собираются в Англии при посредстве специального налога, ибо этой раздаче недостает отличительной черты истинной благотворительности. Так как в этом случае происходит принуждение к таким действиям, которые по своей сущности должны быть свободны, то это смешение понятий неминуемо должно унижить как тех, с кого на лог собирается, так и тех, для кого он назначается. Вместо действительного облегчения этот способ распределения налога, с одной стороны, усиливает и распространяет нищету, а с другой стороны, взамен приятного ощущения, доставляемого истинной благотворительностью, он вызывает только неудовольствие и постоянное негодование.

Среди благотворительных учреждений, содержащихся за счет добровольных приношений, существуют прямо предосудительные; мало того, самые пожертвования, вероятно, даются иногда нехотя и не столько из искреннего побуждения к благотворительности, сколько из необходимости сделать то, к чему обязывают известное общественное положение или богатство. Большинство жертвователей не вмешивается в распределение пособий и не беспокоится о судьбе тех, кому они раздаются. Поэтому-то нельзя рассчитывать на то, чтобы подобные способы благотворительности оказали то полезное влияние на жертвователей, какое обыкновенно приписывается этой добродетели и которое при других условиях проявляется таким очевидным образом.

Необходимо признаться, что даже в самом способе раздачи милостыни профессиональным нищим мы проявляем скорее желание отвязаться от их назойливости и избавиться от неприятного зрелища, чем стремление к облегчению страдания несчастного существа. Вместо того, чтобы радоваться тому, что нам представляется случай помочь ближнему, мы чаще предпочли бы совсем не встречать людей, вызывающих сострадание. Их нищета поражает нас и вызывает тягостное ощущение, а между тем мы сознаем, что подаваемая им ничтожная помощь недостаточна для облегчения их страданий. Мы вполне понимаем, что милостыня совершенно не соответствует их нуждам. Мало того, мы уверены, что на следующем повороте улицы услышим точно такие же просьбы о помощи и, быть может, будем даже обмануты. Мы спешим избегнуть встречи с неимущими и нередко стараемся не слышать их назойливых выпрашиваний. Мы подаем милостыню лишь в том случае, когда ее, так сказать, вырывают у нас насильственно, помимо нашей воли, и эта вынужденная благотворительность не оставляет в нашей душе никакого приятного воспоминания, никакого возвышающего душу ощущения.

Такой способ оказания помощи совершенно противоположен добровольной и истинной благотворительности, стремящейся близко познакомиться с нуждами тех несчастных, которые требуют ее помощи. Люди, побуждаемые к такой благотворительности, чувствуют, какими тесными узами связан богатый с бедным, и

ссылка 22

Is not strained; Is droppeth, as the gentle rain from Heav'n, Upon the earth beneath. Прим. автора.

гордятся этими узами; они посещают неимущего в его лачуге и разузнают не только об его нуждах, но и об его привычках и нравственных наклонностях. От такой благотворительности уклоняется бесстыдный попрошайка, старающийся обратить на себя внимание своими рубищами, и, наоборот, она ободряет, поддерживает и утешает того, кто молча переносит незаслуженные страдания. Для того чтобы более наглядно выставить преимущества такого способа благотворительности и его противоположность способу раздачи вспомоществований в приходских попечительствах, я не могу сделать ничего лучше, как привести слова Тоунзенда, которыми он заключает свой прекрасный трактат по поводу закона о бедных: «Нельзя себе представить что-либо отвратительнее стола, за которым производится раздача пособий в приходских попечительствах. Здесь нередко можно встретить в одном лице соединение всего, что делает нищету отталкивающей:

табак, водка, лохмотья, насекомые, грубость и нахальство. Наоборот, ничего не может быть благороднее и трогательнее благотворительности, посещающей лачугу неимущего, с целью ободрить трудолюбие и добродетель, протягивающей руку помощи голодному и облегчающей участь вдов и сирот. Что может быть прекраснее и трогательнее отрадных слез благодарности, блистающих чистой радостью очей, поднятых к небу рук, бесхитростного выражения чувств, порождаемых неожиданным, но разборчивым благодеянием? Мы часто были бы свидетелями подобных трогательных сцен, если бы люди могли вполне располагать собой и правом, принадлежащим им в деле благотворительности».

Я думаю, что невозможно быть часто действующим лицом в подобных сценах и не совершенствоваться ежедневно в добродетели. Подобные случаи не только удовлетворяют врожденное чувство милосердия, но и наиболее действительным образом способствуют улучшению нашего сердца. Это, несомненно, единственный вид милосердия, относительно которого можно сказать, что он доставляет счастье и тому, кто его оказывает, и тому, кто им пользуется. Во всяком случае, наверное, нелегко было бы найти какой-либо иной способ благотворения, который, распределяя столь громадные суммы, не угрожал бы причинить больше вреда, чем пользы.

Предоставленная в известных границах мировым судьям и приходскому начальству произвольная власть в деле назначения пособий и отказа в них по своему существу и последствиям весьма отличается от разборчивости и осмотрительности, с которой распределяет свою помощь добровольная благотворительность.

В Англии всякое лицо, находящееся в известных, определенных законом условиях, имеет право требовать пособия от своего прихода, а если его лишать этого права без достаточных к тому оснований, он может подать жалобу. Необходимые для разъяснения подобных жалоб справки весьма часто побуждают просителей извращать истину и все-таки огромное число лиц, просящих о пособиях, обвиняет приходские власти в пристрастии и жестокосердии. Выданное пособие принимается как должное, без всякой признательности, а отказ признается несправедливостью и

всегда вызывает негодование и озлобление.

Ничего подобного не может быть при раздаче добровольных пожертвований. Получающий их предается теплоте чувству признательности, а тот, которому они не достались, не жалуется на несправедливость. Всякий человек имеет право дать своему имуществу то употребление, какое ему заблагорассудится, следовательно, не нарушая справедливости, у него нельзя требовать отчета относительно его побуждений, по которым он оказывает в одном случае помощь, а в другом не желает этого сделать. Это безграничное право выбора, составляющее отличительное свойство добровольной благотворительности, дает ей возможность обращать свою помощь на облегчение лишь той нужды, которая заслуживает этого, не вызывая при этом прискорбных последствий. К тому же эта форма благотворительности обладает тем преимуществом, что она сохраняет в тайне расточимые благодеяния.

Для самих неимущих весьма важно, чтобы на благотворительность не смотрели как на источник, на который всякий имеет право рассчитывать. Бедный должен научиться пользованию собственными силами, должен развивать свою энергию и предусмотрительность и рассчитывать только на свои добродетели, а если всего этого окажется недостаточно, то на посторонние пособия он должен смотреть, как на надежду, а не как на право, не забывая при этом, что осуществление этой надежды обусловливается его Добрым поведением и собственным сознанием, что нищета его не есть следствие беспечности и неблагоприятия. Не должно подлежать ни малейшему сомнению, что при распределении пособий мы обязаны разъяснить бедным эти истины. Если бы все страдания могли быть облегчены, если бы бедность могла быть искоренена ценой жертвования хотя бы трех четвертей имущества богатых, я последний воспротивился бы такой мере и не продолжал бы настаивать на том, что необходимо установить границы для нашей щедрости. Но так как опыт показал, что несчастья и нищета всегда без исключения соответствуют количеству раздаваемого без разбора подаяния, то, применяясь к приемам, употребляемым при исследовании естественных законов, мы должны заключить, что эти подаяния не составляют истинной благотворительности и не заслуживают названия добродетели.

Законы природы говорят нам то же, что сказано было ап. Павлом: если человек не желает трудиться, он не имеет права на пропитание. Они же говорят нам, что не следует дерзко отдавать себя на попечение Провидения и что человек, вступающий в брак, не имея средств для содержания семьи, должен рассчитывать на бедственное положение. Эти предостережения со стороны природы необходимы и имеют очевидную цель оказать на нас полезное и благотворное влияние. Если частная и общественная благотворительность получит такое направление, благодаря которому бездельник не потеряет права требовать вспомоществований, а человеку, вступившему в брак без всяких средств для содержания семьи, постоянно будет оказываться помощь, то подобными мерами мы будем постоянно и систематически противодействовать той благой цели, ради которой установлены указанные выше законы.

Нельзя допустить, чтобы Творец, даруя нам одушевляющие нас чувства, имел в виду подобное противодействие естественным законам.

Среди условий человеческой жизни, рассматриваемых даже с самой благоприятной точки зрения, нередко бывает, что наши самые справедливые надежды оказываются обманутыми: трудолюбие, благоразумие, добродетели не только остаются без заслуженной награды, но даже иногда сопровождаются неожиданными бедствиями. Вот именно те, которые находятся в таком бедственном положении, несмотря на усилия выйти из него, те, которые изнемогают под тяжестью незаслуженного бремени, должны рассматриваться как истинный объект нашей благотворительности. Облегчением их страданий мы исполняем самый священный долг милосердия. Долг этот заключается в смягчении частного зла, порождаемого общими законами. Дав ему такое благотворное направление, мы не должны опасаться дурных последствий. Несчастные, справедливо вызывающие наше сострадание, вполне заслуживают нашей наибольшей поддержки и столь значительной щедрости, которая способна была бы совершенно освободить их от гнетущей нужды, если бы для этого даже пришлось предоставить собственной участи тех, которые не имеют права ни на наше уважение, ни на нашу помощь.

Когда исполнены эти важнейшие обязанности в деле милосердия, ничто не возбраняет нам взглянуть с состраданием также на ленивого и беспечного человека; но и в этом даже случае общее благо требует, чтобы наша помощь расточалась бережливо. Мы можем принять на себя заботу о благоразумном смягчении наказания, налагаемого природой за нарушение ее законов, но при этом мы должны остерегаться того, чтобы наказание не стало совсем неведомо виновному. Тот, кто подвергся ему, совершенно справедливо низводится на последнюю ступень общественного положения; намереваясь поставить его на более высокую ступень, мы нарушаем требования благотворительности и совершаем несправедливость по отношению к тем, которые окажутся ниже его. Необходимо, чтобы при распределении предметов первой необходимости он ни в каком случае не воспользовался одинаковой долей с трудолюбивым работником.

Эти соображения не должны прилагаться к тем случаям крайней нужды, которые произошли не вследствие беспечности или лени, а по какому-либо неблагоприятному стечению обстоятельств. Если человек переломит себе руку или ногу, то мы обязаны немедленно помочь ему, а не наводить справки о том, заслуживает ли он нашей помощи. Это совершенно согласуется с требованиями общей пользы. Подавая в подобных случаях без разбора нашу великодушную помощь, мы можем не предаваться опасениям, что наш поступок поощрит людей ломать себе руки с целью воспользоваться помощью. На основании неизменного принципа общей пользы одобрение, выраженное Христом поступку Самаритянина, нисколько не противоречит правилу ап. Павла: кто не хочет трудиться, тот не имеет права на пропитание.

Тем не менее, мы никогда не должны упускать случая сделать доброе дело, на основании предположения, что встретим другой

случай, более заслуживающий наших благодеяний. При всяком сомнении необходимо принять за правило, что мы обязаны повиноваться инстинктивному чувству сострадания. Но если мы можем выполнить налагаемую на нас разумом обязанность тщательно взвешивать последствия наших поступков, если собственный наш опыт и опыт других людей указывает для нашей благотворительности два пути, из которых один достигает лучших результатов, то в качестве нравственных существ мы обязаны направлять наши склонности по лучшему пути, для того чтобы воспитать в себе привычку к таким поступкам, которые мы признаем более полезными, как для наших ближних, так и для нас самих.

ХII

Исследование проектов, предложенных для улучшения участи бедных ссылка 23

Предпринимая какие-либо меры для улучшения положения низших классов населения, необходимо обращать особенное внимание на следующее правило, тесно связанное с установленными в этом сочинении положениями: никакое побуждение не может оправдать прямого поощрения брака или сознательного, систематического отстранения различия, существующего между женатым и холостым человеком относительно средств к жизни. Это различие непременно и постоянно должно поддерживаться. Писатели, не исключая даже тех, которые лучше других понимали значение и влияние закона народонаселения, проявили в этом отношении ошибочные воззрения.

Так, например, Тоунсенд, исследовавший закон народонаселения с необыкновенной глубиной и ясностью, оканчивает свое рассуждение о законодательстве по отношению к бедным предложением, которое, по моему мнению, противоречит так удачно развитым принципам. Он предлагает обратить существующие свободные частные благотворительные учреждения каждого прихода в обязательные и вынужденные и советует издать закон, вменяющий взыскивать в пользу бедных с каждого холостого человека четвертую часть его заработка, а с женатого, имеющего четырех детей, – лишь одну тридцатую часть. ссылка 24

Я думаю, что если добровольные пожертвования будут обращены в обязательные, то они тотчас приобретут значение налога на труд, а такой налог, как это ясно доказал Ад. Смит, неизбежно упадет на потребителей и притом взимание его будет сопряжено с большими трудностями и расходами. Из этого необходимо заключить, что предложенная Тоунсендом мера не доставит никакого облегчения земельным собственникам, как он того желал. Земельные собственники будут платить столько же, как

ссылка 23

Глава изложена с сокращениями.Пер.

ссылка 24

Dissertation on the poor lawe.

и теперь, с тем лишь различием, что вместо прямой передачи в приходе следуемого с них налога в пользу бедных они выплатят эту сумму в виде повышенной заработной платы и цены всех приобретаемых товаров. Следовательно, предложенные обязательные сборы в пользу бедных сохранят все дурные стороны существующей системы; изменится лишь название, сущность же всего учреждения останется та же.

Взимая с холостых четвертую часть их заработка, а с людей, обремененных семьей, только тридцатую, мы, в сущности, наложили бы на первых большой штраф за безбрачие, а вторым выдали бы премию за рождение детей. Такой результат совершенно противоречит цели, с которой Тоунсенд писал свое превосходное сочинение. Он сам устанавливает положение, что законы в пользу бедных могут быть признаны удовлетворительными лишь в том случае, когда они управляют размножением населения соответственно спросу на труд, а между тем предлагаемый им закон поощряет размножение населения совершенно независимо от этого спроса. Он наказывает молодого человека за его благоразумное воздержание от вступления в брак, быть может, именно в то самое время, когда спрос на труд, а следовательно, и заработная плата так низка, что ее не хватало бы на содержание семьи. Если при этом имелось в виду, что холостые люди должны делать взносы для того, чтобы приобрести право на пособие, когда они женятся, то справедливость требует, чтобы это пособие соразмерялось со сделанными ранее взносами, чтобы человек, вносивший четвертую часть своего заработка в течение одного только года, не пользовался одинаковыми правами с тем, который вносил ту же часть в продолжении десяти лет.

Артур Юнг в своих сочинениях также обнаружил знакомство с законом народонаселения; он обладал верным взглядом на бедствия, причиняемые чрезмерным размножением населения, переходящим границы, обуславливаемые спросом на труд и достаточными средствами существования. Так, в своем «Путешествии во Францию» он указывает на пагубные последствия чрезмерного населения, вызванного раздроблением земельной собственности, и при этом прибавляет: «Люди женятся и рожают детей в надежде воспитать их, но без всякого разумного основания для этой надежды. Таким образом, они размножаются сверх того, что требуется городами и фабриками, а последствием этого является крайняя нищета и смертность огромного числа людей, погибающих от болезней, причиняемых дурной и недостаточной пищей». В другом месте того же сочинения по поводу поощрений браков он говорит: «Главное несчастье Франции заключается в том, что она обладает слишком многочисленным населением, которое она не может ни употребить в дело, ни прокормить. Но для чего же в таком случае поощрять браки? Неужели Франция желает умножить свое население именно потому, что она и теперь не может употребить в дело излишек своего населения? Соперничество из-за необходимых средств существования и теперь уже таково, что ваш народ умирает с голоду, а вы поощряете размножение людей, которое еще более усилит это соперничество! Мы имеем законное основание спросить: не полезнее ли было бы дать совершенно противоположное

направление законодательству, не лучше ли было бы запретить вступление в брак тем лицам, которые не докажут, что обладают средствами для содержания семьи? К чему поощрять заключение браков, когда и без всякого поощрения они будут несомненно заключены всюду, где только это окажется возможным? Нет ни одного примера, чтобы страна, в которой замечается значительный спрос на труд, не представляла бы в то же время полной возможности для заключения браков; поэтому все заботы об их поощрении бесполезны и способны лишь причинить вред». Но если Юнг доказал свое понимание закона народонаселения и высказал по этому вопросу столь верные замечания, то тем большее удивление вызывают его мысли, высказанные в сочинении «Положение вопроса о неурожае и исследование средств для облегчения этого бедствия».

«Лучшим средством, – говорит Юнг, – для предупреждения периодического возвращения неурожаев, столь губительных для неимущих, было бы наделение каждого работника, имеющего свыше двух детей, одним акром земли для посева картофеля и пастбищем для одной или двух коров. Если бы каждый из таких работников владел картофельным полем и коровой, то он также мало заботился бы о цене хлеба, как ирландские работники. Все одобряют эту систему, но затруднение заключается лишь в том, какими средствами провести ее в исполнение». Я сомневаюсь, чтобы эта система всеми одобрялась. Во всяком случае, лично я не согласен с ней и не желал бы, чтобы меня также причислили к разряду всех. Я думаю, что эта система способна нанести благосостоянию низших классов населения самый роковой и непоправимый ущерб.

Не подлежит сомнению, что мера, предлагаемая Юнгом, поощрила бы размножение населения, превышающее спрос на труд в гораздо большей степени, нежели существующие теперь законы о бедных. В настоящее время неимущие отказываются от супружества, предвидя, что им неизбежно придется прибегнуть к приходским вспомоществованиям. Они испытывают отвращение при мысли о необходимости явиться за подавием не только из присущего им благородного чувства независимости, но и вследствие оскорбительной формы, в которую облакается выдача пособий. Совсем иное произошло бы, если бы в уме молодого работника, задумавшего жениться, вместо тягостного представления о рабочем доме и приходских властях явились обаятельные мечтания о клочке земли и пасущейся на нем корове. Юнг много раз повторяет, что одного желания быть собственником достаточно для того, чтобы побудить человека к деятельному достижению этого желания. Было бы странно, если бы такого желания оказалось недостаточно для вступления в супружество, т.е. для такого предприятия, к которому, как показывает опыт, люди не имеют ни малейшего отвращения.

Вызванное усиленными браками население поддерживало бы свою численность более значительным возделыванием картофеля, а потому продолжало бы возрастать независимо от спроса на труд. Несмотря на современное процветание фабрик в Англии и на многочисленные препятствия для размножения ее населения, нет более трудного дела, как приискание занятий для английских бедных; при осуществлении же проекта Юнга это затруднение было

бы неизмеримо больше.

Всюду, где, как в Ирландии, картофель составляет главную пищу народа и где каждый желающий вступить в брак наделяется небольшим полем, засеяв которое картофелем, он в силах уже прокормить семью, во всех таких странах можно бесплодно истратить все государственное достояние на премии за указание лучшего способа для доставления бедным работы: пока какое-либо могущественное препятствие не остановит быстрого размножения населения, вызываемого указанным порядком вещей, можно быть уверенным, что физически невозможная разгадка не будет найдена.

Юнг полагает, что при питании картофелем и молоком население будет менее страдать от неурожаев. Я не понимаю, на чем основано такое мнение. Конечно, люди, питающиеся исключительно картофелем, не могут страдать от неурожая хлеба; но разве существует какая-нибудь несообразность в предложении неурожая картофеля? Картофельное поле дает большее количество питательных веществ, чем всякое другое, поэтому, если картофель вдруг сделается преимущественной пищей народа, то в первое время его производство будет превышать потребление и народ будет иметь этот продукт в изобилии. Но когда все общинные земли будут розданы, распространившийся обычай вступать в брак в молодых годах вызовет самые тягостные и сложные бедствия. Тогда, вследствие чрезмерного размножения населения и истощения источников, доставляющих пропитание, среднее производство картофеля уже не будет превышать средний размер потребления и неурожай картофеля будет так же возможен, как современный неурожай хлеба. Но если он проявится, то причинит неизмеримо большее бедствие. В тех странах, где, подобно Англии, народ питается преимущественно таким ценным продуктом, как пшеница, в случае неурожая можно найти значительное подспорье в других продуктах. Ячмень, овес, рис, овощи и картофель в таких случаях оказываются менее дорогими, но все же весьма здоровыми продуктами. Но когда народ питается самыми дешевыми продуктами, то в случае неурожая ему остается одно только средство – питаться древесной корой, причем огромное число людей, доведенных до такой крайности, несомненно, погибает от голода и болезней.

Размер заработной платы всегда будет управляться отношением между спросом и предложением труда. Во время преобладания картофельной пищи предложение рабочих рук вскоре превысит спрос на них, а цена труда значительно понизится вследствие дешевизны продовольствия, которым он содержится. В результате получится лишь то, что обычный размер заработной платы будет определяться ценой картофеля вместо цены пшеницы, которой он определяется теперь, и страна покроется ирландскими лачугами и рубищами.

Когда спрос на труд временно превосходит его предложение и когда заработная плата определяется ценой самого дорогого питательного продукта, то за удовлетворением необходимых потребностей у рабочих остается некоторый излишек, который дает им возможность приобрести приличные помещения и лучшую одежду. При изменении же этих условий в том смысле, что главной

пищей населения станет молоко и картофель, предложение труда постоянно будет превышать спрос на него, а заработная плата будет определяться ценой этой дешевой пищи и все преимущества, которыми раньше пользовались рабочие, будут навсегда утрачены. Тогда никакие усилия благотворительности не в силах уже будут предотвратить самой крайней, всеобщей нищеты.

Итак, благо народа требует, чтобы его обычная пища была дорогая и чтобы ею определялся размер заработной платы, а на случай неурожая, чтобы он имел возможность заменить свою обычную пищу менее дорогим, но вполне здоровым продуктом. Для облегчения перехода от одной пищи к другой, а также для отличия тех, которые прибегают к общественной благотворительности, по моему мнению, было бы весьма полезно применить одну из предлагаемых Юнгом мер. Он советует «издать закон, запрещающий выдавать в пособие иную пищу, кроме картофеля, риса и похлебки, причем закон этот объявить в виде постоянной, а не временной меры». Я не думаю, что подобный закон мог обратить перечисленные продукты в обычную пищу всей массы низших классов народа. Но если бы такой закон облегчил в случае неурожая замену одного продукта другим, в особенности же если бы он способствовал установлению различия между вспомоществуемым и самостоятельным работниками, полезное значение его не подлежало бы сомнению.

Так как употребление молока, картофеля и похлебки, как главной пищи народа, вызовет понижение заработной платы, то, быть может, найдется такой бессердечный политик, который посоветует принять подобную меру для того, чтобы иметь возможность производить в Англии и поставлять на европейские рынки товары по самой низкой, не допускающей конкуренции, цене. Я не могу одобрить подобных побуждений. В самом деле трудно представить себе более отвратительного поступка, как осуждение рабочих классов своего отечества на крайнюю нищету из-за желания более выгодно продать партию сукна и бумажных материй. Богатство и могущество нации имеют какое-либо значение лишь в том случае, если они содействуют умножению счастья всех людей, составляющих эту нацию. Говоря это, я не имею в виду уменьшить их значение; напротив, я смотрю на них, как на необходимое средство для достижения такой цели. Но если бы в каком-нибудь частном случае подобная цель и подобные средства для ее достижения оказались в совершенном противоречии, то разум не допускает сомнения в том, какой выбор необходимо сделать. [ссылка 25](#)

Из всех предложенных и известных мне проектов сберегательные кассы в тех размерах, которые для них возможны, достигают, по моему мнению, лучше всего упрочения благосостояния низших классов населения, ибо от такого рода учреждений, если они когда-нибудь распространятся во всей стране, мы вправе ожидать действительного улучшения положения этих

ссылка 25

Далее следует рассмотрение проектов Онена, непосредственно примыкающее к рассуждению о сберегательных кассах, написанному Мальтусом в 1817 году.

классов. Давая возможность каждому воспользоваться выгодами, вытекающими из его благоразумия и трудолюбия, эти учреждения придают особенное значение указаниям природы. Молодой человек, с четырнадцати или пятнадцати лет сберегавший часть своего заработка в надежде жениться в двадцать четыре года, несомненно согласится отложить исполнение своего намерения еще на два или на три года в том случае, если этого потребуют обстоятельства – если хлеб будет дорог, заработная плата низка или, наконец, если на основании опыта сбереженная им сумма будет представлять недостаточное обеспечение против нужды. Усвоение привычки к сбережению части заработка почти всегда сопровождается привычкой к благоразумию и предусмотрительности.

Если бы в то же время благотворительные учреждения, дающие возможность наивыгоднейшим образом употребить эти сбережения, оказали содействие усвоенным населением привычкам, то мы вправе были бы надеяться, что среди колебаний, испытываемых страной относительно снабжения предметами потребления, население ее стало бы согласовываться с действительным спросом на труд, что повлекло бы к уменьшению страданий и бедности. Поэтому средство это действует на самый корень бедствий, конечно, соразмерно со степенью его распространения.

Сберегательные кассы, доставляя бедным возможность обходиться собственными силами в случае неблагоприятных обстоятельств, имеют целью предупреждение нищеты и зависимости. Эти учреждения в связи с хорошо направленной благотворительностью при обычных условиях, вероятно, доставили бы возможность достигнуть значительных улучшений. Но там, где, как в Англии, существует громадное число бедных, находящихся в зависимости от одной лишь общественной благотворительности, на сберегательные кассы нельзя смотреть, как на учреждения, могущие заменить налог в пользу бедных. Эти учреждения бессильны разрешить задачу: каким образом поддерживать существование неимущих, не увеличивая постоянно отношения их числа ко всему населению. Но если бы имелось в виду совершенно отменить или постепенно уменьшить налог в пользу бедных и другие подобные сборы, то сберегательные кассы оказали бы такому предприятию существенное содействие и, в свою очередь, сами получили бы от него толчок к дальнейшему развитию.

Учреждения эти возникли в эпоху всеобщих бедствий и самых широких приходских вспомоществований, следовательно, им пришлось бороться с весьма неблагоприятными условиями. Но несмотря на эти препятствия, достигнутый ими успех может служить достаточным доказательством того, что в эпоху большого благосостояния и высокой заработной платы, а также при содействии сокращения приходских вспомоществований они должны значительно распространиться и оказать благотворное влияние на привычки населения.

Для поощрения этих учреждений недавно издан был парламентский акт, которым разрешается выдача приходского пособия даже лицам, имеющим вклады в сберегательную кассу, если вклады эти не превышают определенной суммы и если на выдачу

пособия последует согласие мирового судьи. Этот закон является плодом крайне узкой политики; временным и ничтожным выгодам он приносит в жертву самый принцип, служащий основанием при учреждении сберегательных касс. Мы хотим приучить работника полагаться исключительно на собственные силы и средства в случае нужды и в то же время мы награждаем его за сбережения и ставим в зависимость от пособий, прекратить которые мы не можем решиться. Под влиянием названного закона успех сберегательных касс служит только сомнительным признаком доставляемой ими пользы; без него каждый вклад в эти учреждения служил бы доказательством возрастающего стремления со стороны населения выйти из-под зависимости приходских попечительств.

XIII

О необходимости установить общие принципы в вопросе об улучшении участи бедных

Юм заметил, что в политике, более чем в какой-либо иной науке, внешние признаки являются наиболее обманчивыми. Это в особенности справедливо относительно той части политики, которая занимается улучшением участи низших классов населения.

Нам прожужжали уши пустыми обвинениями против теорий и их авторов. Люди, ратующие против теорий, кичатся своей приверженностью к практике и опыту. Необходимо согласиться, что плохая теория – очень нехорошая вещь и что авторы таких теорий не только не приносят пользы, но нередко даже причиняют обществу вред. Тем не менее крайние защитники практических методов не замечают, что сами попадают в ловушку, от которой стараются предостеречь других и большинство их может быть причислено к авторам самых зловредных теорий. Когда человек передает то, что он имел случай наблюдать, он тем самым увеличивает общую массу сведений и приносит пользу обществу. Но когда он делает общие выводы или строит теорию на основании ограниченного наблюдения над фактами, имевшими место на его ферме или в его мастерской, то он оказывается тем более опасным теоретиком, что опирается на наблюдение, так как в таких случаях часто упускается из виду, что разумная теория должна основываться на общих, а не на частных фактах.

Быть может, мало найдется вопросов, над разрешением которых так много трудились, как над вопросом о средствах для улучшения участи бедных, и наверное не найдется ни/одного, решение которого было бы столь же неудачно. Разногласие между теоретиками, именующими себя практиками, и истинными теоретиками заключается в следующих вопросах: для успешного разрешения нашей задачи должно ли ограничиться мелочным надзором за рабочими домами, наблюдением за приходскими властями, строгим взысканием за их нерадение, увеличением числа

раздаваемых порций похлебки и картофеля? Или следует обратиться к общим принципам, которые указали бы нам причины, почему все наши попытки до сих пор оказывались безуспешными, и убедили бы нас, что вся принятая нами система в самом своем основании ложна. Нет другого вопроса, к которому бы также редко прилагались общие принципы, а между тем сомнительно, чтобы нашелся другой, в котором было бы опаснее упустить их из виду.

Мое мнение основывается на том, что нередко частное и непосредственное следствие какой-нибудь благотворительной меры находится в противоречии с общим и постоянным ее действием.

В нескольких отдельных округах сельские работники владеют небольшими участками земли и имеют обыкновение держать коров; замечено было, что во время последних неурожаев некоторые из этих работников обошлись без приходских вспомоществований, а другие получили их в меньшем размере, чем это нужно было ожидать. Согласно установившемуся обыкновению рассматривать такие вопросы с узкой точки зрения, из этого частного факта выведено было общее заключение, что, если поставить всех работников в такие же условия, они будут также благоденствовать и обойдутся без помощи со стороны своих приходов. Но такое заключение неправильно. Выгода, которую доставляют теперь нескольким работникам содержание коров, зависит главным образом именно от того, что этот обычай установился лишь в некоторых округах, а как только он распространился бы повсюду, так тотчас же исчезла бы обусловленная им выгода.

Положим, что фермер или землевладелец имеет на своем участке несколько домов для рабочих. Если это человек добрый, любящий видеть вокруг себя счастливых людей, он отведет для каждого дома клочок земли, достаточный для содержания одной или двух коров, и станет платить своим работникам высокую заработную плату. Вследствие этого его работники будут жить в довольстве и получать возможность воспитывать многочисленные семейства. Но может случиться, что участок этого землевладельца не требует столь значительного количества работников. Если бы этот великодушный человек даже находил удовольствие в том, чтобы щедро вознаграждать своих работников, тем не менее он, вероятно, остерегся бы содержать большее число их, против того, сколько ему необходимо. Поэтому он не построил бы домов для нового поколения рабочих, которые вынуждены были бы оставить ферму и поселиться в другом месте. Пока это будет касаться лишь нескольких семейств, они легко найдут себе работу на стороне, а оставшиеся на ферме работники будут находиться в таком завидном положении, в котором каждый желал бы видеть все население страны. Но слишком очевидно, что положение это не могло бы сохранить своих выгодных сторон, если бы оно стало всеобщим, ибо в таком случае выселившиеся дети этих благоденствующих работников нигде не нашли бы себе приюта. Население, очевидно, возросло бы свыше того количества, которое требуется городами и фабриками, а заработная плата всюду понизилась бы. Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, содействующее благосостоянию тех работников, которые теперь содержат коров; это – выгоды, приобретаемые ими продажей остающегося от

собственного потребления молока. Ясно, что эти выгоды значительно сократятся, если у всех работников будут свои коровы.

Хотя во время последних неурожаев владельцы коров могли бороться с нуждой при меньшем пособии со стороны своих соседей, так как их средства пропитания не зависели от урожая хлеба, но нет основания думать, что при всеобщем распространении подобной системы неурожай кормовых средств для скота или эпизоотия [ссылка 26](#) не привели бы их в такое же бедственное положение, какое испытали их соседи от неурожая хлеба. Это показывает, с какой осторожностью необходимо относиться к подобного рода внешним условиям и как нужно избегать в подобных вопросах общих заключений из частных наблюдений.

Существует общество, имеющее целью вспомоществование бедным и улучшение их положения. Принятый в основание его деятельности принцип, несомненно, превосходен. Пробуждать стремление к улучшению своего положения (стремление, которое является главным стимулом промышленности) – это бесспорно вернейший путь для улучшения участи низших классов населения. Нельзя не согласиться с Бернардом, доказывающим, что все, что создает и укрепляет среди бедных привычку к трудолюбию, благоразумию, предусмотрительности, добродетели, чистоплотности, полезно как для них самих, так и для всей страны, и, наоборот, все, что ослабляет эти склонности, одинаково вредно как для общества, так и для частного лица.

Бернард вообще, кажется, вполне сознает затруднения, которые общество призвано победить, и, однако же, он, по-видимому, не мог остеречься от общей опасности и сделал общий вывод из частных и недостаточных наблюдений. Я не буду останавливаться на рассмотрении различных проектов, в которых предложены были продажа по дешевым ценам съестных припасов, устройство приходских магазинов, учреждение мастерских. Успех подобных предприятий обуславливается тем, что они являются частными явлениями, круг действий которых ограничивается несколькими семьями или несколькими приходами. Но как только эти предприятия получили бы всеобщее распространение, так тотчас же доставляемые ими выгоды исчезли бы, так как они вызвали бы понижение заработной платы. Я ограничусь одним только замечанием, имеющим более широкое значение. На основании опыта утверждают, что наиболее верное средство улучшить положение бедных – это доставить им помощь на дому и взять от родителей детей, чтобы как можно ранее отдать их в обучение или вообще доставить им какое-нибудь подходящее занятие. Я думаю, что это, действительно, лучшая мера и вернейшее средство оказать помощь, надлежащую и согласную с требованиями обстоятельств. Но нетрудно заметить, что эта мера требует особенного

ссылка 26

в настоящее время, если бедный поселянин потеряет корову, ему стараются помочь путем подписки в его пользу, а так как потеря для него весьма чувствительна, то подписка, обыкновенно, сопровождается успехом. Но если обладание коровой станет повсеместным явлением, то такого рода потери будут происходить столь часто, что их уже нельзя будет вознаградить через подписку и многие достаточные семейства будут впадать в бедность. Прим. автора.

благоразумия, которое не может быть общим правилом и не может служить основанием всякой деятельности. Кроме того, она вызывает то же возражение, какое мы сделали по поводу системы снабжения коровами и постановления 43-го года царствования Елизаветы, предписывающего приходам доставлять занятие детям бедных и заботиться об их нуждах. Отдельный приход, в котором все дети будут взяты от родителей и устроены подходящим для их возраста образом, воспользуется благосостоянием; но если бы подобная мера стала всеобщей и все бедные получили бы право рассчитывать на нее, то вскоре все роды деятельности были бы заняты детьми и осаждались бы вновь пришедшими. Нет надобности указывать неизбежные последствия такого порядка вещей.

Очевидно, что при содействии денег и великодушных усилий со стороны богатых можно достигнуть существенного улучшения положения всех семей прихода, даже отдельного округа. Но стоит вдуматься, чтобы убедиться, что средство это окажется бессильным, когда мы захотим приложить его ко всей стране, если при этом не будет учреждено правильное выселение избытка населения или если не рассчитывать встретить среди бедных особую добродетель, которая обыкновенно уничтожается именно такими пособиями. О технической предприимчивости и ловкости можно сказать почти то же, что и о деньгах. Человек, обладающий этими качествами в большей степени, чем окружающие его люди, обеспечен в средствах существования; но если бы все развили эти качества в такой же степени, как он, то его преимущество утратилось бы, и он уже не был бы предохранен от нужды. Юм впадает в крупную ошибку, утверждая, что «почти все физические и нравственные бедствия человеческой жизни порождаются ленью» и что для облегчения этих бедствий было бы достаточно, если бы все люди были одарены той степенью технического мастерства, которая приобретена некоторыми из них путем упражнения и размышления. [ссылка 27](#) Такая высокая степень мастерства и предприимчивости, если бы она была уделом всего человеческого рода, но не была бы соединена с другой добродетелью, о которой Юм и не упоминает, не могла бы освободить общество от гнетущей его бедности и тягостного чувства нужды. В числе всех физических и нравственных бедствий едва ли отыскалось бы хоть одно, которое могло бы быть отстранено тем новым даром, который Юм желал бы присвоить людям.

Я понимаю, что против моих рассуждений можно привести возражение, подкупающее своей кажущейся справедливостью. Мне могут сказать, что подобные рассуждения являются нападком вообще на все виды благотворительности, ибо, по самой сущности вещей, нельзя оказать частного вспомоществования нескольким неимущим, не изменяя в то же время их относительного положения в обществе, т.е. не унижая настолько же других. Мне могут сказать, далее, что наибольшую бедность совершенно естественно можно встретить среди людей, обремененных семейством; а так как мы должны помогать не богатым, а находящимся в нужде людям, то, желая исполнить обязанности милосердия, мы естественно будем

ссылка 27

Dialogues on natural religion. XI. P. 212.

помогать людям, обремененным семействами, и тем самым станем поощрять браки и размножение населения.

Я уже имел случай заметить и вынужден вновь повторить, что в такого рода вопросах общие принципы не должны вести за пределы, указываемые благоразумием, хотя эти пределы никогда не следует упускать из виду. Нередко может случиться, что польза, проистекающая от достигнутого нами облегчения положения бедного, превышает то зло, которое может быть вызвано впоследствии нашим поступком. Сюда, очевидно, относится и тот случай, когда бедствия, испытываемые человеком, которому мы оказываем помощь, произошли не вследствие его лености или непредусмотрительности. Вообще существует один только вид благотворительности, относительно которого необходимо сказать, что он до такой степени нарушает общие принципы, что вызываемые им последствия приносят еще больший вред, чем частное зло, устранение которого имелось в виду. Такую искаженную благотворительность, несомненно, представляют вспомоществования, выдаваемые систематически и в определенных размерах, на которые всякий бедный, каково бы ни было его поведение, имеет право рассчитывать.

Я уже имел случай упоминать, что помимо благотворного влияния неожиданного, благоразумного вспомоществования, можно принести значительную помощь введением системы общего образования; я особенно настаиваю на этой мысли и намерен постоянно подтверждать ее, ибо все, что будет сделано в этом направлении, принесет громадную пользу. Образование принадлежит к числу тех благ, которыми может пользоваться каждый, не только не причиняя этим вреда другим, но, наоборот, доставляя им пользу. Я полагаю, что путем образования человек приобретает ту благородную гордость, тот здравый смысл и честный образ мыслей, которые способны удержать его от обременения общества семьей, если нет средств для ее прокормления; поведение такого человека служит примером для всех окружающих и содействует улучшению их положения, насколько это достижимо при посредстве индивидуального воздействия. Противоположное поведение, обусловливаемое дурным воспитанием и невежеством, оказывает обратное действие.

Возвращаясь к рассмотрению различных проектов, предложенных с целью улучшения участи бедных, я не могу представить себе, чтобы можно было этого достигнуть путем заведения для неимущих особых помещений или коттеджей. Во всяком случае желательно, чтобы эти помещения не превышали по своим размерам потребностей одной лишь семьи, а по числу – требующегося в данный момент количества работников. Одно из благодетельных и менее всего вредных препятствий к заключению ранних браков в Англии состоит в затруднениях приобрести себе коттедж, а также в похвальной привычке работников воздерживаться несколько лет от браков и ожидать, пока не освободится такой коттедж, вместо того, чтобы удовлетворяться грязной землянкой, как это делают ирландцы. [ссылка 28](#)

Против системы наделения бедных коровами в сущности нельзя было бы ничего возразить, если бы она применялась в ограниченных размерах. Но если ею желают заменить налог в пользу бедных, если хотят, чтобы каждый работник пользовался правом на получение такого количества земли и коров, которое соответствовало бы численности его семейства, или если намереваются при помощи этой системы отклонить население от потребления пшеницы и заставить его заменить этот продукт молоком и картофелем, то я нахожу, что эта система противоречит цели, для которой она предназначается. Если бы она имела в виду ограниченную цель – улучшить положение наиболее трудолюбивых и честных работников или удовлетворить такие неотложные требования неимущих, как снабжение детей молоком, то она могла бы оказать несомненную пользу и явиться могущественным средством для поощрения трудолюбия, бережливости и благоразумия. Но для достижения столь благотворной цели подобное вспомоществование должно применяться лишь к определенному числу бедных, избранных из различных приходов, причем самый выбор должен производиться соответственно доброму поведению, а не исключительно во внимание к бедственному положению или большому числу детей. Кроме того, желательно установить правило, по которому бережливый работник, сумевший приобрести корову на собственные средства, пользовался бы преимуществами перед тем, который получил ее безвозмездно от прихода.

Желание обладать участком земли представляется таким побуждением к трудолюбию и бережливости, что мы были бы неправы, если бы не воспользовались им, насколько это возможно. Но не следует при этом забывать, что полезное действие этого побуждения зависит главным образом от усилий, употребленных для приобретения и сохранения подобной собственности. При отсутствии усилий и самое действие уже не столь благотворно. Если бы всякий ленивый, обремененный семьей человек был уверен, что по первому требованию получит корову и участок земли, то я уверен, что к подобной собственности относились бы с крайним пренебрежением.

Утверждают, что сельские работники, имеющие коров, более трудолюбивы и ведут более правильную жизнь, чем те, которые не имеют их. Это весьма вероятно и соответствует справедливым ожиданиям. Но делаемое из этого заключение, что наделение работников коровами является лучшим средством сделать их трудолюбивыми, далеко не обладает той же вероятностью. Большинство работников, владеющих в настоящее время коровами, приобрело их ценой своего трудолюбия. Справедливее поэтому сказать, что трудолюбие доставило им коров, чем утверждать обратное – что коровы развили в них стремление к трудолюбию.

себе местожительство. Таким образом, английские законы о бедных различными способами стараются ослабить свое собственное стремление к поощрению размножения населения. Приведенное обстоятельство служит наглядным примером. Несомненно, только такими стеснительными условиями можно объяснить продолжительное существование английского законодательства о бедных и меньшее, чем это можно было ожидать, количество причиняемых им бедствий.

Впрочем, делая это замечание, я вовсе не желаю отрицать того обстоятельства, что внезапное наделение земельной собственностью способно иногда пробудить наклонности к трудолюбию.

Благотворные результаты усвоенной некоторыми работниками привычки держать коров в действительности вызваны ограниченным распространением этой привычки. Даже в тех округах, где больше всего таких работников, число их все же незначительно сравнительно с общим населением каждого прихода. Чаще всего это – лучшие работники, имевшие возможность приобрести коров на собственные деньги. К тому же выгоды их положения скорее относительно, чем положительны. Поэтому замеченное среди них трудолюбие и некоторое довольство не даст еще оснований для поспешного вывода, что мы можем внушить такое же трудолюбие и довольство всему населению путем наделения его коровами. Ничто так не способствует распространению заблуждений, как привычка смешивать относительное с безусловным или принимать следствие за причину.

Быть может, мне возразят, что всякая мера, направленная к улучшению положения бедных сельских работников, всякая попытка поставить их в возможность держать коров не замедлит дать им средства для содержания большего числа детей и что, следовательно, эти меры окажут поощрение размножению населения или, иными словами, нарушат тот самый принцип, который мы старались установить.

Но если мне удалось разъяснить моим читателям главную цель этого сочинения, они без труда поймут, что, советуя не рожать большего числа детей, чем какое может быть прокормлено страной, я желаю достигнуть именно того, чтобы все рождающиеся дети были накормлены и воспитаны. По самой сущности вещей невозможно оказать бедным какое бы то ни было вспомоществование, не поставив их тем самым в возможность сохранить лучше своих детей в большее их число довести до зрелого возраста. Но это-то именно и желательнее всего, как для всего общества, так и для отдельных людей. Потеря ребенка вследствие нищеты неизбежно сопровождается глубокими страданиями родителей. Рассматривая же вопрос с точки зрения общественного интереса, необходимо признать, что всякий ребенок, умирающий ранее десятилетнего возраста, причиняет обществу потерю всего потребленного им продовольствия. Поэтому наша главная цель во всяком случае должна заключаться в уменьшении смертности во всех возрастах, а достижение подобной цели невозможно без увеличения населения путем доведения до зрелого возраста тех детей, которые прежде погибали, не достигнув его. С этой целью мы прежде всего должны глубоко запечатлеть в памяти нарождающегося поколения следующее правило: если оно желает воспользоваться теми же удобствами, которыми пользовались его родители, оно обязано отложить время своего вступления в брак до той поры, пока не приобретет возможность содержать семью. Если же нам не удастся достигнуть этого, то нужно сознаться, что всякие другие усилия наши в этом направлении будут напрасной потерей времени. Было бы противно законам природы, если бы происходило общее и непрерывное улучшение положения бедных, без того, чтобы

предупредительные препятствия для размножения населения не приобрели большей против прежнего силы. До тех пор, пока это препятствие не станет действовать с большей силой, все наши великодушные усилия в пользу бедных не будут в состоянии принести им ничего иного, кроме частного и временного облегчения. Уменьшение смертности в данную минуту будет искуплено возрастанием смертности в будущем; улучшение положения бедных в одном месте будет сопровождаться соответственным ухудшением в другом. Эта важная, но плохо усвоенная истина требует беспрестанного повторения.

Доктор Палей, говоря в своей «Нравственной Философии» о народонаселении и продовольствии, замечает, что самое благоприятное условие для размножения населения страны и в то же время для увеличения его благосостояния состоит в том, «чтобы бережливый и трудолюбивый народ посвящал свою деятельность на удовлетворение требований богатого и пристрастного к роскоши народа». [ссылка 29](#) Такое положение народа, нужно сознаться, не представляет ничего привлекательного. Если существует подобный порядок вещей, то только безусловная необходимость может принудить переносить его. Десять миллионов людей, обреченных на безустанный труд и лишение всего, что переходит предел крайней необходимости, ради доставления миллиону других людей всех излишеств роскоши – какая поистине печальная картина совершенствования, которого может достигнуть человеческое общество! К счастью, такая будущность ему не предназначена. Нет никакой необходимости в том, чтобы богатые предавались чрезмерной роскоши для поддержания фабрик и чтобы бедные лишали себя всяких удобств для поддержания населения. Наиболее полезные во всех отношениях фабрики – это те, которые служат для удовлетворения потребностей всей массы населения. Наоборот, те, которые удовлетворяют потребности богатых, не только имеют меньшее значение вследствие ограниченного спроса их изделий, но представляют еще то неудобство, что часто обуславливают большие бедствия благодаря изменчивости моды, которой они управляются. Умеренная роскошь, равномерно распространенная между всеми классами общества, а не чрезмерная роскошь небольшой группы людей, необходима для счастья и благоденствия народа. То, что доктор Палей принимает за настоящее зло, порождаемое роскошью, за действительную опасность, которой она грозит, то именно я считаю доставляемым роскошью благом и особенными, связанными с ней выгодами. Если согласиться, что во всяком обществе, не находящемся в положении новой колонии, население неизбежно должно сдерживаться каким-нибудь могущественным препятствием; если, с другой стороны, наблюдение нам показало,

ссылка 29

Некоторые места «Естественной Теологии», изданной позднее тем же автором, указывают на то, что последующие размышления, по-видимому, побудили его изменить свои первоначальные воззрения. В этом сочинении он весьма основательно замечает, что человеческий род всюду размножается до той поры, пока не дойдет до известной степени нужды. Но, приняв такое положение, необходимо заключить, что наибольшим счастьем пользуется та страна, в которой менее всего чувствуется эта нужда. Таким образом, если роскошь, распространяясь и ускоряя действие препятствия, вызывает некоторое уменьшение нужды, то она с этой точки зрения оказывается полезной. Прим. автора.

что стремление к довольству и жизненным удобствам удерживает многих людей от брака из опасения лишиться этих удобств, то необходимо признать, что повсеместное распространение такого стремления к жизненным удобствам является менее всего предосудительным для счастья и добродетели препятствием к заключению браков. Поэтому всеобщее распространение умеренной роскоши весьма желательно как лучшее средство для ограничения бедствий и нищеты, о которых упоминалось ранее.

Вообще замечено, что среднее положение в обществе наиболее благоприятно для развития добродетели, промышленности и всякого рода дарований. Но, очевидно, все люди не могут принадлежать к среднему классу. Высшие и низшие классы неизбежны и притом весьма полезны. Если бы в обществе не было надежды на повышение и опасения понизиться, если бы за трудолюбием не следовало вознаграждение, а за ленью – наказание, то не было бы той деятельности и усердия, которые побуждают каждого человека к улучшению своего положения и которые являются главным двигателем общественного благополучия. Но, рассматривая положение европейских государств, мы найдем в них значительное различие в относительной численности высших, средних и низших классов общества; а если судить по последствиям, вытекающим из этого различия, то мы увидим, что благосостояние их усиливается по мере увеличения численности среднего класса. Если бы низшие классы населения приобрели привычку соразмерять количество труда, предлагаемого ими в то время, когда заработная плата остается неподвижной или даже понижается, не вызывая, как теперь, увеличения нищеты и смертности, то можно было бы надеяться, что в будущем технические усовершенствования, послужившие к сбережению труда и уже сделавшие такие быстрые успехи, могли бы удовлетворить потребностям самого благоденствующего общества, и притом при меньших усилиях личного труда, чем какие необходимы в настоящее время для достижения той же цели; и если работник не будет и тогда вполне освобожден от тяжелого труда, на который он обречен теперь, то, по крайней мере, число людей, обремененных таким трудом, будет меньше. При таком замещении низших классов средними всякий работник имел бы право надеяться на улучшение своего положения собственными силами и прилежанием. Трудолюбие и добродетель чаще получали бы вознаграждение. В громадной общественной лотерее оказалось бы больше выигрышей и меньше пустых билетов. Словом, общая сумма счастья, очевидно, возросла бы.

Однако же для того, чтобы надежды эти не оказались напрасными, чтобы бедствия, обыкновенно сопровождающие неподвижный или уменьшающийся спрос на труд, не разбились наших ожиданий, необходимо, чтобы бедный обладал благоразумием, которое удерживало бы его от вступления в брак до той поры, пока заработная плата вместе с его сбережениями не даст ему возможности содержать жену и шестерых детей, не прибегая для этого к вспомоществованиям. Такое благоразумие оказалось бы во всех отношениях благотворным и самым поразительным образом улучшило бы положение низших классов народа.

Мне могут возразить, что все это благоразумие может

оказаться бесполезным, так как вступающий в брак не может предвидеть, сколько у него будет детей и не будет ли их больше шести. Это справедливо и в таком случае, я полагаю, не было бы никакого неудобства в том, чтобы выдавать пособие на каждого ребенка сверх этого числа, но не в виде вознаграждения за многочисленное семейство, а для облегчения бремени, которое он не мог предвидеть при своем вступлении в брак. Следовательно, и размер пособия должен быть таков, чтобы поставить его в одинаковое положение с тем, который имеет шесть человек детей. По поводу указа Людовика XIV, предоставлявшего некоторые преимущества тем, у кого будет десять или двенадцать детей, Монтескье замечает, что подобные постановления бессильны поощрить возрастание населения, Та самая причина, которая заставляет его порицать закон Людовика XIV, побуждает меня утверждать, что его можно было бы принять без всякой опасности. Вероятно, этот закон помог нескольким лицам, заслуживающим поддержки, но и в то же время, несомненно, что он никоим образом не мог поощрить браки.

Если в отдаленном будущем бедные приобретут привычку благоразумно относиться к вопросу о браке, что оказывается единственным средством для общего и непрерывного улучшения их участи, я не думаю, чтобы даже самый ограниченный политик нашел повод бить тревогу о том, что, благодаря высокой заработной плате, наши соперники будут производить товары дешевле нас и могут вытеснить нас с зарубежных рынков. Четыре обстоятельства предупредили бы или уравнили бы такое последствие: 1) более низкая и равномерная цена продовольствия, спрос на которое реже превышал бы предложение; 2) уничтожение налога в пользу бедных освободило бы земледелие от бремени, а заработную плату от бесполезной прибавки; 3) общество сберегло бы громадные суммы, бесполезно расходуемые на детей, умирающих преждевременно смертью от нищеты, и 4) всеобщее распространение привычки к труду и бережливости, в особенности между холостыми людьми, предупредило бы леность, пьянство и расточительность, которые в настоящее время нередко являются последствием высокой заработной платы.

XIV

О надеждах, которые мы можем питать относительно улучшения

общественного устройства

Желая бросить последний общий взгляд на будущее и определить наши надежды относительно уменьшения страданий, порождаемых законом народонаселения, нам прежде всего предстоит остановиться на следующем соображении: хотя размножение населения в геометрической прогрессии представляет неоспоримый закон, хотя период удвоения, обуславливаемый таким размножением, в случае, если ничто не препятствует ему, принять в этом сочинении весьма умеренный, необходимо признать, что возрастание населения задерживалось успехами цивилизации. Число

городов и фабрик возрастает, а на изменение условий существования в них трудно рассчитывать. Конечно, мы обязаны стараться, насколько это от нас зависит, чтобы они не сокращали продолжительности жизни, но вряд ли мы будем в состоянии достигнуть когда-нибудь того, чтобы пребывание в городах и работа на фабриках были так же здоровы, как жизнь в деревнях и сельские занятия. Действуя, как силы разрушительные, города и фабрики тем самым уменьшают необходимость препятствий, предупреждающих размножение населения. Во всех старых государствах значительное число возмужалых лиц проводит несколько лет вне брачной жизни. Обязанность подчиняться в течение этого времени общественным законам нравственности никогда не оспаривалась, хотя на практике она нередко нарушалась. В этом сочинении мне почти не представлялось случая настаивать на этой именно части той обязанности, которую я назвал нравственным обузданием и на которую старался обратить внимание. В этом отношении основания этой обязанности те же, какие были раньше, – я ничего не прибавил к ней и ничем ее не ослабил. Зная, как мало она обращала до сих пор на себя внимание, я заслуживал бы название мечтателя, если бы надеялся в этом отношении на какое-нибудь значительное улучшение.

Часть обязанностей, налагаемых нравственным обузданием, которая составляла главный предмет наших предыдущих рассуждений, не имеет отношения к нашему поведению во время внебрачной жизни; мы говорили лишь о продолжительности внебрачной жизни и настаивали на том, что последняя должна быть каждым продлена до той поры, пока не явится полная возможность содержать семью. Нимало не увлекаясь, мы вправе высказать надежду на некоторое улучшение в этом отношении человеческого общества, ибо опыт показывает, что благоразумие, предписываемое под именем нравственного обуздания, более или менее соблюдалось в различных странах, изменяясь сообразно времени и обстоятельствам.

В Европе и в особенности в северных ее государствах в этом отношении, несомненно, произошла заметная перемена с тех пор, как в них прекратились выселения, воинственные наклонности и дух предприимчивости, которым они были охвачены. Постепенное ослабление, можно сказать даже совершенное прекращение чумы, так часто посещавшей Европу в продолжение семнадцатого и в начале восемнадцатого века, произвело такую же перемену. В Англии отношение браков к количеству населения несомненно уменьшилось с тех пор, как улучшились города, эпидемии стали менее часты, и привычка к чистоплотности сделалась всеобщей. Во время последних неурожаев, испытанных этой страной в 1800 и 1801 гг., заключено было наименьшее число браков. Те же причины, которые удерживали в эти годы многих людей от вступления в брак, могут оказать такое же действие в будущем, если благодаря оспопрививанию число детей, достигающих зрелого возраста, увеличится настолько, что вполне удовлетворит требования производства, понизит заработную плату и затруднит содержание семьи.

Говоря вообще, поведение людей в вопросе о браке всегда

было лучше их теории. Несмотря на то, что много говорилось в пользу мнимой обязанности жениться и что на обычай вступать в брак в раннем возрасте часто указывали как на средство для предупреждения порока и по этой причине считали этот обычай полезным – каждый человек тем не менее признавал для себя необходимым, прежде чем решиться на этот важный шаг, подумать о том, будет ли он иметь достаточно средств для прокормления своего будущего семейства.

Жизненная сила (*vis medicatrix reipublica*), одушевляющая и поддерживающая здоровье всего государственного организма, или, другими словами, стремление улучшить свою судьбу и опасение ухудшить ее, не переставали направлять людей по верному пути, указываемому природой, вопреки пустым разглагольствованиям тех, которые пытались сбить людей с этого верного пути. Могущественное начало политической силы и здоровья, которое представляет собой ничто иное, как бессознательное предчувствие законов природы и последствий их нарушения, имело во всей Европе большое влияние на усиление побуждений, противопоставляемых благоразумием браку. Нет разумных оснований не верить тому, что это влияние будет возрастать и распространяться, а если при этом оно не усилит пороков, нарушающих целомудрие, то в результате получится возрастание всеобщего счастья. Что же касается опасений, чтобы эти пороки не усилились, то в этом отношении мы можем утешать себя мыслью, что европейские страны, в которых браки наименее часты, в то же самое время не отличаются большей порочностью. Норвегия, Швейцария, Англия и Шотландия, насколько мне известно, принадлежат к числу стран, в которых предупредительные препятствия действуют с особенной силой. Не настаивая на особенно добродетельных правах этих стран, я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь стал приводить их в пример исключительной порочности. На основании моих немногочисленных сведений о континенте я скорее готов признать эти страны примером противного и предположить, что женщины в них обладают большим самоуважением, а потому мужчины менее порочны. Опыт доказывает, что физические и нравственные причины сглаживают пагубное действие, которое мы естественно готовы ожидать от препятствий, противопоставляемых благоразумием браку. Но, допуская даже существование такого пагубного действия, как это, вероятно, и есть в действительности, мы все-таки готовы повторить, что уменьшение пороков, порождаемых нищетой, явится достаточным вознаграждением за зло, которое мы имели основание предвидеть. В этом случае выгоды, доставляемые наименьшей смертностью и наибольшим всеобщим довольством (которые явятся неизбежным следствием возрастающего действия предупредительных препятствий), будут чистым приобретением для счастья и добродетели.

Цель настоящего сочинения заключается не столько в предложении проектов улучшения, сколько в том, чтобы указать необходимость довольствоваться способом улучшения, предписываемым нам природой, и не противодействовать успехам, которые явятся следствием этого способа, если ничто не будет препятствовать его действию.

Без сомнения, было бы весьма полезно, чтобы все наши учреждения и наш образ действий относительно неимущих соответствовали урокам благоразумия, внушаемым каждому из нас обыкновенным ходом вещей. Поэтому если, с одной стороны, мы иногда принимаем на себя обязанность облегчать страдания, назначенные природой в виде наказаний за неблагоразумие, то для установления справедливого равновесия нам следовало бы, с другой стороны, усиливать вознаграждение, посылаемое ею тем, которые руководствуются в своих поступках благоразумием. Мы много сделали бы в этом отношении, если бы приступили к постепенному изменению учреждений, прямо поощряющих браки, и воздержались от распространения учений, находящихся в прямом противоречии с указаниями природы. Небольшая польза, которую мы можем принести, нередко пропадает напрасно вследствие наших честолюбивых желаний оказать большее благо и вследствие нашего пристрастия к какому-нибудь плану, который мы считаем необходимым для достижения хотя бы частного успеха. Я льщу себя надеждой, что в своих предложениях относительно практического применения заключающихся в этом сочинении рассуждений я избежал такой ошибки. Я должен напомнить, что, хотя я представил только старые факты, осветив их лишь с новой точки зрения, хотя я и высказал некоторые надежды на возможное улучшение, тем не менее я тщательно держался в стороне от вероятных улучшений и способов их достижения.

Уже много раз в Англии предлагалось постепенно отменить существующие законы о бедных вследствие вызываемых ими бедствий и боязни через меру обременить ими поземельных собственников. Мысль об учреждении всеобщего народного образования далеко не нова. Шотландия давно уже испытывает благодетельные последствия заботливого образования. Компетентные лица согласны в том, что образование представляет могущественное средство для предупреждения преступлений, ссылка 30 усовершенствования производительной промышленности, улучшения нравов и приучения людей к благоразумному и порядочному поведению. Вот единственная мера, которую я решился предложить, и я полагаю, что если бы она была принята в указанном мной виде, то принесла бы бедным большую пользу. Но если бы даже ничего подобного и не было сделано, то я все-таки не потерял бы надежды на некоторые частные улучшения, которые явились бы последствием одного только распространения здравых понятий по этому вопросу. Если защищаемые мной воззрения ошибочны, то я искренно желал бы, чтобы они были вполне отвергнуты; но если они справедливы – их значение так велико, они так близко затрагивают счастье всего человеческого рода, что невозможно, чтобы рано или поздно они не пробивались на свет и не получили всеобщего преобладания,

ссылка 30

Говард нашел меньше заключенных в тюрьмах Шотландии и Швейцарии, чем где-либо, и объясняет это явление лучшим образованием в этих странах. За все время многолетней службы покойного Фильдинга в качестве судьи Боуотрита пред ним приведено было всего шесть шотландцев. Он нередко говорил, что большую часть обвиненных в то же время составляли ирландцы. Прим. автора.

независимо от того, будут ли приложены усилия к их распространению.

Среди высших и средних классов влияние этих воззрений, я надеюсь, выразится в направлении по верному пути их неослабных усилий к улучшению участи неимущих и в указании того, что могут они сделать и что находится вне их власти. Те же воззрения убедят высшие и средние классы в том, что можно принести много добра путем распространения здравых понятий, прочного образования и привычек к порядочности, путем случайных, разборчивых вспомоществований, словом, путем всех тех благотворительных мер, которые благоприятствуют усилению предупредительных препятствий; но без этого последнего условия всякая надежда принести пользу окажется напрасной и все усилия к тому будут бесплодны. В старых и густонаселенных государствах физически невозможно оказать бедным такое вспомоществование, чтобы они могли вступать в брак, когда им вздумается, и содержать безбедно громадные семьи. Знакомство с этими истинами удержит богатых людей от разрушения благих результатов собственных усилий и от направления своей деятельности к безусловно недоступной цели; этим путем оно привлечет все их внимание к предметам, наиболее достойным их милосердия, и даст им возможность принести наибольшую пользу.

Среди бедных эти истины окажут еще более благотворное влияние. Главная и постоянная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; не во власти богатых доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них того и другого. Эти важные истины вытекают из закона народонаселения, который при ясном изложении доступен самому слабому пониманию. Поэтому, раз убедившись в них, низшие классы выказывали бы больше терпения в перенесении тягостного положения, в котором они могут оказаться. Нужда не вызывала бы в них такого негодования против правительства и богатых людей; они не выражали бы постоянной готовности к неповиновению и мятежу, а получая вспомоществование от общественного учреждения или частного лица, они чувствовали бы больше признательности и лучше ценили бы его.

Если эти истины со временем получают всеобщее распространение, что вовсе не представляется невероятным, низшие классы народа станут более миролюбивы и склонны к порядку; они не так легко будут готовы на возмущение в неурожайные годы; их труднее будет волновать возмутительными книжонками, ибо они будут понимать, как мало зависят от революции высота заработной платы и средства для содержания семьи. Простое знакомство с этими истинами, хотя бы они не изменили привычки бедных рано вступать в брак, может оказать благотворительные последствия также с политической точки зрения. Одним из них будет то, что высшие и средние классы получают возможность постепенно улучшать порядок управления, не боясь больше тех революционных насилий, опасение которых в настоящее время грозит лишить Европу даже той степени свободы, которая по опыту оказалась возможной и которая давно уже проявляет свое благотворное действие.

Оглядываясь на положение общества в предшествовавшие нам эпохи, я с уверенностью могу утверждать, что бедствия, причиняемые законом народонаселения, скорее уменьшаются, чем увеличиваются, хотя причина этих бедствий и не была всем известна. Следовательно, если мы предаемся надежде, что причина эта разъяснится, то мы вправе ожидать, что и порождаемые ею бедствия станут все более и более уменьшаться. Возрастание населения, которое будет вызвано улучшением общественных условий, не окажет угнетающего влияния на прогресс, ибо влияние это определяется отношением между численностью населения и средствами существования, а никак не абсолютным числом людей. Мы имели уже случай упоминать в первой части этого сочинения, что нередко менее всего населенные страны оказываются более всего обремененными своим населением и более всего страдают от влияния закона народонаселения. Весьма вероятно, что в продолжение последнего столетия Европа испытала менее голодных годов и болезней, вызываемых нуждой и нищетой, чем в предшествующие века. Вообще, если относительно бедствий, производимых законом народонаселения, будущее и не представляется нам столь блестящим, как мы того желали бы, все же оно не настолько печально и безотраднo, чтобы нам не оставалось уже никакой надежды на медленные и постепенные улучшения; такая надежда нам казалась благоразумной до последнего времени, когда неосновательные преувеличения стали представлять нам будущее в ином свете. Благодаря законам, установившим право собственности и управляющим всем, что имеет отношение к браку, а также чувству эгоизма, с виду столь узкому, проявляются стремления людей к улучшению своего положения и все те благородные успехи человеческой мысли, которые отличают цивилизованную жизнь от дикого состояния. Точное исследование закона народонаселения убеждает нас в том, что мы никогда не минуем тех ступеней, которые привели нас к столь высокому положению; но то же исследование не доказывает, чтобы при помощи тех же средств мы не могли подняться еще выше. Весьма вероятно, что общие основания общественного здания останутся неизменными. Мы имеем основание полагать, что всегда будут существовать крупные собственники и рабочие; но положение каждого из этих классов и их взаимные отношения могут быть изменены таким образом, чтобы увеличить гармонию и красоту целого. Без сомнения, было бы печально, если бы в то время как естественные науки ежедневно раздвигают свои границы, нравственная и политическая философия была обречена на неподвижность или сохранила только слабое влияние, неспособное бороться с препятствиями, порождаемыми единственным враждебным для человеческого счастья условием. Как бы ни были громадны препятствия, действия которых я не старался скрыть, все же я смею думать, что результат наших исследований не дает нам оснований безнадежно покинуть все попытки к улучшению. Частное благо, которого мы можем достигнуть, вполне заслуживает наших усилий и достаточно для того, чтобы воодушевить нас к наиболее полезному направлению нашей деятельности. Мы не должны, правда, обольщать себя надеждой, что прогресс счастья и

добродетели будет идти такими же быстрыми шагами, как естественные науки, успех которых постоянно возрастает, покрывая блеском нашу эпоху. Но мы смело можем надеяться, что эти науки прольют свой свет на другие области знаний и окажут содействие тем улучшениям, которые составляют предмет наших желаний, если только мы сами не будем препятствовать такому исходу.

КНИГА ПЯТАЯ XV

Учение, изложенное в этом сочинении, не противоречит законам природы; оно имеет в виду вызвать здоровое и крепкое население и размножение, не влекущее за собой порока и нищеты

В предисловии ко второму изданию этого сочинения я выразил надежду, что изложенные мной подробности вызовут возражения, которые будут способствовать полезному разъяснению предмета. Но, несмотря на то, что мой труд обратил на себя общественное внимание, печатно на него мало возражали, а сделанные нападки представляются не столько опровержениями, сколько бесплодным красноречием и бранью, не заслуживающих никакого ответа. Поэтому мне приходится указать здесь на возражения, которые были сделаны мне в частных беседах. Я пользуюсь этим случаем, чтобы указать некоторым лицам их ошибочное понимание сущности моих мнений, и прошу людей, не имеющих времени прочитать все сочинение, просмотреть по крайней мере это короткое его изложение, а не судить обо мне лишь на основании того, что приписывают мне другие.

Первое важное возражение, сделанное против моего учения, заключается в том, что учение это противоречит первоначальному велению Творца – плодиться, размножаться и населять землю. Те, которые делают мне такое возражение, не читали моего сочинения, или обратили внимание лишь на отдельные его места, не уловив самой сущности. Я вполне убежден, что человек обязан повиноваться этому велению Творца, и не думаю, чтобы в моем сочинении нашелся хотя бы один период, из которого можно было бы вывести противоположное заключение, если прочитать его внимательно и в связи с прочим.

Все положительные заповеди Творца подчинены естественным законам созданной Им природы. Религия и здравый смысл не дают нам повода надеяться на то, что эти законы могут быть изменены ради облегчения выполнения какой-нибудь отдельной заповеди. Если бы вследствие какого-нибудь чуда человек мог существовать без пищи, не подлежит сомнению, что земля очень скоро была бы заселена. Но так как мы не имеем никакого основания рассчитывать на такое чудо, то в качестве разумных существ, обязанных повиноваться велениям Творца, мы должны исследовать законы, установленные Им относительно размножения человеческого рода. Рассмотрение этих законов и свидетельство наших чувств убеждают нас в том, что человек не может существовать без пищи,

следовательно, если бы мы вздумали исполнять заповедь Творца, не имея средств для прокормления людей, то поступили бы подобно сеятелю, разбрасывающему семена по дорогам, межам и таким местам, на которых, по его мнению, они расти не могут. Кто лучше выполняет благие намерения Творца: тот ли, кто заботливо возделывает почву и сеет лишь то, что может созреть, или тот, кто расточительно разбрасывает зерна по невозделанной земле?

Нужно совершенно не понимать моего учения для того, чтобы считать меня врагом размножения населения. Враги, с которыми я борюсь, – это порок и нищета. Для того, чтобы ослабить действие этих грозных противников, я предлагаю установить между населением и средствами существования такое отношение, которое не вызывало бы борьбы между ними. К тому же, это отношение не зависит от абсолютной численности населения и даже вообще более неблагоприятно в мало населенных странах. Следующее сравнение может пролить свет на этот вопрос. Допустим, что мы посоветовали арендатору лугов развести скот, так как это даст ему возможность увеличить свой доход; всякий согласится, что мы дали ему хороший совет. Но если фермер, следуя нашему совету, увеличит количество своего скота до такой степени, что ему нечем будет кормить его, вследствие чего скот отощает, то фермер, разумеется, поступит неправильно и должен будет винить самого себя. Советуя ему развести скот, мы, очевидно, говорили о сытых и здоровых животных, а не о большом числе больных животных, на которых не найдется покупателя. В нашем совете не было указания на определенное число; снабдить ферму скотом, значит завести такое его количество, которое соответствует размеру данной фермы и плодородию ее почвы, т.е. двум ограниченными величинам. Фермер вправе желать, чтобы абсолютное количество его скота возрастало, и к этому должны быть направлены его усилия. Но нельзя назвать противником размножения скота того человека, который станет доказывать фермерам, что их усилия будут напрасны и даже убыточны, если они начнут увеличивать количество своего скота, прежде чем приведут свои земли в такое состояние, чтобы они могли прокормить его.

Мои рассуждения совершенно тождественны. Я верю, что цель Творца заключается в том, чтобы земля была населена; но я думаю, что Он желает, чтобы она заселилась породой здоровой, добродетельной и счастливой, а не больной, порочной и несчастной. Если под предлогом повиновения велению плодиться и размножаться мы населим землю последней породой и таким образом добровольно подвергнемся всевозможным бедствиям, то лишимся права обвинять в несправедливости божественную заповедь и должны будем объяснять свои страдания безрассудным исполнением священного закона.

В оценке важного значения многочисленного и сильного населения я ничем не отличаюсь от самых горячих его защитников. Я готов признать вместе с древними писателями, что могущество государства должно измеряться не размером его территории, а численностью населения. Я расхожусь с этими писателями лишь в вопросе о том, как получить многочисленное, и притом сильное и здоровое население. Поддерживаемое мной в этом отношении

мнение, отличающее меня от этих писателей, мне кажется, вполне подтверждается свидетельством опыта, который представляет лучшее испытание всякой теории.

Действительно, относительное число браков и рождений в какой-либо стране может быть велико, не вызывая этим быстрого возрастания населения; наоборот, нередко случается даже, что население в ней неподвижно или возрастает с крайней медленностью. В стране, где это происходит, население слабо не только вследствие нищеты, но и потому еще, что относительное число взрослых людей меньше в ней, чем в стране с быстро возрастающим населением.

Во многих местах этого сочинения я указывал на выгодное положение страны, получающей необходимое население путем возможно меньшего числа рождений. Моя главная цель заключается в уменьшении смертности для всех возрастов. Я настаиваю на том, что для составления понятия о счастье народа и совершенстве его правительства необходимо обращать внимание на число умирающих до достижения зрелого возраста, а не на относительное число рождающихся, как это обыкновенно делается.

Уверенный в том, что я ни разу не отступил от этих принципов, я не без удивления узнал, что меня признают противником оспопрививания, производящего именно то действие, которое я постоянно имел в виду. Правда, я утверждал, и продолжаю этому верить теперь, что если средства существования страны не допускают быстрого возрастания населения (а это не находится в зависимости от оспопрививания) *ссылка 31*, то неизбежно должно произойти одно из двух: или увеличение смертности от какой-либо иной причины, или уменьшение относительного числа рождений. Но я в то же время выразил желание, чтобы произошло последнее; поэтому на основании принципов, которые я всегда провозглашал, меня нужно признавать, как это и есть в действительности, ревностнейшим сторонником оспопрививания. Делая все, что от меня зависит, для улучшения благосостояния неимущих и уменьшения среди них смертности, я поступаю совершенно согласно со своими принципами. Тем, которые полагают, что преследуют ту же цель и в то же время признают число рождений и браков мерилom народного благосостояния – этим людям следовало бы также подумать, не находятся ли они в противоречии с самими собой.

Некоторые лица утверждают, что естественные препятствия к размножению населения совершенно достаточны для того, чтобы всегда сдерживать его в необходимых границах, а потому нет надобности в установлении еще иных препятствий. Один остроумный писатель утверждает даже, что я не представил ни одного факта, ни одного доказательства в подтверждение недостаточности тех препятствий, которые действуют в настоящее

ссылка 31

Следует, впрочем, заметить, что человек, предохраненный от смерти оспопрививанием, вероятно, начнет ранее производить новые средства существования, чем новорожденный. Смерть ребенка представляется важной потерей труда и пищи. Вообще, несомненно, что всякий предмет тем дешевле, чем больше он распространен. Прим. автора.

время. [ссылка 32](#) Разумеется, я не могу ничего возразить против таких утверждений. Это такие же истины, как то, что нельзя существовать без пищи, ибо до тех пор, пока будет действовать этот закон природы, препятствия, именуемые естественными, не перестанут оказывать своего влияния. Лица, делающие мне указанное выше возражение, бесполезно повторяют очевидные истины. Они полагают, кроме того, что конечная цель моего сочинения заключается в том, чтобы остановить размножение населения, между тем как, по моему мнению, нет ничего желательнее быстрого его возрастания, если только это возрастание не влечет за собой пороков и бедствий. Таким образом, уменьшение пороков и бедствий является конечной целью моих стремлений, а указанные мной препятствия к размножению должны быть рассматриваемы как средства для достижения такой цели. В глазах рассудительного человека препятствие, находящееся в зависимости от благоразумия, не менее естественно, чем нищета или преждевременная смерть, которым мои противники, по-видимому, отдают предпочтение. Разумный читатель легко поймет и без дальнейших разъяснений, что можно противопоставить одно препятствие другому, не только не уменьшая населения, но даже вызывая непрерывное его возрастание. [ссылка 33](#)

Весьма вероятно, что я выразился с большей надеждой, чем это допускается опытом, относительно возможного возрастания населения. Я сказал, что в течение нескольких веков Англия может в два или три раза увеличить свое теперешнее население, и тем не менее оно будет пользоваться лучшей, чем в настоящее время, пищей и одеждой. А в начале этого сочинения, сравнивая степени возрастания населения и средств существования, я предположил ради предупреждения спора о фактах, что произведения земли могут возрасти безгранично, что, конечно, не согласно с действительностью. Не странно ли после этого делаемое мне возражение, что Англия способна удвоить и даже утроить свое население? Не страннее ли еще, что люди, соглашающиеся с различной степенью возрастания, на которой основаны все мои выводы, тем не менее утверждают, что возрастание населения не может повести к пагубным последствиям до тех пор, пока земля не откажется от дальнейшего произрастания? Я не знаю, можно ли найти пример более поразительного отсутствия здравого смысла. Это то же самое, как если бы фермер сказал: при хорошей обработке мой участок позволяет мне ежегодно прибавлять к моему стаду по четыре головы скота, а потому я не вижу ничего неудобного в том, чтобы прибавлять ежегодно по сорока голов.

Производительная способность земли, конечно, не беспредельна, но она, в точном смысле этого слова, неопределенна,

ссылка 32

Я хотел бы знать, какие именно факты имеет в виду этот писатель. Если бы я их создал, то они, действительно, казались бы новыми. Прим. автора.

ссылка 33

Норвегия и Швейцария, в которых предупредительные препятствия действуют с особенной силой, обладают быстро возрастающим населением, сравнительно же с их средствами существования обе страны могут выставить большее число людей в воинском возрасте, чем всякая другая европейская страна. Прим. автора.

т.е. не имеет известных нам и точных границ. Весьма вероятно, что никогда не наступит то время, когда труды технических изобретений станут совершенно бессильны увеличить произведения земли. Но возможность получить некоторый излишек пищи при посредстве разумно направленного труда совсем не то же самое, что возможность получить все то количество пищи, которое необходимо для прокормления постоянно и беспрепятственно возрастающего населения. Познания и технические усовершенствования, которые дали бы возможность населению Новой Голландии воспользоваться всеми средствами страны, если бы она была хорошо возделана, по природе своей могут быть приобретены лишь исподволь, медленным и постепенным путем. Но, предположив даже, что эти познания и усовершенствования приобретены, нельзя не согласиться, что они окажутся решительно недостаточными для прокормления безгранично размножающегося населения, как я это подробно разъяснил в этом сочинении. Между тем страсти, от которых зависит размножение населения, действуют с полной силой всюду, не исключая местностей, погруженных в глубокий мрак невежества и варварства. Нетрудно согласиться, что Новая Голландия населена не столь густо, как Китай, лишь потому, что ей недостает благодетельных учреждений, оберегающих собственность и поощряющих промышленность. Но порок и нищета одинаково царствуют в обеих странах, и это происходит вследствие слишком быстрого размножения населения, за которым не могут поспеть средства существования. Впрочем, я воздерживаюсь от повторения того, что уже было доказано мной с достаточной полнотой.

XVI

О праве бедных на прокормление

Второе важное возражение против моих принципов вызвано было тем обстоятельством, что я отрицаю право бедных содержаться на общественный счет.

Люди, делающие мне это возражение, должны доказать, что обе установленные мной прогрессии или различные степени возрастания населения и средств существования ошибочны, ибо если они справедливы, то вывод, на который они нападают, неоспорим. Если признать обе прогрессии правильными, то из них вытекает, что если каждый вступит в брак, когда ему вздумается, то человеческого труда не хватит для прокормления всех рождающихся. А из этого, в свою очередь, неминуемо вытекает, что право на прокормление не может принадлежать всем людям. Допустим на время, что в какой-либо стране поземельная собственность распределена поровну между всеми жителями. Если при этом условии одна половина населения, побуждаемая благоразумием, станет избегать в своей среде размножения, превышающего доставляемые землей средства существования, то она постоянно будет пользоваться тем же довольством, которым пользовалась при начале раздела. Если, наоборот, другая половина населения усвоит привычку вступать в брак тотчас по выходе из юношеского возраста, когда возникают и сильнее всего действуют

страсти, то, очевидно, что эта половина населения впадет в самую безысходную нищету. Спрашивается: на каком законном или справедливом основании может эта половина установить свое право рассчитывать на малейшую часть принадлежащей другой половине населения собственности, которая была приобретена благоразумным воздержанием? Испытываемая этими безрассудными людьми нужда есть следствие их собственного легкомыслия и невежества.

Самый путь, который привел их к нужде, показывает, что если признать их притязания и сложить с них часть заслуженных ими бедствий, то вскоре все общество будет вовлечено в такую же гибель. Добровольные и случайные вспомоществования со стороны богатых людей не мешают бедным пользоваться суровыми уроками природы, когда такая помощь дается с разбором. Что же касается права, то защищать его не представляется возможным до тех пор, пока не будет доказано, что размножение населения в Америке представляет сверхъестественное явление, не зависящее от легкости, с которой можно добыть в ней средства существования.

ссылка 34

В действительности, что бы ни было по этому вопросу выставлено бесплодным красноречием, наше поведение, в сущности, всегда доказывает, что этого воображаемого права вовсе не существует. Если бы бедные имели право содержаться за счет общества, ни один человек не мог бы без нарушения справедливости носить платье из хорошего сукна и удовлетворять свой голод мясом. Те, которые защищают это право и в то же время ездят в экипажах, живут в изобилии, даже кормят лошадей на земле, которая могла бы служить для прокормления людей, по моему мнению, находятся в противоречии с собственными принципами. Возьмем какой-нибудь пример, не заботясь о последствиях, которые могут отсюда проистечь, и мы увидим, что Годвин рассуждает с гораздо большей последовательностью. Не полезнее ли отдать кусок баранины, предназначенный для моего обеда, бедному рабочему, который в течение целой недели не ел мяса? Не лучше ли отдать его семье, не имеющей чем утолить свой голод? Если бы эти потребности по природе своей не возникали по мере их удовлетворения, то, без сомнения, было бы весьма полезно удовлетворить их, и я не колеблясь признал бы право тех, которые испытывают эти потребности. Но так как опыт и умозрение неотразимо доказывают, что признание права увеличило бы потребности до такой степени,

ссылка 34

Утверждают, что я написал большое сочинение лишь для того, чтобы доказать, что население размножается в геометрической прогрессии, а средства существования возрастают в арифметической. Это несправедливо. Первое из этих положений казалось мне несомненным, как только была доказана степень размножения в Америке, а второе совсем не требовало доказательств. Главная цель моего сочинения заключается в исследовании последствий, которые неизбежно должны проистекать и действительно проистекали среди человеческих обществ из этих, изложенных на первых страницах, законов. Это предмет, который нелегко исчерпать. Подробности, в которые я должен был вдаваться, имеют тот недостаток, что не отличаются частным характером. Но в этом отношении я не сумел сделать ничего лучшего. Конечно, с точки зрения философских воззрений, было бы весьма интересно узнать точное влияние каждого из препятствий, задерживающих размножение населения, но при современном состоянии наших познаний я не видел никакой возможности привести более точные указания. Прим. автора.

что не было бы возможности их удовлетворить, и так как попытка осуществить такой образ действий неизбежно повергла бы род человеческий в самую ужасающую нищету, то очевидно, что наше поведение, безмолвно отрицающее подобное право, более согласно с законами нашей природы, чем бесплодное красноречие, отстаивающее его существование.

Творец мира, по чрезвычайной своей мудрости, проявляющейся во всех Его творениях, не хотел, чтобы такой важный закон был подчинен холодным заключениям систематического и умозрительного мышления; поэтому Он вложил в нас страсть сильнейшую, чем простое благоволение. Любовь к себе самому властно и неотразимо предписывает каждому из нас образ действий, которого мы должны держаться и который один только способен обеспечить сохранение и благоденствие породы. Если бы существование всего рождающегося было всегда обеспечено, то всеблаготворитель Творец, несомненно, внушил бы нам такое же сильное стремление помогать ближним, с каким мы заботимся о собственном существовании. Но наше положение требует, чтобы мы заботились преимущественно об удовлетворении собственных нужд. Достоинно внимания, что стремление удовлетворить потребности других людей становится деятельнее по мере сужения той сферы, которой мы являемся средоточием, т.е. по мере того, как наша помощь может быть лучше приложена. Так, например, любовь родителей к детям почти граничит с их любовью к самим себе, за исключением немногих редких случаев последний кусок хлеба делится поровну между всеми членами семьи.

Этот благодетельный инстинкт побуждает самых невежественных людей трудиться для общей пользы, — обстоятельство, которое не могло бы иметь места, если бы главной побудительной причиной их поступков было благотворение. Чтобы оно могло быть сильной и постоянной побудительной причиной наших поступков и неизменной основой нашего поведения, для этого необходимо было бы, чтобы мы были вполне знакомы со всеми причинами и их следствиями, а такое знакомство свойственно лишь Божеству. Руководствуясь одним лишь чувством благотворения, такое ограниченное существо, как человек, неминуемо впало бы в ошибки и возмутило бы окружающий его порядок: изобилие уступило бы место нужде, а возделанные, плодородные земли — бесплодным пустыням.

Но если при современном положении вещей благотворение не может служить главной побудительной причиной наших поступков, оно тем не менее крайне необходимо для нашего благополучия как средство для смягчения бедствий, причиняемых более сильной страстью. Благотворительность служит утешением и очарованием жизни, источником самых возвышенных стремлений к добродетели и самым чистым приятнейшим наслаждением. В той системе общих законов, которой, по-видимому, следовал Творец, такая всеобщая и сильная страсть, как любовь к себе, должна была бы вызвать множество частных бедствий. Назначение чувства благоволения к людям заключается в том, чтобы воспрепятствовать этой страсти

выродиться в эгоизм [ссылка 35](#), в пробуждении в нас такого сочувствия к страданиям и удовольствиям наших ближних, при котором мы могли бы перечувствовать, хотя бы в слабейшей степени, эти страдания и удовольствия; в способности представить себя в положении других людей, понять их нужды и приложить старания к тому, чтобы удовлетворить эти нужды; наконец, в постоянном напоминании нам, что мы обязаны стремиться к избытку не только ради личной выгоды, но и для достижения общего благосостояния. При всяком общественном положении этой добродетели открыто широкое поприще. Чем выше общественное положение человека, чем более он усовершенствовал свои познания и добродетели, тем шире становится его способность творить добро и тем ограниченнее делаются его собственные потребности. На самых высоких ступенях, соединенных с наибольшим влиянием, это благородное чувство должно получить наибольшую силу, должно сделаться главным двигателем всех общественных учреждений. Хотя иногда приходится сомневаться в том, приняла ли благотворительность лучший путь для доставления обществу пользы, но никогда не может возникнуть опасения по поводу распространения этой добродетели. Самосохранение так глубоко вкоренено в нас, что не может быть ослаблено никакими учениями. Поэтому проповедь в пользу укрепления более слабого чувства должна быть признана полезной, в особенности если мы остережемся возможных в этом случае злоупотреблений.

Английский закон, устанавливающий право бедных на пропитание, конечно, не составляет еще полного признания естественного права. Это отличие в связи со многими другими причинами, зависящими от способа применения закона, отчасти предохранило общество от его вредных последствий. Тем не менее он представляет до известной степени признание этого права и с этой точки зрения он принесет вред, усвоив бедным известные привычки и вообще повлиять на их характер. На этом основании я предложил проект постепенной отмены налога в пользу бедных. Этот проект, как и следовало ожидать, не всеми был принят с одинаковой благосклонностью. Я понимаю сделанное мне возражение, что право бедных на прокормление было признаваемо долгое время, а потому отмена налога могла бы вызвать сильное неудовольствие. Поэтому я присоединяюсь к мнению, что необходима крайняя осторожность, дабы отстранить это неудобство и не возбуждать общественного мнения. Но я решительно не понимаю так часто приводимого замечания, что бедные станут более недовольны и мятежны, как только убедятся, что не имеют никакого права на пособие. Я могу составить себе понятие об их чувствах, лишь поставив себя мысленно на их место и вообразив, что сам я испытал бы при таких условиях. Если бы мне сказали, что по естественным законам, а также по законам, установленным в той

ссылка 35

Следует непременно отличать эгоизм от любви к самому себе, которая, проявляясь в должных границах, есть начало всякого честного труда, а следовательно, всех благ, доставляемых при посредстве труда, всех средств для удовлетворения нужды и для увеличения жизненных удобств. Перейдя эти границы, то же самое чувство становится бесполезным и вызывает лишь отвращение. С этой минуты оно делается порочным. Прим. автора.

стране, где я живу, богатые обязаны кормить меня, то, во-первых, я не почувствовал бы особенной благодарности за оказываемое мне благодеяние, а во-вторых, если бы меня без всякой, на мой взгляд, необходимости стали кормить худшей пищей, чем та, к которой я привык, то я считал бы себя вправе жаловаться. Так как нельзя предположить, что я согласился бы с тем, что ухудшение моего содержания вызывается необходимостью, то я, вероятно, подумал бы, что закон относительно меня нарушен, что со мной поступают несправедливо и что мое право попрано. Меня, разумеется, станут держать в повиновении и силой воспрепятствовать проявлению моей злобы и открытому сопротивлению; но я всегда оправдаю подобные поступки, если проявление их окажется возможным; причиненная же мне обида поставит меня в самые неприязненные отношения к высшим классам общества. И действительно, я не знаю ничего, что могло бы до такой степени раздражить сердце человека, как нужда, в которой он винит не себя самого, не естественные законы, а скупость и несправедливость людей, занимающих высокое общественное положение. Всякому известно, что законы о бедных и щедрая благотворительность не мешают Англии испытывать нередко самую тяжелую нужду.

Наоборот, если я глубоко убежден, что законы природы, или, иными словами, божеские законы, не дают мне никакого права на получение вспомоществования, то я буду всегда чувствовать необходимость вести умеренную и трудолюбивую жизнь. Но если, невзирая на мое благоразумие, меня постигнет нужда, я буду относиться к этому несчастью так, как обыкновенно относятся к болезни, т.е. как к следствию естественного порядка вещей, к испытанию, которое я обязан переносить с твердостью, если я не в силах был избежать его. Я буду сознавать, что лучшим оправданием перед милосердными и добрыми людьми послужит для меня то обстоятельство, что я не заслужил своей участи леностью или безрассудством. При этих условиях оказанные мне благодеяния внушат мне самые признательные чувства к высшим классам общества. И если даже полученные вспомоществования не доставят мне того довольства, к которому я привык, я не буду думать, что со мной поступили несправедливо, но, напротив, буду питать признательность к давшим это вспомоществование. Сознавая, что в этом отношении я не могу предъявить никакого права, я ничем не смогу оправдать сопротивления, разве только страхом голодной смерти, которая опрокидывает все препятствия и отрицает все принципы.

Если бы неимущие в Англии убедились вполне, что не имеют никакого права требовать от общества для себя пропитания, то в том случае, когда вследствие неурожая или чрезвычайной нужды им была бы оказана великодушная помощь (а я уверен, что это непременно случилось бы), это послужило бы к установлению более тесной, чем в настоящее время, связи между богатыми и бедными, и низшие классы общества, имея меньше действительных поводов к негодованию и неудовольствию, предавались бы реже вредным и тягостным волнениям.

Юнг, восставая против моего мнения о мнимом праве бедных на пропитание и содержание, называет мой проект отмены

законодательства о бедных ужасной мерой. Он противопоставляет этому проекту свой собственный, заключающийся в определении раз навсегда неизменной суммы, собираемой налогом в пользу бедных. Таким образом, при осуществлении предложенной им меры, если нужда бедных усилится в десять раз, вследствие ли их размножения или вследствие частых неурожаев, для облегчения их положения будет употреблена та же самая сумма, которая будет установлена в настоящее время, следовательно, к жестокости современного законодательства о бедных, оставляющего их на произвол голодной смерти, прибавится еще лицемерное признание обязанности их содержать. Достоинно внимания, что Юнг разоблачил такую же ошибку, сделанную во Франции. [ссылка 36](#)

Юнг признает, что его проект применим только к известному числу семейств и бессилён при их значительном размножении. Но такое заявление равносильно признанию, что проект не разрешает вопроса об улучшении положения бедных. Что же касается упрека в том, что я не признаю права бедных на пропитание, то Юнг впоследствии приходит к такому же заключению и сознаётся, «что благоразумие требовало бы смотреть на бедность, причиняемую возрастающим населением, как на бедствие, предупредить которое нет никакой физической возможности». Но ведь единственная причина, на основании которой я отрицаю право бедных на содержание, заключается именно в невозможности удовлетворить потребности возрастающего населения.

Хотя облегчение страданий ограниченного числа неимущих не составляет разрешения общего вопроса, тем не менее я ни разу в этом сочинении не упомянул, чтобы наша обязанность не состояла в облегчении этих страданий всеми зависящими от нас средствами. Но наша ограниченная возможность помочь нескольким людям никоим образом не может установить всеобщего права. Если бедным действительно принадлежит естественное право содержаться на общественный счёт и если современные законы лишь подтверждают это право, то оно должно, без всякого ограничения, простирается на всех нуждающихся. Таким образом, осуществление проекта Юнга было бы явной несправедливостью.

Я особенно настаиваю на безусловной справедливости следующего положения: в стране, средства которой не позволяют населению непрерывно возрастать быстрее, чем оно возрастает в настоящее время, нельзя достигнуть такого улучшения, как уменьшение смертности, не уменьшая в то же время числа

ссылка 36

Французское Национальное Собрание, отвергнув английские законы о бедных, в то же время признало принцип, послуживший им основанием, а именно – что бедные имеют право на денежное вспомоществование. Собрание признало главнейшей и священнейшей своей обязанностью учреждение необходимого фонда, для чего постановило откладывать ежегодно по 50 миллионов. На это Юнг весьма основательно замечает, что непонятно, почему расходование на этот предмет 50 миллионов может считаться священнейшей обязанностью и почему размер вспомоществования не определен в 100 миллионов, если это потребует необходимости, или в 200, 300 и больше миллионов, согласно тому, как налог возрастал в Англии. Я не указал бы на это противоречие, если бы видел, что Юнг обратился от заблуждения на путь истины; но так как он, наоборот, переменяет впоследствии истину на заблуждение, то, мне кажется, я вправе напомнить ему его прежние мнения. Человеку порочному уместно напомнить его прежнее добродетельное поведение, но бесполезно и даже не деликатно напоминать добродетельному человеку его прежнее заблуждение. Прим. автора.

рождений. Я говорю это в том предположении, что эмиграция из страны не увеличивается вследствие какого-нибудь особенного обстоятельства. [ссылка 37](#) Если это положение справедливо, то неизбежный вывод из него таков: так как проект Юнга имеет целью улучшить положение бедных, которые при этом получают возможность воспитывать больше, чем в настоящее время, детей, то, очевидно, свободные вспомоществования будут редки сравнительно с числом соискателей, а потому вступление в брак неминуемо должно будет отсрочиваться возможно дольше.

Говоря о брачном возрасте, я вовсе не имею в виду назначать определенные годы, ибо это вещь относительная. Во Франции вступают в брак раньше, чем в современной Англии, а в последней позже, чем это делалось до революции (1688 г .). Я уверен, что достигнутое увеличение продолжительности жизни произошло именно вследствие этих более поздних браков. Тем не менее я не считаю возможным определять нормальный возраст для вступления в брак. Единственное ясное, верное и общепонятное правило, на котором необходимо настаивать, состоит в том, чтобы человек, вступающий в брак, питал уверенность, что будет иметь возможность содержать семью. Если обладание коттеджем, по проекту Юнга, будет достаточным для этой цели, то работник хорошо поступит, если женится, как только получит такой коттедж. Но если он думает иначе, или если его заработок не позволяет ему содержать больше двух детей, каким образом Юнг решится посоветовать ему вступить в брак?

Юнг говорит, что необходимым условием успеха моего проекта является безусловное целомудрие холостых людей. Но он неправильно истолковывает мою мысль. Безусловная добродетель, конечно, необходима для устранения всех бедствий, как физических, так и нравственных. Но кто же может надеяться на водворение в этой жизни совершенной добродетели? Я утверждаю, что мы обязаны воздерживаться от брака до приобретения известного достатка и точно так же обязаны избегать порочных страстей. Но я ни разу не высказал надежды на то, что обе эти обязанности будут строго выполнены, а тем более что обе они будут выполнены одновременно. Здесь, как и во многих других случаях, может произойти, что нарушение одной обязанности облегчит соблюдение другой. Но если мы можем исполнить обе предписанные нам обязанности, не принося одну в жертву другой, то я не знаю, что может оправдать нас в случае их нарушения. Право это принадлежит одному Богу; в своей мудрости он взвесит искушение и грех и смягчит свой справедливый приговор бесконечным милосердием. Моралисту надлежит указать обе обязанности, но каждому человеку должна быть предоставлена свобода поступать сообразно действующим на него искушениям и внушениям собственной

ссылка 37

См. об эмиграции с. 49. Особенности обстоятельства, вызвавшие в горной Шотландии эмиграцию, не могут часто встречаться, да это и нежелательно. Но при отсутствии таких обстоятельств люди нелегко решаются покинуть родину; они скорее согласятся на перенесение множества страданий, чем рискнуть на переселение в отдаленные страны. Я думаю, что обязанность и выгода правительства состоит в облегчении эмиграции, но, разумеется, несправедливо было бы принуждать людей покидать страну, в которой они живут, и разрывать связи, соединяющие их с отечеством и близкими людьми. Прим. автора.

совести. Я постоянно имел в виду человека, каков он есть со всеми его слабостями. С этой точки зрения, а также считая несомненным, что размножение населения должно сдерживаться каким-либо противодействующим препятствием, я без колебаний утверждаю, что благоразумное воздержание от легкомысленных браков представляет препятствие к размножению, заслуживающее предпочтения перед преждевременной смертью.

Действительно, всякий раз, как нравственные мероприятия способствовали развитию в населении большей предусмотрительности, трудолюбия и самоуважения, отношение числа браков к населению постоянно уменьшалось, а это доказывает, что улучшение нравственности не находится в зависимости от увеличения искушений со стороны какого-либо определенного порока. Приведенные ранее примеры Норвегии, Швейцарии, Англии и Шотландии, в свою очередь, доказывают, что порок, о котором идет речь, отнюдь не более распространен там, где меньше относительное число браков и рождений ко всему населению. Этим правилом должен руководствоваться законодатель, ибо, не имея точных сведений о том, в какой мере соблюдается холостыми людьми целомудрие, ему приходится основывать свои суждения на общих результатах.

Единственное, действительно сильное и общее возражение, которое, по моему мнению, можно мне сделать, должно быть направлено не против изложенных мной принципов, а против их приложения. Все мои соображения и представленные факты доказывают, что для улучшения положения бедных необходимо уменьшение относительного числа рождений. Но такое уменьшение достижимо лишь при более совершенном порядке управления и соответственных привычках населения. Поэтому для достижения моей похвальной и желательной цели нет необходимости в распространении новых воззрений, противоречащих предрассудкам бедных классов, тем более что нет возможности определить с точностью последствия этих воззрений. Та же цель может быть достигнута улучшением основ гражданского управления, всеобщим распространением благодетельных просвещения и уравниванием тех преимуществ, которыми все могут и должны пользоваться. Достигнув этого, можно быть уверенным, что имевшиеся в виду результаты не замедлят проявиться, т.е. произойдет уменьшение числа рождений, которое одно только может укрепить приобретенные выгоды и дать им непрерывное существование.

Я признаю силу и значение этого возражения, на которое могу дать один только ответ. Трудно предположить, чтобы наше движение к предположенной цели не могло быть ускорено всеобщим ознакомлением с теми условиями, которые препятствуют ее достижению. Лично я надеюсь, что, хорошо ознакомившись с действительным своим положением, низшие классы станут согласовать с ним свои привычки. Если притом эта перемена совершится медленно и постепенно, под непрерывным влиянием хорошего нравственного и религиозного воспитания, я не думаю, чтобы она могла вызвать какие-либо опасения. Я отказываюсь верить, чтобы всеобщее распространение истины могло быть предосудительно. Конечно, можно себе представить некоторые

случаи, когда такие опасения имеют место, но случаи эти весьма редки и признавать их должно с крайней осторожностью. При существовании сомнения в том, что всякое распространение истины полезно, люди не стали бы страстно преследовать ее, а это причинило бы вред интересам науки и добродетели.

Эти чувства одушевляли меня в моем стремлении изложить откровенно мои мысли по этому поводу. Я настолько убежден в справедливости изложенных в этом труде принципов, что, пока мне не приведут иных возражений, кроме выставляемых до настоящего времени, я буду считать эти принципы вполне доказанными.

Что же касается приложения их, то в этом отношении мнения могут расходиться, так как с различных точек зрения могут представиться опасения, которые каждый может истолковать по-своему. Но каково бы ни было мнение относительно пользы или неудобства распространения истин, касающихся участи бедных, нельзя отрицать того обстоятельства, что в высшей степени полезно ознакомиться с этими истинами тем людям, которые устанавливают законы и оказывают влияние на общественные учреждения. Весьма вероятно, что было бы неудобно разъяснять всем солдатам армии подробности их положения; но я не думаю, чтобы было полезно оставлять в таком же неведении на этот счет также их генералов.

Если вполне доказано, что уменьшение относительного числа рождений [ссылка 38](#) является единственным способом для постоянного улучшения здоровья и благосостояния всей массы населения; если это уменьшение в то же время представляется единственным способом для поддержания той части населения, которая состоит из взрослых и обещает во всех отношениях больше пользы для общества; если поэтому это уменьшение есть единственное средство вызвать постоянное возрастание действительно полезного населения, то, без сомнения, в высшей степени важно, чтобы такие истины стали всем известны, хотя бы для того, чтобы мы не препятствовали этому уменьшению, если мы не можем оказать ему непосредственного содействия. [ссылка 39](#)

ссылка 38

Я должен повторить здесь, что уменьшение относительного числа рождений может легко сопровождаться постоянным возрастанием абсолютной цифры населения. Это именно имело место в течение последних четырех лет в Англии в Шотландии. Прям. автора.

ссылка 39

Не нужно забывать, что всякая страна может испытать недостаток в людях или вследствие каких-нибудь чрезвычайных потерь, или вследствие неожиданного спроса на них; но это нисколько не опровергает установленного нами принципа. Как бы ни было сильно стремление народа к размножению, очевидно, что чрезвычайное население не может появиться в короткий промежуток времени; но если бы даже дело шло о достижении такой цели, условия, уменьшающие смертность, оказали бы не только более прочное, но и более быстрое действие, чем прямое поощрение браков. Число рождений может возрастать, как это, действительно, и бывает, не сопровождаясь увеличением всего населения. При неизменном же числе рождений невозможно, чтобы уменьшение смертности не сопровождалось возрастанием всего населения. В этом отношении легко может ввести в заблуждение то обстоятельство, что в благоденствующих странах существует постоянное требование на труд; но нужно заметить, что в странах, которые могут только поддерживать на неизменном уровне численность своего населения, заработной платы должно хватать на содержание целой семьи, состоящей из определенного числа лиц; холостой работник в этих странах получает некоторый излишек, а спрос на труд в них постоянно устанавливает цену, достаточную для существования одинокого человека. Нельзя получить двойное количество рабочих по существующей заработной плате, ибо предложение обуславливает спрос, так же как спрос определяет предложение. Расширение хлопчатобумажной промышленности произошло не вследствие чрезвычайного увеличения спроса по прежним ценам, а вследствие усиленного предложения по более дешевым

Если нельзя надеяться на отмену английских законов о бедных, то не нужно, по крайней мере, сомневаться в том, что было бы весьма полезно ознакомить всех с общими принципами, уничтожившими усилия тех, которые из чувства человеколюбия ввели эти законы, ибо знакомство с этими принципами способно указать полезные изменения в законодательстве о бедных и лучшие способы для осуществления этих изменений.

Мне пред стоит устранить еще одно затруднение. Правда, в этом случае дело идет не столько об опровержении рассуждения, сколько о предупреждении чувства. Многие лица из числа тех, которые не считают нужным приводить в соответствие свои мнения и вкусы, утверждают, что изложенные в этом сочинении принципы кажутся им неопровержимыми, но это именно печалит их. Им представляется, что мое учение расстилает над природой мрачное покрывало и не оставляет места тем надеждам на улучшение и усовершенствование, которые скрашивают человеческую жизнь. Я не могу разделять подобных чувств. Если бы картина прошлого давала мне право надеяться, что существенное улучшение общественного строя не только возможно, но хотя бы вероятно, то разрушение этих надежд, без сомнения, опечалило бы меня. Но если, напротив, опыт прошлого не позволяет мне рассчитывать на такое улучшение, то я без всякой печали взгляну на неразрывно связанное с нашей природой затруднение, с которым приходится вести постоянную борьбу, так как эта борьба возбуждает энергию человека, развивает его способности, закаляет душу, улучшает его во многих отношениях, словом, является в высшей степени пригодной для его испытания. Гораздо лучше установить такой взгляд на положение общества, чем уверять себя, что все бедствия легко могли бы быть устранены из нашей жизни, если бы испорченность людей, влияющих на общественные учреждения, не искажала всякие полезные начинания.

Люди, придерживающиеся последнего мнения, неизбежно должны ощущать чувство постоянного недовольства и негодования, так как при всяком столкновении с действительной жизнью им приходится испытывать горькое разочарование. Даже при самых благоприятных условиях правильный прогресс общества будет им казаться медленным и недостаточным, ибо их предубежденные глаза увидят в этом прогрессе лишь ретроградное движение и безвыходное несчастье; перемены, которых они прежде добивались, покажутся им связанными со множеством бедствий; среди постоянных разочарований они увидят во всем лишь преступные побуждения и, быть может, окончательно потеряют веру в какие бы то ни было улучшения.

Человек, придерживающийся противоположного мнения, не испытывает разочарования, потому что не предается напрасным надеждам. Сравнение различных состояний общества показывает ему, что самые лучшие из них способны к улучшению, и это пробуждает в нем бодрость. Но он предвидит и затруднения. Он

ценам, которые неизбежно вызвали большой спрос. А так как ни при каком промышленном улучшении нельзя иметь рабочих по шести пенсов в день, то по необходимости приходится подчиниться тем условиям, на которых можно их получить. Прим. автора.

знает, что стремление к улучшению часто сопровождается какой-нибудь потерей в другом отношении и что прогресс не всегда охватывает все стороны общественной жизни, поэтому он всегда приготовлен к тому, что лучшие его ожидания рушатся. В этом случае он не только не впадает в отчаяние, но старается воспользоваться своей неудачей как полезным опытом; таким образом, его энергия не ослабевает, но принимает лучшее направление. Он до конца жизни верит как в могущество добродетели, так и в существование порока и не покидает надежды на будущие общественные улучшения. Эта надежда внушена ему историей прошедших времен, несмотря на то, что она так часто была смешением печальных событий.

Если невежество есть благо, то нет надобности в просвещении. Но если оно, как в данном случае, опасно, если ложные воззрения на общественный порядок не только задерживают прогресс, но еще жестоко обманывают наши надежды, то мне кажется, что чувства и ожидания, внушаемые здравым взглядом на будущее, являются источником утешения и что люди, обладающие этим здравым взглядом, более счастливы и более участвуют в усовершенствовании и упрочении благосостояния общества, чем если бы они отвернулись от истины.

XVII

Опровержение возражений ссылка 40

Со времени обнародования последнего издания моей книги в 1807 г. появилось сочинение Вейланда «Законы народонаселения и производства», написанное с целью опровержения моих принципов. Я с удовольствием предоставил бы решение затронутого мной вопроса самим читателям и воздержался бы от личного участия в прениях; но так как я заявил, что готов отвечать на всякое серьезное и искреннее возражение, то считаю своим долгом рассмотреть названное сочинение.

Труд Вейланда имеет в виду строго обозначенную цель. Хотя в подробностях автор поставлен иногда в необходимость соглашаться с моими воззрениями на препятствия, поддерживающие численность населения на уровне средств существования, и хотя все приведенные им причины, объясняющие медленное возрастание населения цивилизованных обществ, вполне подходят под одно из трех указанных мной главных препятствий, тем не менее он начинает с отрицания моих принципов и кончает выводами, прямо противоположными моим заключениям. Изложив совершенно правильно мои главные основания и делаемые из них выводы, он говорит: «приняв посылки, очевидно, нельзя отрицать вытекающие из них следствия». Я ничего иного не вправе требовать. Если мне будет доказано, что мои посылки не опираются на прочные основания, я готов отказаться от следствий, которые я вывел из них.

Вейланд говорит: «Заблуждения и ошибочные воззрения на закон народонаселения, по-видимому, произошли вследствие того,

ссылка 40

Эта глава, написанная автором в 1817 г., приведена с сокращениями.

что за естественное, или даже вообще возможное, размножение населения принято самое быстрое, какое только может случиться при некоторых исключительных условиях, а всякое замедление такого размножения рассматривается как следствие препятствия, останавливающего естественный рост населения. Это все равно, как если бы для определения нормального роста людей мы приняли рост великана, и называли бы препятствиями те условия, которые не позволяют всем людям достигнуть такой величины».

Этот пример неудачен. Желая изобразить степени размножения населения в виде различных величин человеческого роста, Вейланду нужно было построить сравнение следующим образом: замечено, что в какой-нибудь стране большинство людей усвоило привычку постоянно носить на голове тяжесть. При этом замечено, что рост этих людей находится в зависимости от размера тяжести: с уменьшением тяжести увеличивается рост, а немногие лица, совсем не носящие на голове тяжести, превосходят всех остальных своим ростом. Не вправе ли мы сделать из этого наблюдения тот вывод, что тяжесть была причиной небольшого роста людей, носивших ее, и что высокий рост людей, не носивших никакой тяжести на голове, представляет истинную меру того естественного роста, которого могли бы достигнуть и все остальные люди, если бы ничто не препятствовало этому?

Что поражает нас в наблюдаемом в различных странах размножении населения? Не находим ли мы, что всюду естественное стремление к размножению останавливается одним из трех препятствий: самообузданием, пороком или нищетой, и что размножение совершается быстрее или медленнее, смотря по возрастающему или убывающему влиянию этих препятствий? Что именно этой причиной объясняется различная быстрота размножения в Испании, Франции, Англии, Ирландии, России, в американских владениях Испании, Северо-американских Штатах? Не видим ли мы, что неподвижное или слабо возрастающее население начинает вдруг быстро размножаться, как только внезапный спрос на труд даст возможность низшим классам населения получить необходимые средства к существованию с меньшими затруднениями? Не видим ли мы, наконец, что в некоторых странах или отдельных местностях, где средства к жизни дешевы, где можно без особенных затруднений содержать семью, а следовательно, без опасений вступать в браки, – размножение населения идет наиболее быстрыми шагами, обгоняя прочие местности, не находящиеся в таких благоприятных условиях?

К этим поразительным и многочисленным фактам необходимо еще прибавить, что ни теория, ни опыт не показывают ослабления или искажения плодородия вместе с развитием общества и что в такой стране, как Северная Америка, не отличающейся особенно здоровым климатом, население возрастает быстрее, чем в других странах, а средства существования распределяются с большей равномерностью. После всего этого не вправе ли мы заключить, что затруднения, вызываемые содержанием семьи, и последствия этих затруднений – самообуздание, порок и нищета – являются истинными причинами неодинакового размножения населения в различных странах? Не вправе ли мы по аналогии предположить, что

размножение населения в Северо-американских Штатах не только не представляется необыкновенным и неестественным по своим размерам, но, наоборот, во всей Европе, быть может, не найдется ни одной страны, в которой население не могло бы точно так же и даже быстрее возрастать, если бы в ней браки заключались в столь же раннем возрасте и если бы средства для содержания семьи были столь же обильны, а занятия рабочих классов – столь же здоровы?

Вейланд прибегает и к другим сравнениям. Он утверждает, что физическое стремление цивилизованного народа к усваиванию своего населения в двадцатипятилетний период исчезает также несомненно, как «исчезает способность боба подымать свой стебель, когда рост его прекратился»; что основывается на продолжительности и силе такого стремления, это то же самое, что принять пустой призрак за основание для теории, «которая не может быть подтверждена наблюдением и находится в противоречии с фактами. Подобной теории можно доверять в такой же мере, как расчету генерала, который, основываясь на одной лишь возможности существования пушки с дальностью боя, вдвое превышающей расстояние, на которое способны стрелять его собственные орудия, надеялся бы уничтожить неприятеля с недоступного расстояния».

Я не знаю, кто из нас двоих ошибся на счет дальности пушечного выстрела, т.е. на счет действительного возрастания населения в различных странах и каким образом можно применить ко мне ошибку генерала. Употребляя сравнение Вейланда, мои рассуждения представляются в следующем виде: наблюдая за дальностью полета ядер, выпущенных из пушек одинакового калибра и при одинаковом заряде, и найдя в этой дальности большое различие, я стал отыскивать причину такого явления; заметив на пути полета препятствия и найдя, что дальность была тем больше, чем слабее были препятствия, я счел себя вправе сделать на основании умозрения и опыта заключение, что естественное стремление ядер одинаково, но дальность полета изменяется в зависимости от препятствий. Такое заключение представляется мне более правильным, чем попытка приписать колебания в дальности полета ядер какому-то таинственному изменению в силе, когда орудия одинаковы во всех остальных отношениях.

Не останавливаясь более на этих сравнениях, приводимых для разъяснения различной величины возрастания населения в различных странах, заметим лишь, что пока человеку для существования будет необходима пища, до тех пор неминуемо будут проявляться эти различия, обусловленные истощением средств существования. Делать из различной степени размножения тот вывод, что «население имеет естественное стремление удерживать себя на уровне средств существования, доставляемых землей во всякую эпоху его существования», – это то же, что сказать о человеке, заключенном в темницу, будто он обладает естественным стремлением к тюремной жизни или что стесненные со всех сторон сосны в густых лесах Норвегии не имеют естественного стремления пускать ветвей. Тем не менее таково именно главное положение Вейланда, на которое опирается все его сочинение.

Хотя Вейланд не доказал, что существуют границы для

естественного стремления населения к размножению, и не представил ни одного аргумента для подтверждения вероятности, что при отсутствии влияния самообуздания, порока и нищеты население в тысячу миллионов может также легко удвоиться в течение двадцати пяти лет, как и население в тысячу человек, – тем не менее необходимо согласиться, что часть приведенного им против меня возражения могла бы иметь значение при известных условиях, а потому, не опровергая моих воззрений, могла бы изменить делаемые из них заключения.

Возражение это формулируется следующими словами: разделение труда, являющееся следствием успехов цивилизации, в особенности в странах, отличающихся плодородной почвой и высоким развитием земледельческой техники, может направить в город к нездоровым занятиям такую значительную часть населения, что препятствия к его размножению окажутся слишком сильными, и их нельзя будет парализовать изобилием продовольствия.

Такой случай, действительно, возможен, а потому практический вопрос, заслуживающий внимания в моем споре с Вейландом, состоит в следующем: нужно ли смотреть, подобно мне, на эти случаи как на редкое исключение или, соглашаясь с Вейландом, можно принять их за нормальный порядок вещей, свойственный всем последовательным периодам существования человеческих обществ? При обоих предположениях население будет сдержано одним из указанных мной трех препятствий, но нравственное и общественное значение некоторых из них будет различно: при первом предположении нравственное самообуздание будет полезной и более всего необходимой добродетелью, при втором оно, наоборот, будет менее всего полезно и необходимо.

Этот вопрос может быть решен прошедшим опытом. Вейланд, по-видимому, основывает свое мнение на рассмотрении общественных условий одной только Англии и этого одного обстоятельства достаточно для опровержения его теории. Он приводит множество цифр для доказательства того, что рождения с трудом удовлетворяют требованиям городов и фабрик. У того, кто стал бы руководствоваться этими вычислениями, могла бы явиться тревога и опасение относительно предстоящего быстрого обезлюдения страны и во всяком случае сложилась бы уверенность, что мы находимся на границе того непроизрождения, которое, по мнению Вейланда, разом останавливает естественное возрастание населения, еще до наступления времени, когда прекратилось бы возрастание средств существования.

Эти вычисления сделаны на основании наблюдений над довольно отдаленной от нас эпохой, а потом они были применимы двадцать лет тому назад в такой же мере, как и теперь. Что же, однако, произошло в течение этих двадцати лет? Несмотря на увеличение городов, чрезвычайное развитие фабрик и относительного количества занятых на них рабочих, несмотря на необыкновенное требование людей для пополнения армии и флота, словом, несмотря на осуществление такого порядка вещей, который, по теории Вейланда, давно уже должен был вызвать в Англии непроизрождение, ее население возрастало в более сильной степени, чем когда бы то ни было. В десятилетие с 1800 по 1811 г. население

Англии увеличивалось в такой прогрессии, которая обуславливает удвоение в двадцатипятилетний период.

Мне кажется, что этот факт служит явным опровержением теории, будто, по мере развития общества, отвращение к браку и смертность в городах и на фабриках возрастают в такой степени, что оказывают постоянное преобладание над силой, стремящейся увеличить население, или, говоря словами Вейланда, что население не только не отличается пагубным стремлением достигать до уровня средств существования, но, наоборот, приближается в нему с чрезвычайной медленностью.

При неоспоримом существовании приведенных выше фактов, а также того, что даже в период такого возрастания населения множество людей в городах и селах вынуждено было замедлить вступление в брак из-за неимения средств для содержания семей, помимо приходских вспомоществований, при существовании подобных фактов трудно понять, как может здравомыслящий человек запутаться в лабиринте ошибочных вычислений и прийти к заключению, которое так явно противоречит наблюдению.

Приведенные факты, в приложении даже к самым цивилизованным европейским обществам, доказывают, что препятствия для размножения населения вытекают главным образом из недостаточности средств существования и что препятствия эти ослабевают при возрастании средств существования, несмотря на увеличение городов и числа фабрик. Такой довод несомненно и бесспорно решает спорный предмет, но, рассматривая столь общий и обширный предмет, как закон народонаселения, не следует ограничиваться примерами одной только страны.

Если мы взглянем на пример других стран, то мнение Вейланда окажется еще более шатким. Разве города и фабрики Швейцарии, Норвегии, Швеции являются могилами человеческого рода и предупреждают всякую возможность избыточного населения? В Швеции сельское население относится к городскому как 13:1, а в Англии как 2:1 и тем не менее население возрастает быстрее в последней. Как же согласить подобный факт с утверждением, что успехи цивилизации постоянно сопровождаются соответственным ослаблением естественного стремления к размножению? Норвегия, Швеция и Швейцария управлялись довольно удовлетворительно, а между тем мы не замечаем в них тех «предупредительных изменений», которые, по словам Вейланда, обнаруживаются в каждом обществе, по мере истощения почвы, и которые «отвращают многих людей от брака и делают все большее число людей неспособными к пополнению убывающего населения». Что же отвращает в этих странах от вступления в брак, как не отсутствие средств для содержания семьи? Что делает людей, вступивших в брак, неспособными к пополнению убывающего населения, как не болезни, происходящие от бедности и недостатка средств существования? Если размышление над состоянием этих и многих других стран доказывает, что свободное заключение ранних браков неминуемо влечет за собой увеличение смертности, являющейся следствием нищеты, то вправе ли мы утверждать, что нет никакого нравственного основания сдерживать такие ранние браки? Когда нам известно, что во многих, а может быть даже во всех,

европейских странах заработная плата недостаточна для содержания многочисленного семейства в здоровом состоянии, то как можем мы утверждать, что население не достигло еще крайних пределов и что «бедствия, порождаемые избыточным населением, могут проявиться только в стране, населенной до той крайней степени, выше которой не могут уже возрасти ее средства существования»?

Можно подумать, что Вейланд диктовал свое сочинение, закрыв глаза и заткнув уши. Я питаю глубокое уважение к его намерениям и личности, но должен сознаться, что никогда еще мне не приходилось встретить теорию, в такой мере расходящуюся с наблюдением.

Одного беглого взгляда на состояние различных европейских, стран достаточно, чтобы при всевозможных практических применениях не забывать того, что естественное стремление населения к размножению представляет неизменную величину, а действительное размножение определяется переменными условиями и средствами каждой страны для содержания труда, независимо от того, какой бы степени развития эта страна ни достигла, признается ли она земледельческой или промышленной, много ли в ней городов или нет. Это действительное размножение, т.е. истинные границы населения, должно постоянно находиться гораздо ниже наибольшего предела производительной силы земли, дающей средства для продовольствия. Это последнее условие вытекает, во-первых, из того, что мы не вправе предположить, чтобы искусство и трудолюбие людей в современном обществе могли получить возможно лучшее применение для увеличения этой производительности; во-вторых, из того, что наибольшее производство питательных веществ не может быть достигнуто при системе частной собственности, как я это объяснил ранее. Очевидно, что эти условия оказывают влияние лишь на действительное количество добываемой пищи и на действительное число людей и не имеют никакого, даже отдаленного отношения к естественному стремлению населения, превышающему способность земли доставить необходимое пропитание.

Что касается приводимых Вейландом и многими другими писателями примеров, что в действительности возрастание населения предшествует увеличению продовольствия, то они, по моему мнению, подтверждают то учение, против которого направлены. Опасение, чтобы возрастающее население не умерло голодной смертью [ссылка 41](#), в том случае, когда ему не предшествовало увеличение количества пищи, было многими подвергнуто осмеянию, причем его сравнивали с опасением, как бы люди не остались нагими, если не будет заготовлена одежда, до появления их на свет. Если еще можно спорить против опасения в первом случае, то во втором – основательность его не может быть подвергнута сомнению; по крайней мере люди всегда поступали согласно с этим мнением. В предстоящие 24 часа в Англии и княжестве Валийском родится около 800 детей; смею уверить моих

ссылка 41

Этого, впрочем, я не говорил. Я сказал, что благосостояние такого населения должно склониться к упадку, и подтверждаю справедливость этого положения. Прим. автора.

противников, что из числа этих, имеющих появиться на свет детей едва ли только одному из десяти не заготовлена одежда до его рождения. Если опасно брать в руки оружие, не умея владеть им, то не менее опасно прибегать к примерам, не умея их применить. В таких случаях примеры чаще всего доказывают противоположное тому, что желаешь доказать.

XVIII

Заключение

В двух главах, о нравственном обуздании и о влиянии его на общество, я имел в виду показать, что бедствия, причиняемые законом народонаселения, по своей природе совершенно сходны с бедствиями, порождаемыми излишествами во всех других страстях, и что из существования этих бедствий мы имеем не больше оснований заключить, что закон народонаселения противоречит намерениям Творца, чем если бы из существования пороков, порождаемых человеческими страстями, мы вывели необходимость искоренения страстей, вместо того, чтобы поучиться возможно лучше управлять ими.

Если эта точка зрения справедлива, то из нее вытекает, что, несмотря на признанные бедствия, порождаемые законом народонаселения, он и при настоящем нашем положении должен приносить больше пользы, чем вреда.

В этих главах я вкратце очертил эти выгоды, насколько позволял план моего сочинения. Тот же вопрос в последнее время был искусно развит в прекрасном сочинении Сумнера; я счастлив, что могу рекомендовать тем из моих читателей, которые захотят ближе познакомиться с предметом, едва намеченным мной, обратиться к этому подробному и отлично изложенному сочинению.

Я вполне разделяю мнение Сумнера о выгодах, представляемых законом народонаселения; я также глубоко убежден в том, что естественное стремление людей размножаться быстрее, чем могут возрасти средства существования, не может быть ни искоренено, ни значительно ослаблено без одновременного искоренения нашей надежды на возвышение и страха перед унижением, т.е. таких чувств, которые более всего необходимы для развития человеческих способностей и увеличения общественного благополучия. Но, питая это убеждение, я отнюдь не имею намерения изменить свои воззрения на причиняемые законом народонаселения бедствия. Для того чтобы быть вознагражденными добром, этим бедствиям незачем менять ни своего названия, ни своей сущности. Смотреть иначе и не называть их бедствиями было бы столь же неблагоприятно, как бояться наименовать порочным чрезмерное излишество во всякой другой страсти или думать, что если следствием такого излишества является несчастье, так это происходит именно потому, что сама страсть составляет источник счастья и добродетели.

Я всегда думал, что закон народонаселения, более всякого другого, пригоден для нашего исправления и испытания. И действительно, из всех известных нам законов природы он полнее

других подтверждает изображенное в Священном Писании воззрение на назначение нашей земной жизни. Так как, следуя путем добродетели и внушениям разума, человек может избежать вредных для него и для общества последствий закона народонаселения, то необходимо признать, что в этом великом законе природы вполне осуществились намерения Творца.

Поэтому я был удивлен и огорчен тем, что большинство возражений против моего сочинения исходило от лиц, нравственный и религиозный характер которых постоянно вызывал чувство моего глубочайшего уважения и сочувствие которых мне было бы особенно дорого. Это отношение к моему сочинению было вызвано некоторыми моими выражениями, казавшимися слишком жесткими и неснисходительными к нашим естественным слабостям и к чувствам, связанным с христианским милосердием.

Весьма возможно, что, найдя лук слишком согнутым в одну сторону, я чрезмерно перегнул его в другую из желания выпрямить его. Но я всегда готов исключить из моего сочинения все то, что, по мнению сведущих ценителей, противоречит моей цели или мешает распространению истины. Из уважения к этим лицам я уже исключил некоторые места, наиболее дававшие повод к возражениям; такие исправления в особенности коснулись настоящего издания. Я льщу себя надеждой, что эти изменения улучшили мое сочинение, не изменив его оснований. Но до этих изменений, как и после них, я полагаю, всякий беспристрастный читатель должен признать, что, несмотря на возможные ошибки, практическая цель, которую преследовал автор этого сочинения, состояла в улучшении участи и увеличении счастья низших классов общества.